

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 21 · № 2

• 2024 •

Vol. 21 · No. 2

SIBERIAN LAW REVIEW

DOI: 10.19073/2658-7602

Учредитель и издатель:

частное образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский юридический университет»

Адрес издателя и редакции:

ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия
Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© Редакция научного журнала
«Сибирское юридическое обозрение», 2024

Founder and publisher:

private educational institution of higher education
“Siberian Law University”

Address of the publisher and the editorial office:

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia
Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

© The editorial board of the scientific journal
“Siberian Law Review”, 2024

Журнал включен в:

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- Категорию 1 (К 1) журналов, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- базу данных «Российский индекс научного цитирования»;
- каталог Ulrich’s Periodicals Directory – авторитетную базу данных, которая содержит библиографическую информацию о научных периодических изданиях мира;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – ведущую международную базу журналов открытого доступа;
- электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»;
- научную электронную библиотеку «КиберЛенинка» и др.

В соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 1 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» настоящий журнал знаком информационной продукции не маркируется.

The journal is included in:

- the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of sciences must be published;
- Category 1 (K 1) of the list of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of science must be published;
- the database “Russian science citation index”;
- Ulrich’s Periodicals Directory is an authoritative database that contains bibliographic information about scientific periodicals of the world;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – a community-curated online directory that indexes and provides access to high quality, open access, peer-reviewed journals;
- legal information database “GARANT System”;
- scientific electronic library “CyberLeninka” and others.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Председатель редакционной коллегии –
главный редактор**

Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора

Караманукян Давид Тониевич – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Ответственный секретарь

Агеева Алена Викторовна – кандидат юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Бабурин Василий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Бекетов Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Гатт Лусилла – профессор частного права (Университет Неаполя им. Сестры Орсола Бенинкасо, Неаполь, Италия; Республика Италия);

Герасименко Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области, Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Гришковец Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация);

Гундур Раджив – доктор философии в области криминологии (PhD in Criminology) (Университет Флиндерс, Аделаида, Содружество Австралии);

Деришев Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кодан Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация);

Кожевина Марина Анатольевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор (Второй арбитражный апелляционный суд г. Кирова, Киров, Российская Федерация);

Коэн-Альмагор Рафаэль – профессор, доктор философии в области политики (Университет Халла, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Кузьмина Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент (Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация);

Луговик Виктор Федорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Мэггс Питер Б. – профессор-исследователь (Юридический колледж Университета Иллинойса, Шампейн, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Мюллер Амрей – доктор юридических наук, доцент (Юридическая школа Сазерленда UCD, Дублин, Республика Ирландия);

Озунгур Фахри – доктор философии в области права, семьи, бизнеса (Университет Мерсин, Мерсин, Турецкая Республика);

Паризи Франческо – профессор права (Университет Миннесоты, Миннеаполис, Миннесота, Соединенные Штаты Америки), профессор экономики (Болонский университет, Болонья, Италия; Республика Италия);

Пфандер Джеймс Э. – профессор права (Юридическая школа Северо-Западного Притцкера, Чикаго, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Пьеткевич Михал – доктор философии в области права (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Республика Польша);

Руда-Гонсалес Альберт – доцент в области частного права (Университет Жироны, Жирона, Королевство Испания);

Торнхилл Кристофер – профессор права (Бирмингемский университет, Бирмингем, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Хамедов Иса Ахлиманович – доктор юридических наук, профессор, имеет дипломатический ранг (Университет мировой экономики и дипломатии МИД Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан);

Хоссейн Мд Саззэд – доктор философии в области защиты прав человека (Азиатско-Тихоокеанский университет, Дакка, Народная Республика Бангладеш);

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация);

Чен Джеймс Мин – профессор права (Юридический колледж Университета штата Мичиган, Ист-Лансинг, Мичиган, Соединенные Штаты Америки);

Черников Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шарапов Роман Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация).

SIBERIAN LAW REVIEW

Scientific journal

Volume 21, no. 2

2024

Published since 2004
Published four times a year

Previous titles of the journal:
“Vestnik of the Omsk Law Institute” ISSN 2222-856X (2004 – first half of 2012);
“Vestnik of the Omsk Law Academy” ISSN 2306-1340 (print), 2410-8812 (online)
(second half of 2012 – first half of 2019)

EDITORIAL BOARD

The Chairman of the Editorial Board – Editor-in-Chief

Yury P. Solovey – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Deputy Editor-in-chief

David T. Karamanukyan – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Executive Secretary

Alena V. Ageeva – Candidate of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Vasilii V. Baburin – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Maxim V. Bavsun – Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation;

Oleg I. Beketov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

James Ming Chen – Professor of Law, Michigan State University College of Law, East Lansing, Michigan, United States of America;

Valerii V. Chernikov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Raphael Cohen-Almagor – D. Phil. in political theory, University of Hull, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Yury V. Derishev – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Lucilla Gatt – Professor of Private Law, Suor Orsola Benincasa University of Naples, Naples, Italian Republic;

Yury V. Gerasimenko – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ombudsman for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk Region, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Aleksei A. Grishkovets – Doctor of Legal Sciences, Professor, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

Rajeev Gundur – PhD in Criminology, Flinders University, Adelaide, Commonwealth of Australia;

Md Sazzad Hossain – PhD in Law, University of Asia Pacific, Dhaka, People's Republic of Bangladesh;

Denis N. Karkhalev – Doctor of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Isa A. Khamedov – Doctor of Legal Sciences, Professor, has a diplomatic rank, University of World Economy and Diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan;

Sergei V. Kodan – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation;

Pavel I. Kononov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Second Arbitration Court of Appeal of Kirov, Kirov, Russian Federation;

Marina A. Kozhevina – Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Irina D. Kuzmina – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation;

Viktor F. Lugovik – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Peter B. Maggs – Research Professor, University of Illinois College of Law, Champaign, Illinois, United States of America;

Amrei Muller – PhD in Law, UCD Sutherland School of Law, Dublin, Republic of Ireland;

Fahri Ozsunger – PhD in Law, Family and Consumer Sciences, PhD in Business, Mersin University, Mersin, Republic of Turkey;

Francesco Parisi – Professor of Law, University of Minnesota, Minneapolis, Minnesota, United States of America; Professor of Economics, University of Bologna, Bologna, Italian Republic;

James E. Pfander – Professor of Law, Northwestern Pritzker School of Law, Chicago, Illinois, United States of America;

Michal Pietkiewicz – PhD in Law, University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Republic of Poland;

Albert Ruda-Gonzalez – PhD in Law, University of Girona, Girona, The Kingdom of Spain;

Roman D. Sharapov – Doctor of Legal Sciences, Professor, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation;

Christopher Thornhill – Professor of Law, University of Birmingham, Birmingham, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Nikolai N. Tsukanov – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Д. О. Тарабара

Земское самоуправление в Восточной Сибири 142

Н. А. Шавеко

Право на достойное существование в дореволюционной философии права в контексте обоснования социально-экономических прав человека и гражданина 156

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

В. Е. Севрюгин

Актуальные проблемы развития и совершенствования конституционного законодательства (к 30-летию Конституции Российской Федерации) 169

П. Е. Спиридонов

Административно-процессуальные правоотношения: сущность и характеристика 183

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Е. В. Королев

Проблемы доказывания технического сбоя при проведении электронных торгов 208

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

В. А. Гусев, Е. В. Герасименко

Квалифицированная юридическая помощь лицам, в отношении которых проводятся негласные оперативно-розыскные мероприятия, в случаях приобретения такими мероприятиями гласного характера 220

Е. В. Зазолина

Криминализация деяний в сфере добычи и оборота особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации 238

А. С. Медведева

Правовой, объяснительный и экспертный потенциалы понятий, использованных законодателем при установлении запрета пропаганды ЛГБТ* 251

О. С. Морозова

Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства 263

Информация для авторов 274

* Пропаганда ЛГБТ, педофилии и смены пола запрещена в России.

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW SCIENCES

D. O. Tarabara

Zemstvo Self-Government in Eastern Siberia 142

N. A. Shaveko

The Concept of the Right to a Dignified Life in Pre-Revolutionary Legal Philosophy, Particularly in Relation to the Justification of Socio-Economic Rights 156

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

V. E. Sevryugin

Actual Problems of Development and Improvement of Constitutional Legislation (to the 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation). 169

P. E. Spiridonov

Administrative and Procedural Legal Relationships: Essence and Characteristics 183

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

E. V. Korolev

Problems of Proving Technical Malfunctions During Electronic Auctions 208

CRIMINAL LAW SCIENCES

V. A. Gusev, E. V. Gerasimenko

Provision of Qualified Legal Assistance to Individuals Subjected To Covert Operational Investigative Measures in Cases Where These Activities Take Public Forms 220

E. V. Zazolina

The Criminalization of Activities Related To the Extraction and Trafficking of Particularly Valuable Plants and Fungi that Are Listed in the Red Book of the Russian Federation and/or Protected By International Treaties to Which the Russian Federation Is a Party 238

A. S. Medvedeva

The Legal, Explanatory, and Expert Aspects of the Concepts Utilized By Lawmakers in Enacting the Prohibition of LGBT Propaganda* 251

O. S. Morozova

Optimization of the Composition of Participants in Criminal Pre-Trial Proceedings 263

Information for Authors 276

* Russia prohibits the dissemination of propaganda related to LGBT issues, pedophilia, and gender reassignment.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Theory and History of Law Sciences

УДК 342.25(571)

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-2-142-155

EDN: FRGLLH

Оригинальная научная статья

Земское самоуправление в Восточной Сибири

Д. О. Тарабара

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ tarabara@list.ru

Аннотация. Статья посвящена проекту введения земского самоуправления в губерниях и областях Восточной Сибири, разработанному царским правительством в 1916–1917 гг. Источниковой базой исследования являются документы Российского государственного исторического архива, часть из которых впервые вводится в научный оборот. На основании сравнительного анализа концепции реформы, предложенной представителями высшей восточносибирской бюрократии, и законопроекта, разработанного Министерством внутренних дел, делается вывод о существовании двух прямо противоположных подходов к осуществлению преобразований. Подчеркивается, что региональные власти уделяли большее внимание географическим, демографическим и социально-экономическим особенностям Восточной Сибири, тогда как центральные – общей логике построения системы местного управления и самоуправления, а также ее соответствию господствовавшим на тот момент теоретическим принципам муниципального права. Исследование правительственного законопроекта об управлении земским хозяйством в губерниях Енисейской и Иркутской и в Якутской области показало, что он представлял собой попытку адаптации Земского положения 1890 г. к условиям одной из окраин Империи, специфика которых заключалась в отсутствии дворянских учреждений и слабом развитии частной собственности на землю. Посредством формально-юридического анализа были выявлены как сильные (децентрализация местного самоуправления, передача земским учреждениям инфраструктуры Переселенческого управления), так и слабые (малопригодная для региона избирательная система с высокими имущественными цензами, ограничение компетенции земского самоуправления) стороны предложенной правительством реформы. Рассмотрение же законопроекта о введении земства в Иркутском генерал-губернаторстве в контексте иных правительственных проектов реформ земского самоуправления 1906–1917 гг., предполагавших как внесение существенных изменений в Земское положение, так и его распространение на «неземские» регионы, позволило выявить воззрения на природу и должную организацию местного самоуправления, преобладающие в среде высшей бюрократии начала XX в. Это в свою очередь дает возможность лучше понять внутреннюю логику ее правотворческой деятельности и, как следствие, пределы реформаторского потенциала дореволюционного правительства.

Ключевые слова: земское самоуправление, земские учреждения, Восточная Сибирь, законопроект, реформа

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тарабара Д. О. Земское самоуправление в Восточной Сибири // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 2. С. 142–155. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-142-155>. EDN: <https://elibrary.ru/frgllh>

© Тарабара Д. О., 2024

Original scientific article

Zemstvo Self-Government in Eastern Siberia

D. O. Tarabara

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ tarabara@list.ru

Abstract. The article focuses on the project aimed at implementing zemstvo self-government in the provinces and regions of Eastern Siberia, formulated by the Tsarist government in 1916–1917. The research draws upon documents from the Russian State Historical Archive, with some being presented in scientific discourse for the first time. Based on a comparative analysis of the reform proposed by representatives of the higher East Siberian bureaucracy and the draft law developed by the Ministry of Internal Affairs, it is concluded that there are two directly opposite approaches to the implementation of reforms. Emphasis is placed on the fact that regional authorities placed greater focus on the geographical, demographic, and socio-economic characteristics of Eastern Siberia, whereas central authorities prioritized the overarching framework for establishing a system of local governance and self-government, aligning with the prevailing theoretical principles of municipal law of that era. A study of the government bill on the management of zemstvo in the provinces of Yenisei and Irkutsk and in the Yakut region showed that it was an attempt to adapt the Zemstvo situation of 1890 to the conditions of one of the outskirts of the Empire, the specifics of which consisted in the absence of noble institutions and the weak development of private land ownership. Through a formal legal analysis, the strengths (such as decentralization of local self-government and transfer of resettlement management infrastructure to zemstvo institutions) and weaknesses (such as high property qualifications for voting unsuitable for the region and limitations on the competence of zemstvo self-government) of the government's proposed reform were identified. Examining the draft law for the implementation of zemstvo in the Irkutsk Governorate within the broader context of other government reform projects for zemstvo self-government from 1906 to 1917, which aimed at both substantial alterations to the existing zemstvo system and its expansion into "non-zemstvo" regions, provided insights into the prevailing perspectives of the highest bureaucratic echelons in the early twentieth century regarding the genesis and appropriate structuring of local self-governance. This, in turn, facilitates a deeper comprehension of the internal rationale behind its legislative endeavors and, consequently, the boundaries of the reform undertaken by the pre-revolutionary government.

Keywords: zemstvo self-government, zemstvo institutions, Eastern Siberia, draft law, reform

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Tarabara D. O. Zemstvo Self-Government in Eastern Siberia. *Siberian Law Review*. 2024;21(2):142-155. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-142-155>. EDN: <https://elibrary.ru/frglh> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

К февралю 1917 г. земские учреждения действовали всего в 43 из 93 губерний, областей и округов Российской империи (не считая Великого княжества Финляндского). Институт, продемонстрировавший немалые успехи в территориальном ядре страны, так и не был распространен на ее окраины. Не стала исключением

и Сибирь, стремительно интегрировавшаяся в экономическое, правовое и административное пространство России в конце XIX – начале XX вв. Земский вопрос здесь был разрешен только 17 июня 1917 г. с принятием Временным правительством постановления «О введении земских учреждений в губернии Архангельской и в губерниях и областях Сибири».

© Tarabara D. O., 2024

Тем не менее земская проблематика в дореволюционной Сибири имеет достаточно обширную историографию. Наибольшее внимание со стороны исследователей закономерно получили сюжеты, связанные с общественным движением за введение земств в регионе и разработку представителями сибирской интеллигенции собственных проектов реформы [1–9]. Достаточно подробно рассмотрена проблематика сибирского земства в работе III и IV Государственных Дум Российской империи и, в частности, юридическая судьба депутатских законопроектов по распространению Земского Положения на губернии и области Сибири и Дальнего Востока [1; 3; 4; 7–9].

Гораздо меньшее внимание уделяется роли центральных органов исполнительной власти в данном вопросе: большая часть авторов ограничиваются лишь констатацией отрицательного отношения правительства к идее сибирского земства и шаблонным перечислением причин такового. Более ценными в этом отношении являются работы М. В. Шиловского, содержащие общий историко-правовой анализ законопроекта «Об управлении земским хозяйством в губерниях Алтайской, Тобольской и Томской», разработанного МВД в 1916 г., и сопроводительных материалов к нему [3; 8], а также М. И. Альтшуллера и М. В. Угрюмовой, освещающие результаты работы совещания по земской реформе в Западной Сибири, организованного Главным управлением по делам местного хозяйства МВД в декабре 1913 г. [1; 7].

Можно констатировать отсутствие работ, предлагающих рассмотрение указанного вопроса через призму внутренней логики дореволюционного законодательства о местном самоуправлении и попыток центральной власти адаптировать его жесткие принципы к неоднородному со-

циальному пространству огромной Империи. Не предпринималось попыток осуществить сравнительно-правовой анализ правительственных проектов введения земского самоуправления в Сибири с аналогичными проектами для других окраинных территорий.

В данном исследовании рассматривается земский вопрос в Сибири в контексте общей проблематики муниципально-правовой унификации Империи. В качестве иллюстрации избранного подхода было решено использовать проекты введения земского самоуправления в Восточной Сибири, разработанные в Иркутском генерал-губернаторстве и в Министерстве внутренних дел в 1916–1917 гг., поскольку данный сюжет является белым пятном отечественной историографии.

ПОДГОТОВКА ПРОЕКТА РЕФОРМЫ

После того как 5 мая 1912 г. Государственный Совет отклонил разработанные и принятые Государственной Думой законопроекты «О распространении действия Положения о земских учреждениях на губернии Тобольскую, Томскую, Иркутскую, Енисейскую и Забайкальскую область» и «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Амурскую и Приморскую области», инициатива по разработке земской реформы для губерний и областей Сибири перешла от парламентариев к Министерству внутренних дел. В отличие от Государственной Думы, предлагавшей единовременное введение органов земского самоуправления в большинстве сибирских и дальневосточных регионов, Главное управление по делам местного хозяйства МВД решило действовать поэтапно: в первую очередь земства предполагалось учредить в губерниях Западной Сибири, затем в Иркутском генерал-губернаторстве, на Дальнем Востоке и, наконец, в Степном крае¹.

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1288. Оп. 4. 3-е делопроизводство. 1905 г. Д. 27-3. Л. 4–6.

План действий министерства был вполне взвешенным и прагматичным, однако реализация первого же его этапа растянулась на неоправданно длительный срок. Так, статистико-экономические сведения, необходимые для проектирования реформы, были запрошены у Тобольского и Томского губернаторов только в конце мая 1913 г. – через год после отклонения Государственным Советом депутатских законопроектов о сибирском и дальневосточном земстве и через полгода после заявления премьер-министра В. Н. Коковцова о распространении земского самоуправления на губернии Западной Сибири, сделанного в IV Государственной Думе². С 4 по 14 декабря 1913 г. проходила работа совещания о преобразовании земско-хозяйственного устройства губерний Западной Сибири, однако выработанный по его результатам проект Главных оснований преобразования земско-хозяйственного устройства в Тобольской и Томской губерниях был представлен Министром внутренних дел Н. А. Маклаковым на рассмотрение Совета Министров только 21 июня 1914 г.³ Важно отметить, что в течение всего указанного периода работа над земской реформой в губерниях и областях Иркутского генерал-губернаторства не велась министерством даже на уровне сбора статистико-экономических данных.

С началом Первой мировой войны земская реформа в Сибири была вытеснена на периферию внимания правительства более насущными проблемами. Она вернулась на повестку дня только 8 августа 1915 г., когда группа из 72 депутатов внесла на рассмотрение Государственной Думы законодательное предложение о введении в Сибирских губерниях и областях земского самоуправления, точно воспроизводящее содержание законопроектов, отклоненных Государственным Советом в мае 1912 г.

Позиция Министерства внутренних дел по данному вопросу была изложена в записке А. Н. Хвостова на имя Председателя Совета Министров Б. В. Штюрмера от 13 февраля 1916 г. В ней министр признавал вполне приемлемыми разработанные своим предшественником Главные основания реформы в Западной Сибири, за исключением наиболее одиозных предложений: упразднения губернского земства, передачи значительной части их компетенции органам государственной власти, назначения председателей земских управ администрацией и т. д. В результате «ревизии» проекта Н. А. Маклакова были сформулированы следующие основные положения проектируемой реформы: 1) введение в сибирских губерниях действующего Земского положения 1890 г.; 2) бессословность земских учреждений; 3) установление двух избирательных курий – частновладельческой и сельской; 4) подвижное расписание земских гласных; 5) сохранение земельного и оценочного избирательных цензов; 6) нераспространение земской реформы на казацкие земли Томской губернии. Далее предлагалось объявить Государственной Думе, что МВД принимает на себя разработку законопроекта для Тобольской и Томской губерний на основании вышеперечисленных принципов с расчетом внести таковой не позднее дня открытия предстоящей осенней сессии. В отношении остальных губерний и областей Сибири предлагалось занять более осторожную позицию: принять на себя разработку реформы, но без указания срока подготовки законопроекта и не предпринимая его содержания⁴.

Предложение А. Н. Хвостова было поддержано Советом Министров 19 февраля 1916 г. и представлено при рассмотрении законодательного предложения на пленарном заседании Государственной

² РГИА. Ф. 1288. Оп. 4. 3-е делопроизводство. 1905 г. Д. 27-2. Л. 92–93, 109–110.

³ Там же. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 75. Л. 98.

⁴ Там же. Д. 44. Л. 16–17.

Думы 3 марта 1916 г. помощником начальника Главного управления МВД по делам местного хозяйства А. А. Ефтифеевым⁵. Заявление министерства было воспринято парламентариями с нескрываемым скепсисом. Большинство депутатов проголосовало за передачу законодательного предположения в комиссию по местному самоуправлению для самостоятельной разработки законопроекта о сибирском земстве. Возможно, именно вынужденная конкуренция с Государственной Думой в области законотворчества заставила Правительство не только более оперативно работать над реформой, но и впервые обратить внимание на Восточную Сибирь.

24 апреля 1916 г. Б. В. Штюрмер, сменивший А. Н. Хвостова на посту министра внутренних дел, направил Иркутскому Генерал-губернатору А. И. Пильцу письмо за № 2558, в котором просил Начальника края предоставить необходимые для разработки земской реформы данные по прилагаемым формам и перечню, по возможности, не позднее 15 сентября 1916 г.⁶ Последний направил соответствующие запросы подчиненным ему губернаторам. Соображения по предстоящей реформе были представлены ими к сентябрю—октябрю 1916 г. Против введения земского самоуправления в вверенном ему регионе выступил только глава Якутской области Р. Э. Витте⁷; остальные, напротив, сочли ее необходимой.

ИРКУТСКОЕ И ПЕТРОГРАДСКОЕ СОВЕЩАНИЯ

Для выработки окончательной позиции региональной власти относительно предстоящей реформы 5 ноября 1916 г. в Иркутске состоялось Совещание по вопросу о преобразовании земско-хозяйственного

устройства в Енисейской и Иркутской губерниях и в Забайкальской области. Его состав не отличался представительностью (из двадцати двух его участников только четверых можно условно отнести к представителям общественности). Тем интереснее, что выработанные им основные положения по букве и духу оказались даже более демократическими, чем нормы депутатского законопроекта.

Совещание единогласно признало местное население подготовленным для работы в органах земского самоуправления и высказалось за распространение Земского положения на каждый из трех регионов. Из-под действия реформы, по аналогии с северными территориями Тобольской и Томской губерний, выводился только Туруханский край Енисейской губернии. В столь же малонаселенном и слабо освоенном Киренском уезде Иркутской губернии, напротив, было решено учредить уездное земство, на чем настаивал лично Генерал-губернатор. В отличие от европейской части России и Западной Сибири, действие реформы предлагалось распространить на земли казачьего войска, а также на золотопромышленные районы. Города Иркутск, Красноярск и Чита выделялись в самостоятельные земские единицы⁸.

Совещание признало возможным привлечь местных инородцев (в первую очередь – бурят) к участию в земстве на общих для сельского населения основаниях. Исключение составляли только бродячие инородцы Туруханского края, карагазы Нижнеудинского уезда и бродячие инородцы по реке Витиму Забайкальской области⁹.

Неожиданно позитивный отклик нашло предложение Иркутского губернатора

⁵ *Стенографические отчеты* / Гос. дума, четвертый созыв, сессия четвертая. Ч. 2 : Заседания 17-37: (с 9 февраля по 15 марта 1916 г.). Пг. : Гос. тип., 1916. Стб. 2708–2709.

⁶ *РГИА*. Ф. 1288. Оп. 4. 3-е делопроизводство. 1905 г. Д. 27-7. Л. 219.

⁷ Там же. Д. 27-9. Л. 217–218.

⁸ Там же. Л. 150–153, 160.

⁹ Там же. Л. 172.

А. Н. Югана об организации участковых (районных) земств взамен уездных с присвоением им всех прав и обязанностей последних. Для этого территорию Иркутской губернии предлагалось разделить на 19 участков с населением от 5 376 до 54 080 человек и площадью, приблизительно соответствующей уездам европейской части России. Несмотря на обоснованные сомнения отдельных участников Совещания, включая Генерал-губернатора, относительно финансовых возможностей и кадровой обеспеченности проектируемых учреждений, большинство поддержало концепцию А. Н. Югана, а также высказалось за рассмотрение вопроса о возможности введения участковых земств в Енисейской губернии и Забайкальской области¹⁰.

Большое внимание уделялось вопросам избирательного права. Совещание выступило за установление во всех местностях земельного ценза на уровне 80 десятин, а оценочного – 5 000 рублей (депутатский проект предусматривал 150 десятин и 7 500 рублей соответственно). Наряду с этим предлагалось предоставить избирательные права крупным и средним плательщикам земского сбора с промысловых свидетельств, а также арендаторам казенных земель размером не менее 80 десятин, оборудовавшим на них новое хозяйство и уплачивающим земские сборы. По аналогии с Тобольской и Томской губерниями, признавалось допустимым сложение различных имущественных цензов¹¹.

Наконец, по вопросу о местных финансах Совещание высказалось за использование для земской кассы, по возможности, всех допускаемых законом объектов обложения, а также признало подлежащим такому все объекты обложения госу-

дарственной оброчной и поземельной податями в соответствии с действующим законодательством¹².

10 ноября 1916 г. основные положения, выработанные Иркутским совещанием, его протокол, а также заключения четырех губернаторов по вопросу земской реформы были направлены в Министерство внутренних дел. Несмотря на поддержку Иркутским Генерал-губернатором всех вышеперечисленных инициатив, Главное управление МВД по делам местного хозяйства отнеслось к ним довольно холодно. Предложения по введению земских учреждений в Киренском уезде, созданию участковых земств, установлению налогового избирательного ценза и понижению земельного и оценочного цензов были признаны неприемлемыми¹³. Отклонив большую часть региональных инициатив, сотрудники МВД были вынуждены проектировать реформу собственными силами.

25 января 1917 г. в Петрограде состоялось новое совещание по вопросу земской реформы в Восточной Сибири с участием иркутского Генерал-губернатора, правда на этот раз представители местной администрации оказались в абсолютном меньшинстве: тон задавала столичная бюрократия в лице высших чинов Главного управления МВД по делам местного хозяйства. Совещание признало возможным распространить на Енисейскую и Иркутскую губернии Земское положение 1890 г. с необходимыми по местным условиям изменениями и дополнениями. Киренский уезд и Бодайбинский округ выводились из-под действия земской реформы наравне с Туруханским краем. Введение земских учреждений в Забайкальской области было решено осуществить одновременно с преобразованием ее административно-территориального деления (в чем

¹⁰ РГИА. Л. 154–155.

¹¹ Там же. Л. 158–159.

¹² Там же. Л. 162.

¹³ Там же. Л. 150, 155–161.

прослеживается параллель с проведением аналогичных реформ в Западной Сибири), что позволяло временно отложить проблему урегулирования участия казачества и этнических меньшинств в работе местного самоуправления.

Таким образом, результатом работы Петроградского совещания стало формальное утверждение министерского видения реформы. Несмотря на личное участие в нем А. И. Пильца, труды высшей бюрократии Восточной Сибири по земскому вопросу оказались, в сущности, невостребованными. Оставалось только разработать законопроект на принятых совещаниях началах и внести его в Государственную Думу к предстоящей весенней сессии. Кроме того, в «непродолжительном времени» планировалось начать подготовку к проведению земской реформы в Приамурском генерал-губернаторстве и в степных областях¹⁴.

МИНИСТЕРСКИЙ ПРОЕКТ ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Результатом работы ведомства стал проект закона «Об управлении земским хозяйством в губерниях Енисейской и Иркутской и в Якутской области», сохранившийся в фондах Главного Управления МВД по делам местного хозяйства. Вероятнее всего, его разработка была завершена в феврале 1917 г. Видимо, именно ему было суждено стать последним дореволюционным правительственным проектом введения земских учреждений на окраинах Империи.

Юридическая техника исследуемого законопроекта, в частности, скрупулезно проработанные заключительные и переходные положения, оставляет впечатление практически завершенной редакции правового акта, по большей части готовой к внесению на рассмотрение Совета Министров, а затем и Государственной Думы. Незаконченными остались только единич-

ные статьи Временных правил о земских повинностях в Якутской области, Киренском уезде Иркутской губернии и Туруханском крае Енисейской губернии, не имеющие прямого отношения к предмету настоящего исследования. В связи с этим представляется вполне допустимым рассматривать проект закона «Об управлении земским хозяйством в губерниях Енисейской и Иркутской и в Якутской области» как официальную позицию Министерства внутренних дел относительно земской реформы в губерниях Восточной Сибири.

В основу министерской альтернативы депутатскому законопроекту и предложениям Иркутского Совещания были положены не принципиально новые идеи и концепции, а соображения и наработки, ранее использованные при проектировании земской реформы для Тобольской, Томской и Алтайской губерний. Сделанный МВД выбор в пользу движения по намеченной колее объясняется, вероятно, как общей логикой работы бюрократических учреждений, так и ограниченностью располагаемого запаса времени.

В результате восточносибирские земства по своему правовому статусу оказывались практически идентичными западносибирским. Все различия между ними ограничивались исключением из состава земских собраний представителей Крестьянского поземельного банка и Кабинета Его Императорского Величества, введением вместо них представителей съездов золотопромышленников, а также передачей отдельных полномочий Министра Внутренних Дел в области контроля за деятельностью земских учреждений Иркутскому Генерал-губернатору. Гораздо более существенной была разница между положениями исследуемого законопроекта и нормами Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г., а потому представляется уместным остановиться на этом вопросе более подробно.

¹⁴ Речь. 1917. 26 янв. С. 4.

Действие реформы не распространялось на малонаселенные северные территории Восточной Сибири: Туруханский край Енисейской губернии и Киренский уезд Иркутской губернии. Бодайбинский округ, равно как и иные золотопромышленные округа, в проекте не упоминается. Города Красноярск и Иркутск выделялись в самостоятельные земские единицы¹⁵.

Круг полномочий восточносибирского земства несколько изменялся относительно общих норм Земского положения 1890 г. С одной стороны, компетенция земских учреждений дополнялась устройством и содержанием средств сообщения на водных путях, содействием развитию местного рыболовства и пушного промысла, а также принятием мер по борьбе с хищными животными. Сверх этого губернские земства получили весьма важное в сибирских условиях право строить и эксплуатировать своим распоряжением и за свой счет в пределах губернии железные дороги, учреждать для этой цели общества или принимать в таковых участие.

С другой стороны, из предметов ведения восточносибирских земств изымались заведывание взаимным земским страхованием имуществ и оценка недвижимых имуществ: оба полномочия было решено передать в компетенцию соответствующих органов государственной власти¹⁶. Интересно отметить, что поводом для этого стало не столько внимание к восточносибирской специфике, сколько необходимость пересмотра общеимперского законодательства и нарастающее недовольство Правительства деятельностью уже существующих земств в данных сферах¹⁷.

В организационном аспекте реформа следовала общим нормам Земского По-

ложения 1890 г.: проектировалось создание только губернских и уездных земств. В то же время рассматриваемый проект в рамках собственного предмета регулирования все таки предлагал несколько новаций в области децентрализации земского самоуправления.

Во-первых, распределение предметов ведения и полномочий между уездными и губернским земствами осуществлялось на новых началах. Практически все вопросы, относящиеся в Европейской России к компетенции губернских земских собраний, в Восточной Сибири изначально закреплялось за уездными. Большая их часть могла передаваться обратно на губернский уровень, но только с согласия не менее чем 2/3 уездных земских собраний губернии. В связи с существенным расширением своих полномочий, уездные земские собрания наделялись правом издавать обязательные постановления почти по всем предметам, входящим в компетенцию местного самоуправления (ст. 108 Земского Положения). С финансовой точки зрения жизнеспособность предложенных мер должна была обеспечиваться законодательно установленной предельностью губернского обложения: по общему правилу, оно не могло составлять более 20% от общей суммы губернского и уездных земских сборов с недвижимых имуществ¹⁸.

Во-вторых, проект предусматривал введение института земских уполномоченных, призванных исполнять поручения земских управ в пределах определенных участков. По общему правилу, их количество должно было быть не менее трех и не более числа участков крестьянских начальников в уезде¹⁹. Впрочем, данная мера, в отличие от предыдущей, не была

¹⁵ РГИА. Ф. 1288. Оп. 4. 3-е делопроизводство. 1905 г. Д. 27-7. Л. 239–240.

¹⁶ Там же. Л. 239–240, 249.

¹⁷ Там же. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1218. Л. 11, 24.

¹⁸ Там же. Ф. 1288. Оп. 4. 3-е делопроизводство. 1905 г. Д. 27-7. Л. 244, 280.

¹⁹ Там же. Л. 245.

новаторской, а лишь закрепляла уже существующие земские практики. Так, в европейских губерниях имели место как случаи избрания в помощь земским управам особых лиц с последующим «расселением их по территории уезда», так и разделения уездов между такими «районными членами управы» [10, с. 948].

Избирательная система в Восточной Сибири проектировалась на бессловесных началах, в каждом уезде предусматривалось формирование одного избирательного собрания и одного избирательного съезда. В то же время земские выборы сохраняли куриальный характер: гласные должны были избираться от избирательного собрания (курия частных владельцев) и волостных избирательных сходов (курия сельских обществ).

В отличие от европейской части России, количество гласных от каждой из курий не было строго зафиксировано в специальном расписании. Их распределение должно было осуществляться губернским управлением на каждое трехлетие соразмерно суммам сборов с недвижимых имуществ, при-

надлежащих сельским обществам, с одной стороны, и с прочих недвижимых имуществ, расположенных в пределах уезда, с другой²⁰. В целом же количество гласных в уездных земских собраниях в Енисейской губернии колебалось в пределах от 15 (Енисейский и Красноярский) до 30 (Канский) человек, в Иркутской – от 15 (Верхотенский) до 24 (Балаганский) человек. В губернском земском собрании Енисейской губернии проектировалось 30 гласных, Иркутской – 20 гласных²¹.

Следуя общим правилам определения размеров имущественных избирательных цензов, Министерство установило земельный (десятинный) ценз для всех уездов Енисейской и Иркутской губерний в размере 300 десятин, а оценочный – в размере 15 000 рублей. О степени адекватности проектируемых норм региону, в котором практически отсутствовало частное землевладение, можно судить по оценкам числа потенциальных избирателей различных категорий, представленным Енисейским и Иркутским губернаторами. Приведенные в таблице данные однозначно

Таблица

Количество владельцев различных видов имущественного ценза на земских выборах в губерниях Западной и Восточной Сибири

Вид имущественного ценза	Енисейская	Иркутская	Алтайская	Тобольская	Томская
Полный земельный ценз	23	7	0	135	23
Не менее чем 1/10 полного земельного ценза	22	20	0	557	52
Полный оценочный ценз, в уездах	8	30	13	27	14
Не менее чем 1/10 оценочного ценза, в уездах	34	98	228	303	95
Полный оценочный ценза, в городах	132	19	248	348	61
Не менее чем 1/10 оценочного ценза, в городах	1 356	93	1 485	2 992	453

Примечание. Из таблицы исключены данные о количестве избирателей в городах, проектируемых к выделению в самостоятельные земские единицы: Барнауле, Иркутске, Красноярске, Ново-Николаевске и Томске (РГИА. Ф. 1288. Оп. 4. 3-е делопроизводство. 1905 г. Д. 27-7. 180–188, 505–516 ; Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1218. Л. 112–113).

²⁰ РГИА. Л. 240.

²¹ Там же. Л. 260.

свидетельствуют о совершенно ничтожном их количестве даже по меркам других регионов Сибири.

В целях расширения круга избирателей право участия в избирательном собрании получали священно- и церковнослужители христианских исповеданий, арендаторы казенных земель в порядке правил о переселении и арендаторы крупных скотоводческих участков на срок не менее 12 лет. Размер земельного участка в последних двух случаях должен был составлять не менее 300 десятин, а продолжительность отношений аренды на момент выборов – не менее одного года. Заметно расширялось применение института представительства в избирательных правоотношениях. Допускалось сложение неполных разнородных цензов. Наконец, местные православные священнослужители получали право избираться кандидатами в гласные от сельских обществ²².

Проект предусматривал значительное расширение представительства различных государственных ведомств в земских собраниях. Так, помимо лиц, перечисленных в ст. ст. 56 и 57 Земского положения, в их состав должны были входить представители финансового, переселенческого, земледельческого и образовательного ведомств, а в состав уездных собраний также и представители лесного ведомства (если в уезде имеются казенные земли) и съездов золотопромышленников (по одному от каждого)²³. Сложно предположить, что проектируемые сибирские земства не были бы заинтересованы в конструктивном сотрудничестве с каждым из вышеперечисленных ведомств, однако проектируемую форму взаимодействия между ними едва ли можно считать удачной как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Пределы государственного контроля за деятельностью земских учреждений оставались неизменными, изменялись лишь субъекты его осуществления. Так, часть полномочий Министра внутренних дел в области надзора за деятельностью земских учреждений передавалась Иркутскому Генерал-губернатору²⁴. Введение в проект данных норм свидетельствует о неготовности МВД пойти на полную административную унификацию региона с внутренними губерниями и дает основание говорить о сохранении по крайней мере у части высшей бюрократии взгляда на Восточную Сибирь как на одну из окраин Империи.

Проект предлагал и более конструктивные формы взаимодействия государственных и земских учреждений. Речь идет про постепенную передачу органам местного самоуправления земско-хозяйственной части переселенческого управления. Интересно отметить, что соответствующие «сооружения и установления, принадлежащие к предметам ведомства земских учреждений» могли передаваться последним как в добровольном, так и в принудительном порядке. Независимо от этого, земства должны были бы выделять кредиты на их содержание в размере не меньше правительственных ассигнований на тот же предмет в предшествующий передаче год. Государство в свою очередь брало на себя обязательство субсидировать земствам половину требуемых ассигнований на эти нужды²⁵. Данная мера, безусловно, выступила бы дополнительным подспорьем для развития муниципального хозяйства, впрочем, переоценивать ее значение не следует: из-за меньшего притока переселенцев в Восточную Сибирь деятельность переселенческого управления была поставлена здесь слабее, чем в Западной.

²² РГИА. Ф. 1288. Оп. 4. 3-е делопроизводство. 1905 г. Д. 27-7. Л. 241–242.

²³ Там же. Л. 243.

²⁴ Там же. Л. 240, 245–246.

²⁵ Там же. Л. 262.

ВНУТРЕННИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РЕФОРМЫ

Таким было правительственное видение земской реформы в Восточной Сибири. Проект оказался именно тем, что и задумывалось его авторами – адаптацией общего закона к местным условиям. Одни нововведения, действительно, отвечали восточносибирской специфике и в случае обретения юридической силы могли бы позитивно сказаться на развитии земского хозяйства, другие, напротив, скорее отражали представления МВД о надлежащей организации земского самоуправления в масштабах страны. Наиболее слабым местом проектируемой реформы, как ни парадоксально, оказалась наиболее важная ее часть, связанная с нормами земского избирательного права. Именно в этом вопросе наблюдались наиболее принципиальные расхождения между проектами МВД, Государственной Думы и Иркутского Собрания.

Решение Правительства о сохранении очевидно малоприспособленной для региона избирательной системы (или по крайней мере правовая сторона данного решения) во многом предопределялось господствующими в его среде теоретическими воззрениями на природу и, как следствие, должную организацию местного самоуправления. Несмотря на то что наиболее важные из этих доктринальных установок уходили своими корнями в земскую реформу 1864 г., анализ сопроводительных материалов к ряду законопроектов в области местного самоуправления, а также отзывов на соответствующие законодательные предположения депутатов Государственной Думы показал, что они не потеряли актуальности для представителей высшей бюрократии и по прошествии пятидесяти лет с момента ее проведения.

Право непосредственного участия в земских выборах по-прежнему рассматривалось в качестве производного от уплаты лицом земских сборов, земле-

владельцы представлялись наиболее заинтересованной в земском хозяйстве группой населения, а размер собственности оставался показателем степени «культурности» лица и его способности к эффективной работе в составе органов местного самоуправления. Чем сильнее были расхождения между теорией и практикой, чем меньше региональная специфика (в первую очередь, характер землевладения и землепользования) соответствовала вышеперечисленным постулатам, тем более сложный и искусственно сконструированный вид приобретали правовая и организационная основы земских учреждений.

Тем не менее определенная эволюция в представлениях высшей бюрократии относительно принципов организации местного самоуправления все-таки происходила. Так, фактор сословности, значение которого в историографии представляется несколько преувеличенным, к началу XX в. практически утратил свое значение – отсутствие в каком-либо регионе дворянского землевладения и дворянской организации само по себе перестало рассматриваться правительством как препятствие к распространению на него земской реформы. Ни один из законопроектов о введении земских учреждений на «окраинах» Империи, разработанных после Первой русской революции Министерством внутренних дел, Военным министерством или Кавказским наместником, не предусматривал специального представительства в земстве от дворянского сословия.

Это же касается и вопроса о снижении избирательных цензов: Правительство было готово пойти на данную меру при условии, что она не противоречит вышеперечисленным теоретическим установкам (поэтому, например, исследуемый законопроект предусматривал специальную квоту для владельцев недвижимых имуществ вне городских поселений и отказывал в избирательном праве переселенцам, освобожденным от уплаты земских сборов).

Именно в таком ключе были составлены главные основания преобразования выборов земских гласных, одобренные Советом Министров еще 28 апреля 1909 г. Одним из основных положений указанного проекта было двукратное понижение земельного и оценочного ценза на земских выборах²⁶. Почему же МВД отказалось пойти на точно такую же меру для восточносибирских губерний, как это предлагалось в законопроекте Государственной Думы?

Ответ на этот вопрос, по-видимому, кроется во внутренней логике построения дореволюционной правовой системы. После Первой русской революции земельный и оценочный избирательные цензы на земских выборах во всех губерниях оказались приравненными к соответствующим цензам на выборах в Государственную Думу. Точечное понижение избирательных цензов на земских выборах специальными законами для отдельных местностей неизбежно означало отступление от данного соотношения, а потому рассматривалось Министерством как несправедливая по отношению ко всем остальным (или по крайней мере к соседним) регионам мера.

Указанная позиция органично укладывалась в логику не только общих принципов права, но и унификации административного и правового пространства Российской империи, проводимой центральной властью в конце XIX – начале XX вв. На практике МВД довольно последовательно придерживалось ее, не делая исключений ни для западных губерний (положение о двукратном снижении земельного и оценочного ценза было внесено Государственной Думой)²⁷, ни для губерний Царства Польского (даже притом, что земская реформа рассматривалась

как одна из уступок польскому населению, призванная обеспечить его лояльность в годы Первой Мировой войны)²⁸.

Единственным регионом, в котором Министерство все-таки посчитало возможным пойти на снижение десятинного ценза, стала Западная Сибирь, причем данная мера была предложена еще до начала Первой Мировой войны. Проектируемая льгота распространялась только на три уезда Тобольской губернии (Тюкалинский, Тюменский и Ялуторовский) и обосновывалась существенным изменением цен на землю после постройки Тюмень-Омской железной дороги²⁹. Однако здесь «вступал в силу» еще один негласный принцип организации земской избирательной системы – о соответствии размеров земельного и имущественного цензов, в связи с чем оценочный ценз в этих уездах оставался прежним (15 000 рублям).

Именная такая логика наблюдалась в разработанном в 1912–1913 гг. проекте поправок в Именной Высочайший Указ от 14 марта 1911 г. «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии». Министерство внутренних дел не возражало против одобренного Думой двукратного снижения десятинных цензов в связи с повышением цен на землю в «новоземских губерниях», однако выступило против одновременного понижения оценочного ценза как раз ввиду нарушения вышеупомянутого принципа. Более того, в объяснительной записке к проекту прилагались расчеты, основанные на различных оценках стоимости земли, призванные продемонстрировать соответствие пониженного земельного и общего оценочного цензов³⁰.

²⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 5 Д. 28. Л. 51–52.

²⁷ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1171. Л. 24, 52.

²⁸ Там же. Ф. 1288. Оп. 4. 3-е делопроизводство. 1906 г. Д. 73-Б. Л. 329.

²⁹ Там же. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1218. Л. 17.

³⁰ Там же. Ф. 1288. Оп. 3. 1-е делопроизводство. 1913 г. Д. 78. Л. 66–68.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотренные проекты за авторством восточносибирской и столичной бюрократии отражают два прямо противоположных подхода к осуществлению столь необходимой для края земской реформы. Интенцией Иркутского совещания было проектирование жизнеспособных институтов, что обусловило большее внимание к географическим, демографическим и социально-экономическим особенностям Восточной Сибири в ущерб логике построения системы местного управления и самоуправления, а отчасти и общим принципам права. Министерский законопроект, напротив, сложно упрекнуть в низкой юридической технике, внутренней противоречивости или теоретической

несостоятельности, однако за приматом формы скрывалась бедность содержания: сотрудники ведомства были вынуждены творить право в крайне узком пространстве возможностей, границы которого они и их непосредственные предшественники возводили на протяжении нескольких десятилетий. После победы Февральской революции Временное Правительство не стало распутывать этот гордиев узел. Оно имело собственные представления о соотношении должного с сущим. В июне 1917 г. земская реформа все-таки была распространена на Восточную Сибирь, однако за прежним наименованием стояли совершенно иные учреждения, имевшие мало общего со своими дореволюционными предшественниками.

Список литературы

1. Альтшуллер М. И. Земство в Сибири. Томск : скл. изд. : кн. маг. П. И. Макушина, 1916. 411 с.
2. Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: исследования и материалы : коллектив. моногр. / под ред. Ю. А. Петрушина. Иркутск : Оттиск, 2014. 448 с.
3. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск : Сова, 2006. 351 с.
4. Сборник о земстве в Сибири: материалы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях. СПб., 1912. 160 с.
5. Тресвятский Л. А. Общественность и местное самоуправление Восточной Сибири в начале XX века : моногр. Томск : Изд-во Томск. политехн. ун-та, 2010. 184 с.
6. Тригуб Г. Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2006. № 5 (129). С. 150–155.
7. Угрюмова М. В. Земский вопрос и земское самоуправление в Тобольской губернии (вторая половина XIX в. – 1919 г.) : моногр. Нижневартовск : Изд-во Нижневартовск. гос. гуманитар. ун-та, 2007. 202 с.
8. Шиловский М. В. Проект МВД о введении земского самоуправления в Сибири (декабрь 1916 г.) // Проблемы истории местного управления в Сибири XVI – XXI вв. : материалы 5-й всерос. науч. конф. : в 2 ч. Новосибирск : ГАНО, 2003. Ч. 1. С. 86–89.
9. Юрцовский Н. С. Земство в Сибири: Земство в Сибири: с прил. закона 17 июня 1917 г. и выдержек из закона 21 мая 1917 г. Тобольск : Губ. тип., 1917. 50 с.
10. Веселовский Б. Б. Земство в Западной Сибири // Земское дело. 1916. № 22. С. 943–949.

References

1. Al'tshuller M. I. *Zemstvo in Siberia*. Tomsk: P. I. Makushin's Bookshop Publ.; 1916. 411 p. (In Russ.)
2. Petrushin Yu. A. (Ed.). *Irkutsk and the Irkutsk People in the First World War: Research and Materials*. Irkutsk: Ottisk Publ.; 2014. 448 p. (In Russ.)
3. Shilovskii M. V. (Ed.). *The History of Public Self-Government in Siberia in the Second Half of the XIX – Early XX Century*. Novosibirsk: Sov Publ.; 2006. 351 p. (In Russ.)
4. *Compilation of Articles on Zemstvo in Siberia: Materials Exploring the Approaches Adopted By Local Administrations and Legislative Bodies in Addressing the Issue*. St. Petersburg, 1912. 160 p. (In Russ.)
5. Tresvyatskii L. A. *The Public and Local Self-Government of Eastern Siberia at the Beginning of the Twentieth Century*. Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publ.; 2010. 184 p. (In Russ.)
6. Trigub G. Ya. Local Government in the Far East of Russia in the End of the XIX – Beginning Of The XX Centuries. *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2006;5:150-155. (In Russ.)
7. Ugrumova M. V. *The XNUMX Question and Zemstvo Self-Government in the Tobolsk Province (the Second Half of the XIX Century – 1919)*. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State Humanitarian University Publ.; 2007. 202 p. (In Russ.)

8. Shilovskii M. V. The Draft of the Ministry of Internal Affairs on the Introduction of Zemstvo Self-Government in Siberia (December 1916). In: *Problems of the History of Local Government in Siberia of the XVI–XXI Centuries. Part 1*. Novosibirsk: The State Archive of the Novosibirsk Region Publ.; 2003. P. 86–89. (In Russ.)
9. Yurtsovskii N. S. *Zemstvo in Siberia: Zemstvo in Siberia: with the Law of June 17, 1917 and Excerpts from the Law of May 21, 1917*. Tobolsk: Governmental Printing House, 1917. 50 p. (In Russ.)
10. Veselovskii B. B. Zemstvo in Western Siberia. *Zemstvo Business*. 1916;22:943-949. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Олегович Тарабара, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская набережная, 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0612-2510>; e-mail: tarabara@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry O. Tarabara, postgraduate student of the Saint-Petersburg University (7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0612-2510>; e-mail: tarabara@list.ru

Поступила | Received
16.12.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
22.01.2024

Принята к публикации | Accepted
23.01.2024

УДК 341.231.14

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-2-156-168

EDN: FTRNBY

Оригинальная научная статья

Право на достойное существование в дореволюционной философии права в контексте обоснования социально-экономических прав человека и гражданина

Н. А. Шавеко

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,

Екатеринбург, Российская Федерация

✉ shavekonikolai@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу взглядов основных сторонников права на достойное существование в отечественной мысли и призвана критически осмыслить указанные взгляды, тем самым внести вклад в существующие в современной российской науке исследования вопроса о том, существует ли право на достойное существование и в чем именно оно состоит. С этой целью исследуются взгляды дореволюционных мыслителей В. С. Соловьева, П. И. Новгородцева, И. А. Покровского, Б. А. Кистяковского и С. И. Гессена на рассматриваемую проблему, выявляется их генезис. Сравнительный анализ данных взглядов демонстрирует наличие ключевых разногласий по следующим вопросам: 1) следует ли признавать только право на существование как таковое (Покровский) или право именно на достойное существование (Новгородцев); 2) должно ли право на достойное существование оставаться моральным правом (Соловьев) или также позитивным правом (Кистяковский); 3) подразумевает ли право на достойное существование переход от капитализма к социализму (Кистяковский) или нет (Новгородцев). Названными мыслителями не разрешен ряд принципиальных вопросов, необходимых для обоснования любого субъективного права (морального или позитивного), при этом зависимость предложенных обоснований от социально-экономического контекста не позволяет назвать право на достойное существование в качестве естественного, безусловного и неотчуждаемого. В целях разрешения указанных проблем автор обращается к западной философско-правовой традиции. Демонстрируется, что существующие на Западе попытки отыскать моральные основания прав человека тесно связаны со стремлением обеспечить каждому человеку некоторый достойный уровень существования. Попытка найти общее обоснование для прав человека как первого, так и второго поколения, выливается в то, что проблемы, с которыми сталкиваются попытки обоснования права на достойное существование, распространяются на обоснование прав человека в целом. В качестве одного из способов решения вышеуказанных сложностей предлагается рассмотрение социально-экономических прав лишь как средства, обеспечивающего права личные и политические, а не как средства обеспечения некоторого «достойного» существования. Но в этом случае право на достойное существование вряд ли получится отнести к категории универсальных прав человека.

Ключевые слова: достойное существование, социально-экономические права, второе поколение прав человека, социализм, права человека

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шавеко Н. А. Право на достойное существование в дореволюционной философии права в контексте обоснования социально-экономических прав человека и гражданина // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 2. С. 156–168. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-156-168>. EDN: <https://elibrary.ru/ftmby>

Original scientific article

The Concept of the Right to a Dignified Life in Pre-Revolutionary Legal Philosophy, Particularly in Relation to the Justification of Socio-Economic Rights

N. A. Shaveko

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation

✉ shavekonikolai@gmail.com

Abstract. The article conducts a comparative analysis of perspectives held by key advocates of the right to a dignified life in Russia, while also critically reflecting on these viewpoints. This contributes to the ongoing discourse within contemporary Russian scholarship on the existence and implications of the right to a dignified life. To this end, the views of pre-revolutionary thinkers are considered including S. Solovyov, P. I. Novgorodtsev, I. A. Pokrovsky, B. A. Kistiakovsky and S. I. Gessen regarding the problem and their development. A comparative analysis of these perspectives highlights significant divergences on the following matters: 1) whether to acknowledge solely the right to life itself (as advocated by Pokrovsky) or the right to a dignified life (as argued by Novgorodtsev); 2) whether the right to a dignified life should remain solely a moral entitlement (as suggested by Solovyov) or also encompass a positive legal entitlement (as posited by Kistiakovsky); 3) whether the right to a dignified life necessitates a transition from capitalism to socialism (as proposed by Kistiakovsky) or not (as contended by Novgorodtsev). These thinkers have yet to resolve several fundamental issues essential for substantiating any subjective right, whether moral or positive. Furthermore, the reliance of their proposed justifications on the socio-economic context prevents the recognition of the right to a dignified life as natural, unconditional, and inalienable. To address these issues, the author draws upon the Western philosophical and legal tradition. It has been shown that Western scholars' efforts to establish the moral foundations of human rights are closely tied to the aspiration of ensuring a decent standard of living for every individual. A common rationale for both first- and second-generation human rights lies in the challenges associated with justifying the right to a dignified life. These challenges highlight the broader difficulties in justifying human rights as a whole. As a potential solution to the aforementioned challenges, it is suggested to view socio-economic rights solely as a mechanism for safeguarding personal and political rights, rather than as a means to guarantee a "dignified" life. But in this case, the right to a dignified life is unlikely to be classified as a universal human right.

Keywords: dignified life, socio-economic rights, second generation of human rights, socialism, human rights

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Shaveko N. A. The Concept of the Right to a Dignified Life in Pre-Revolutionary Legal Philosophy, Particularly in Relation to the Justification of Socio-Economic Rights. *Siberian Law Review*. 2024;21(2):156-168. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-156-168>. EDN: <https://elibrary.ru/ftnby> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Дискуссии о праве на достойное человеческое существование, характерные для отечественной философской мысли конца XIX – начала XX вв., были тесно связаны с зародившимися в то время

на Западе идеями «нового», или «социального» либерализма, который наряду с марксистскими, социал-демократическими и иными течениями выступил теоретической основой закрепления прав человека нового поколения, а именно

социально-экономических прав. Особое значение для российской науки имели сочинения следующих правоведов: австрийского юриста А. Менгера, который в качестве такого рода прав называл право на труд, на полный продукт труда и право на существование; немецкого ученого Г. Еллинека, разработавшего оригинальное учение о субъективных публичных (т. е. связанных с адресованными государству притязаниями) правах личности и называвшего среди них права на положительные действия со стороны государства; французского юриста Л. Дюги, который разработал собственную теорию социальной политики государства, избегающую крайностей либерализма и социализма [1]. При этом право на достойное существование осмыслялось не только как одно из социально-экономических прав (пусть даже и центральное), подчиненное, как и остальные права человека, идее достоинства, но и как сущность и цель идеи социального государства [2, с. 49].

Данная статья посвящена сравнительному анализу взглядов основных сторонников права на достойное существование в отечественной мысли и призвана критически осмыслить их, тем самым внести вклад в исследование вопроса о том, существует ли право на достойное существование и в чем именно оно состоит.

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МЫСЛИТЕЛИ О ПРАВЕ НА ДОСТОЙНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

Впервые о праве на существование (причем именно в контексте достойного существования) в отечественной литературе упомянул А. П. Куницын еще в первой четверти XIX в. [3, с. 233]. Однако дальнейшее развитие в России идея права человека на достойное существование получила у В. С. Соловьева в его magnum opus «Оправдание добра», где автор указывал, что человек должен восприниматься не только как средство, но и как цель

общей деятельности. Именно отношение к рабочему и крестьянину как к цели, а не конкретный уровень материального богатства философ считал главным критерием достойного существования. Несовместимым с человеческим достоинством В. С. Соловьев называл труд: 1) имеющий исключительно и грубо механический характер («унизительный»); 2) требующий чрезмерного напряжения мускульной силы («тяжелый»); 3) «сам по себе не тяжелый и не унизительный», но «по своей ежедневной продолжительности поглощает *все* время и *все* силы рабочего, так что те немногие часы, которые прерывают работу, необходимо отдаются физическому отдыху, а для мыслей и забот идеального и духовного порядка не остается времени и сил» [4, с. 421]. Каждый из этих видов труда препятствует личностному развитию, поскольку даже после окончания рабочего дня и в выходные дни у человека остается лишь «потребность разгула и самозабвения», а не желание самосовершенствования. Размер заработка, впрочем, также может свидетельствовать о недостойном существовании. Соловьев приводит в пример случаи, когда размер заработка оказывает влияние на продолжительность жизни [4, с. 422–423]. Общий вывод философа таков: «Итак, с нравственной точки зрения требуется, чтобы каждый человек имел не только обеспеченные средства к существованию (т. е. пищу, одежду и жилище с теплом и воздухом) и достаточный физический *отдых*, но чтобы он мог также пользоваться и *досугом* для своего духовного совершенствования. Это и *только это* требуется *безусловно* для всего крестьянина и рабочего, *лишнее же от лукавого*» [4, с. 423]. Соловьев, в частности, высказывался резко против полного уравнивания собственности. Важно подчеркнуть, что обоснованием права на достойное человеческое существование было у философа нравственное предназначение человека,

хотя право лишь создает возможности для реализации данного предназначения, а не понуждает к этому. В этом смысле право на достойное существование – это часть общей концепции «права как минимума нравственности», которой придерживался В. С. Соловьев [5, с. 125–131].

В последующем разработкой права на достойное человеческое существование занялись правоведы П. И. Новгородцев, И. А. Покровский, Б. А. Кистяковский и С. И. Гессен.

По мнению П. И. Новгородцева, отстаивающего право на достойное человеческое существование как одно из выражений общественного идеала, под этим правом следует понимать «не положительное содержание общественного идеала, а только отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни» [6, с. 4]. В частности, необходимо каждого человека «освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно» [6, с. 6]. Критикуя позицию Б. Н. Чичерина, во имя свободы отрицающего перераспределение богатств, Новгородцев замечает, что «пользование свободой может быть совершенно парализовано недостатком средств». Помимо этого, фикцией из-за чрезвычайного социального (экономического) неравенства может оказаться и формальное (правовое) равенство лиц. Иными словами, право на достойное человеческое существование Новгородцев видит средством для создания материальных условий осуществления общего идеала свободы и равенства личностей. Ученый признает, что точную границу достойного уровня жизни определить нельзя, но право может хотя бы идти от противного, учитывая стандарты конкретного общества: «Можно спорить о восьми или девятичасовом рабочем дне, но совершенно очевидно, что пятнадцать или восемнадцать часов работы есть бесовская эксплуатация. Можно спорить

о возможных размерах жилища в сторону отклонения вверх от минимальной нормы; но бесспорно, что темные и сырые подвалы противоречат всяким нормам допустимого и возможного» [6, с. 8]. Важно, что в контексте права человека на достойное существование Новгородцев отстаивает необходимость закрепления в законодательстве конкретных субъективных социально-трудовых прав. При этом право на достойное существование является лишь одним из аспектов целостного учения Новгородцева об общественном идеале. Абсолютный идеал ученый видит в человеческой личности [7, с. 456], которую следует понимать во всей ее индивидуальности [7, с. 459], в общественной же сфере данный идеал проявляется в принципах свободы и равенства, а достойное существование призвано обеспечить реализацию данных принципов.

И. А. Покровский, характеризуя сложившиеся развитые правовые порядки, сетовал на то, что забота государства о нуждающихся вызвана вниманием не к интересам личности, а к государственным интересам, среди которых автор называет «опасение развития преступлений, болезней, умножения народного недовольства» [8, с. 26]. Следовательно, хотя государство и устанавливает для себя обязанность общественного призрения, у отдельного индивида нет субъективного права требовать соответствующей помощи. Значит, объем общественного призрения фактически определяется, скорее, не действительной нуждой, а состоянием финансов и благотворительными намерениями государства. Считая сложившуюся ситуацию несправедливой, Покровский утверждал, что современные ему общества объективно характеризуются тесной духовной и экономической взаимосвязанностью своих членов, поэтому в принципе невозможно выделить ту долю общественного продукта, которую создал отдельный индивид; нераздельность вкладов в свою очередь

влечет нераздельность ответственности: в условиях круговой поруки каждый вправе требовать от всего общества поддержки в критическую минуту [8, с. 33]. Но чтобы данное субъективное право было обеспечено, каждый член общества должен нести соответствующие расходы пропорционально выгодам, которые он получает от своего членства (т. е. должен быть введен прогрессивный налог) [8, с. 37]. Покровский критикует Новгородцева за нечеткость формулировок и полагает, что правильнее говорить не о праве на достойное существование, а просто о праве на существование, поскольку необходимые для простого выживания условия являются более четким и общепризнанным критерием. Только относительно условий, необходимых для простого выживания, по мнению Покровского, индивид имеет оплаченное обществом субъективное право и связанные с ним притязания по отношению к государству [1, с. 104–105]. Право на помощь в целях выживания, согласно ученому, должны иметь как нетрудоспособные, так и трудоспособные, но безработные лица (последних государство должно обеспечить либо минимальным содержанием, либо работой, размер оплаты которой всегда бывает выше, чем пособие по безработице) [8, с. 37–39]. Действительные труженики, таким образом, при всей скудости их жизни, по мысли Покровского, не являются субъектами права на существование. Ситуация, при которой их заработок оказывается недостаточным для выживания, кажется Покровскому немыслимой, поэтому он не называет в качестве субъектов права на существование малоимущих рабочих. Легко заметить, что ученый фактически рассматривает совершенно не тот вопрос, который интересовал Соловьева и Новгородцева, поскольку выживание работника еще не делает его жизнь достойной того, чтобы быть прожитой. Это и приводит к тому, что Покровский не свя-

зывает право на труд и право на существование. Но данный автор, по крайней мере, верно отмечает, что раз установление права на достойное существование в том виде, в котором его отстаивает Новгородцев, было бы решением социального вопроса в целом, то оно подразумевает полное уничтожение частной собственности на капитал, и в этом смысле Новгородцев мог бы быть последовательнее.

Именно такой путь предлагал Б. А. Кистяковский, который полемизировал с И. А. Покровским по вопросу социалистического государства. В первую очередь, Кистяковский критикует В. С. Соловьева за то, что тот обосновывал обязанность государства обеспечивать достойное человеческое существование мотивом жалости, любви и милосердия, и предлагает вместо этого конструкцию субъективного публичного права, которую он заимствует у Г. Еллинека [9, с. 343–344]. Но при этом обобществление средств производства Кистяковский видел непременным условием обеспечения права на достойное человеческое существование, которое включает «право на труд, т. е. право пользоваться землей и другими орудиями производства наравне с другими для приложения своего труда и достижения известных хозяйственных целей», «право каждого на развитие всех своих способностей и на применение своего труда к той области, которая наиболее соответствует талантам каждого, и, наконец, право на участие во всех материальных и духовных благах, создаваемых современной культурой» [9, с. 337–340]. В своей оригинальной концепции социалистического государства как высшей стадии развития правового государства (а речь у Кистяковского идет, вопреки имеющимся в литературе трактовкам [10, с. 28], по существу, именно о социалистическом, а не социальном государстве) ученый исходит из того, что именно «в результате изъятия средств

производства из гражданско-правового оборота и их превращения в общенародное достояние образуется группа прав на положительные услуги со стороны государства» [1, с. 102] (в том числе субъективное публичное право на достойное существование). Получив субъективное право требовать от государства обеспечения достойного существования, мы в большей степени приблизимся к идеальному государству, роль которого заключается в том, что оно «облагораживает и возвышает человека. Оно дает ему возможность развивать лучшие стороны своей природы и осуществлять идеальные цели» [9, с. 325]. Таким образом, «Кистяковский рассматривает право на достойное существование в качестве выражения стремления к экономической свободе, посредством которой индивид может также обрести другие свободы – духовную и общественную» [1, с. 102].

В свою очередь С. И. Гессен занял позицию между точками зрения Новгородцева и Кистяковского. Подобно первому, он рассматривает проблему права на достойное человеческое существование через сопоставление классического либерализма и либерализма нового, возникшего под влиянием критикующих классический либерализм социалистических и коммунистических идей и признающего «положительные обязанности» государства (будучи педагогом, Гессен подчеркивает при этом право на образование). В отличие от коммунистов, автор поддерживает «правду либерализма», выражающуюся в господстве права, в свободе, равенстве и частной собственности. Однако он полагает, что эксплуатация превращает эти идеалы в фикцию. В отличие от классических либералов, он видит возможность решить эти вопросы государственно-правовыми средствами, а не ссылками на благотворительность и нравственность. Но Гессен не спешит отстаивать полное обобществление средств производства или иные безусловные меры.

«Эксплуатация, – пишет Гессен, – имеется всюду там, где человек обезличивается до невозможности удовлетворить свои самые минимальные духовные потребности» [11, с. 173]. Эта формулировка, как представляется, очень близка идеям Соловьева. Подобно ему, Гессен ссылается на разумный, помогающий внутреннему (духовному) развитию личности досуг, делая само это развитие главным критерием. Жизнь, направленная лишь на продолжение существования и воспроизведение рода, «где каждый день повторяет день предыдущий», где нет уверенности в завтрашнем дне и царствует механический и опустошающий душу труд, свидетельствует об эксплуатации [11, с. 174].

Но Гессен также указывает еще на один аспект эксплуатации, который не замечается, в том числе, и «новым либерализмом», а именно на приравненность рабочих и их труда к безликому товару и к простому средству удовлетворения потребностей (причем «потребностей мнимых и общественно вредных»). По мнению мыслителя, рабочие, «совершенно отстраненные от участия в руководстве производством... принуждены к тому же сплошь и рядом участвовать в производстве продуктов, удовлетворяющих очевидно мнимым и общественно вредным потребностям, производимым единственно потому, что собственники реализуют с их помощью “ценностную разность”» [11, с. 174].

Следовательно, «повышение материального уровня жизни рабочего класса далеко не разрешает еще проблемы эксплуатации», хотя и является необходимым шагом для обеспечения «непроницаемости личности» и непревращения личности в простое средство удовлетворения чужих потребностей [11, с. 175–177, 227]. Поскольку суть либерализма изначально состояла в критике крепостной зависимости и сословных привилегий, постольку этот пафос должен быть продолжен

реформированием самой экономической системы.

В чем должно заключаться такое реформирование? Гессен не считает возможным описать раз и навсегда безусловно совершенное общественное устройство, но, симпатизируя гильдейскому социализму, подчеркивает ряд тезисов. Во-первых, мыслитель говорит о необходимости восстановления творчески-активного отношения человека к вещи (которое в классическом либерализме изначально и служило оправданием права собственности), что достигается перераспределением собственности (по общему правилу, с предоставлением выкупа или справедливого возмещения [12, с. 125, 135]). Коллективизация собственности, по Гессену, в целом является естественным следствием такого реформирования, хотя уместность ее в каждом конкретном случае обсуждается [11, с. 213]. Во-вторых, цели производства должны определяться не столько субъективным стремлением предпринимателя к наживе и объективными условиями рынка (ведь таковые скорее предупреждают потребности, чем удовлетворяют их), сколько потребностями культурного развития, которым они служат (отсюда симпатии Гессена к идеям рабочего контроля и тред-юнионам) [11, с. 228, 356–357]. В-третьих, «ценностная разность» (маржа, прибыль) не должна присваиваться только капиталистом, а должна частично обобществляться (через налоги), так как получается в результате совокупной деятельности всех общественных, в том числе случайных, сил [11, с. 208–210]. При этом Гессен считает, что государство не должно предписывать предпринимателям конкретные хозяйственные задачи, а собственникам – конкретные способы использования своих вещей, иначе идея Права будет подменена идеей Блага, что привело бы к отказу от принципа правового государства [11, с. 195, 229]. Представляется, что изло-

женные выводы Гессена чрезвычайно актуальны в современной действительности, демонстрируя, что проблема достойного существования касается не только развивающихся стран или бедных слоев населения, но и развитых стран и состоятельных людей, ставших жертвами «общества потребления».

Право на достойное существование в контексте проблематики социально- экономических прав

К сожалению, в трудах отечественных философов отсутствует четкий ответ на вопрос о том, в чем именно состоит тот «минимум», который гарантирует сохранение достоинства человека. Так, в трудах П. И. Новгородцева красной нитью проходит идея равенства возможностей, «равенства исходного пункта» [13, с. 316]. Ученый писал, что суть этой идеи в том, чтобы обеспечить необходимые условия для достойного человеческого существования. Указывая, что данная идея не может получить точного материального определения, поскольку в каждом обществе имеется собственный *standart of life* и свой предел, за которым начинается недопустимая крайность, он лишь отмечал, что равенство возможностей означает не уравнивание личного имущества каждого, а усиление и доведение «до возможно больших размеров» общественного фонда (образовательные и культурные учреждения, больницы и приюты и пр.) [13, с. 318–319]. Между тем очевидно, что увеличение общественной собственности до максимума попросту исключит собственность личную, поэтому мы должны определить известные границы. Аналогично и С. И. Гессен, называя понятие минимума существенным, признает тот факт, что «в действительности иногда очень трудно бывает соблюсти меру и не преступить той грани, за которой ограждающий право минимум блага

переходит в игнорирующее право лица благо» [11, с. 199]. Главный вопрос, который стоял в начале XX в. перед русской интеллигенцией, таков: станет ли этой границей отмена частной собственности на средства производства. Данный вопрос в итоге был решен не теоретически, а практически, путем Октябрьского переворота 1917 г.

Существует также ряд вопросов, связанных с достойным существованием человека, которые русские мыслители, к сожалению, вообще не поднимали, например: сохраняется ли у государства или иного обязанного субъекта моральная обязанность по обеспечению достойного уровня жизни, если исполнить ее невозможно по объективным причинам; сохраняется ли у человека право на достойное человеческое существование, если государство разрушено или не существует, и кто тогда становится обязанным лицом; какие именно действия должно совершить обязанное лицо для обеспечения права на достойное существование; какие контрмеры вправе принять человек, право на достойное существование которого нарушается. Подобные вопросы неизбежны при обсуждении любого субъективного права. Не случайно далеко не все российские правоведы отстаивали именно юридическую (а не моральную) природу права на достойное существование. Так, Ф. В. Тарановский рассматривал право на существование лишь «в качестве рефлекса односторонней обязанности, принимаемой на себя государством в постоянно изменяющихся социально-экономических и политических условиях» [1, с. 100]. Между тем даже сугубо моральное обоснование того или иного права требует внятных ответов на вышеуказанные вопросы (различие между моральным и юридическим обоснованием связано лишь с особенностями механизма правореализации, т. е. с практическими трудностями, но не с теоретическим обоснованием).

Соответственно, дискуссии о праве на достойное существование, прерванные 1917 г., следует продолжить, что, в принципе, и происходит в современной теории и философии права, и можно только приветствовать указанную тенденцию. На наш взгляд, продуктивным продолжением указанных дискуссий могло бы стать рассмотрение права на достойное человеческое существование в контексте социально-экономических прав в целом (так называемого второго поколения прав человека). Ведь фактически те проблемы, которые свойственны обоснованиям права на достойное человеческое существование, касаются всех прав человека второго поколения. Основная причина, по которой эти права для многих являются менее убедительными, чем права человека первого поколения, связана с неясностью того, где должна проходить их граница. Важно также понимать, что поскольку сама постановка вопроса о праве на достойное существование инспирирована западными мыслителями, постольку и сегодня задача состоит не просто в изучении творческого наследия отечественных авторов, но и в осмыслении западной философской традиции.

Полагаем, споры возникают потому, что в политической философии существует два различных подхода к обоснованию прав человека. Так, концепция прав человека берет свое начало в доктрине естественных прав, разработанной философами Нового времени (Гроций, Спиноза, Гоббс, Локк, Руссо, Монтескье и др.). Согласно этой доктрине каждому человеку от рождения принадлежат некие естественные права, для обеспечения которых и на условиях защиты которых люди объединяются в общество с себе подобными, и это общество устанавливает над собой некоторую публичную власть. Все люди при этом предполагались равными в своих естественных правах, а сами эти естественные права рассматривались как средство реализации заложенной в каждом из нас свободы. Поскольку задача

публичной власти состоит лишь в том, чтобы посредством закона обеспечивать и защищать естественные права членов общества, постольку сложившийся идеал правового государства подразумевал, что оно (правовое государство) не вмешивается в подавляющее большинство отношений, существующих внутри гражданского общества. В этой первоначальной картине под правами человека понимаются лишь личные (гражданские) и политические права. Впоследствии индустриальная эпоха продемонстрировала, что никакого политического равенства и никакого свободного выбора не может быть, если человеку не обеспечены некоторые другие (социально-экономические и культурные) права. Однако эти новые права можно понимать двояко. Если рассматривать их лишь как средство обеспечения личных и политических прав, то мы приходим к одному, более узкому, перечню. Если же рассматривать их как способ обеспечить некое полноценное развитие человеческих потенций, то мы приходим к другому, более широкому перечню. Действительно, ничто в первоначальном перечне личных и политических прав не подразумевает, что имея их, человек будет жить счастливо, поддерживать некий уровень материального благосостояния, реализовать себя и т. д. Скорее, эти права человека рассматривались лишь как некая минимальная гарантия подобного исхода. Другое дело, если мы хотим обеспечить именно «достойную» жизнь, а не просто гарантировать некоторые предпосылки для нее.

КАТЕГОРИЯ ДОСТОЙНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ ОБОСНОВАНИЯХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Рассмотрим в связи с этим некоторые обоснования прав человека, которые встречаются в современной западной философии. Сегодня далеко не все считают, что права человека вообще должны быть

или могут быть обоснованы. Одни ученые, такие как А. Этциони, полагают эти права самоочевидными и не требующими обоснования [14, р. 190]. Другие, в том числе Ч. Тейлор, утверждают, что в зависимости от конкретной культуры могут быть предложены различные обоснования одних и тех же прав человека [15]. Третьи, например Ч. Бейтц, отказываются считать права человека выразителями каких-либо принципов справедливости, рассматривая их лишь как конструкцию, выполняющую определенные функции в текущей международной политике [16, р. 102–117]. Вместе с тем другие мыслители пытаются дать философское обоснование правам человека, и среди них следует особо отметить А. Гевирта и Г. Шу, которые к настоящему времени стали уже классиками западной теории прав человека.

А. Гевирт в основу морального обоснования прав человека ставил характеристику человека как морального агента. Он полагал, что хотя само по себе наличие моральной способности не порождает прав, но каждый человек как актер (agent), стремясь быть логически непротиворечивым, должен будет признать у всех людей (таких же agents) наличие так называемых родовых прав на свободу (способность выбирать цели как необходимое условие деятельности) и благополучие (способность реализовывать цели как необходимое условие успешной деятельности). Это обстоятельство ученый пытается обосновать посредством утверждения, что в основе любой моральной системы лежит понятие действия. Для осуществления действий необходимы определенные предпосылки, и среди них общепризнаны добровольность и беспрепятственность (т. е. свобода). При этом важнейшей характеристикой действия Гевирт считает целенаправленность (стремление к благополучию), поэтому для осуществления действия требуются также минимально благоприятные обстоятельства и условия

(благополучие). Каждый агент остается таковым (т. е. способным достигать хоть каких-то целей) лишь при наличии свободы и благополучия, а потому должен воспринимать их как неотъемлемые блага. Он утверждает свое право на эти блага. Но поскольку другие также являются агентами либо претендуют на этот статус, то и они (чисто логически) имеют те же права на тех же основаниях. Так возникают права человека, при обосновании которых Гевирт прибегает к понятию человеческого достоинства (хотя и критикует упоминание этого понятия во Всеобщей декларации прав человека). Базовое благополучие обеспечивается правом на жизнь, физическую целостность и психическое равновесие (basic rights), поскольку они необходимы для любой целенаправленной деятельности вообще. Неотчуждаемость достигнутого уровня благополучия обеспечивается защитой от преступных посягательств (nonsubtractive rights), а рост этого благополучия – правом на образование, информацию и подобными возможностями для соответствующей деятельности (additive rights) [17, p. 235–237; 18, p. 219–226].

Основная претензия, которая высказывается в отношении концепции Гевирта в научной литературе, состоит в том, что она апеллирует к логике, но в действительности совершает скачок от факта к ценности. Кроме того, Гевирт, отталкиваясь от характеристики человека как морального агента, фактически описывает условия достижения каждым человеком своих жизненных целей, а не условия морального выбора. Нравственная способность (свобода воли) уже дана нам в силу человеческой природы и не может быть отнята ни путем лишения свободы, ни путем лишения благополучия. Только совершенно невыносимые условия, препятствующие работе человеческого мозга и раз-

рушающие нашу психику, могут лишить человека нравственной способности.

Г. Шу также трактует основные права человека в качестве минимально разумных требований человека к остальным людям, связанных с возможностью здоровой и активной жизни. Права человека (moral rights), по его мнению, представляют собой некий разумный уровень социальной защиты его бытия от стандартных (предвидимых и устранимых) угроз [19, p. 13, 32]. При этом основными правами человека (basic rights) являются те, использование (enjoying) которых необходимо для использования всех других прав, и поэтому первые не могут быть принесены в жертву вторым [19, p. 19]. К таковым автор относит право на безопасность, право на средства к существованию, право на свободу (передвижения) и право на участие в политической жизни.

Однако, как убедительно показал Т. Погге, ни одно из этих четырех прав, равно как и ни одно право вообще, не удовлетворяет тому определению основных прав, которое предложил Шу (как бы мы ни понимали его термин “enjoying”) [20, p. 113–130]. Именно поэтому Э. Эшфорд, совершенствуя подход Г. Шу, трактует права человека в качестве средств защиты базовых интересов рационального агента, его «минимально достойной и автономной жизни» от стандартных угроз. С этой точки зрения, даже если то или иное право не является строго необходимым для пользования другими правами, оно тем не менее может относиться к правам человека [21]. Обоснование прав с точки зрения некоторых наиболее значимых интересов предоставляют также И. Раз, Д. Уолдрон и Д. Тасиулас, которые, наряду с Г. Шу и Э. Эшфордом, допускают существование таких прав человека, которым корреспондируют лишь несовершенные обязанности¹. Т. Погге также

¹ Tomalty J. On Subsistence and Human Rights : A Thesis Submitted for the Degree of PhD. St. Andrews, 2011. P. 57–63, 75–81.

исходит из понимания прав человека как совокупности широко распространенных и принятых ценностей, связанных с представлениями о том, в чем обычно нуждается человек, чтобы иметь «минимально стоящую жизнь» [22, р. 14]. На этом основании автор выделяет три базовых права: свободу совести, политическое участие и основные блага (включая право на средства к существованию), прибегая в своих работах в том числе к отсылкам к человеческому достоинству. Однако последнее из трех основных прав автор трактует узко (как негативное, которому соответствуют лишь совершенные обязанности). Таким образом, хотя предложенное Шу понятие «основные права» многими учеными отвергается, но его же понятие «моральные права» весьма активно используется в обоснованиях прав человека, однако указанные обоснования сталкиваются с необходимостью более четкого определения того, что считать «стандартными угрозами», «наиболее важными интересами», «минимально достойными условиями» и т. п.

Следует отметить, что в западной литературе существует обширная дискуссия относительно вопроса о моральных обоснованиях прав человека. Но рассмотрение двух классических авторов уже показывает две особенности, которые свойственны большинству указанных обоснований: во-первых, отсылка к природе человека как рационального/нормативного/морального агента, во-вторых, отсылка к человеческому достоинству и некоторым представлениям о минимально достойной жизни. Общий вывод состоит в том, что проблема определения достойного минимума касается не только права на достойное существование, но всех прав человека.

Это – прямое следствие стремления выработать такое обоснование прав человека, которое бы охватывало не только личные и политические, но также и социально-экономические и культурные права.

Заключение

Обоснование права на достойное человеческое существование, провозглашенного дореволюционными отечественными мыслителями, сталкивается с определенными теоретическими сложностями. Поскольку это право может рассматриваться как ключевое социально-экономическое право, с аналогичными сложностями сталкиваются и попытки обосновать социально-экономические права в целом (а именно попытки предоставить такие обоснования прав человека, которые бы охватывали, в том числе, и социально-экономические права, что видно на примере западной теоретической мысли). Одним из способов устранения вышеуказанных сложностей является рассмотрение социально-экономических прав лишь как средства, обеспечивающего права личные и политические, а не как средства обеспечения некоторого достойного существования. Но в этом случае право на достойное существование вряд ли можно отнести к универсальным правам человека. Это, впрочем, не мешает каждому конкретному государству, исходя из текущих экономических реалий, гарантировать своим гражданам некий минимальный уровень жизни, однако в этом случае речь будет идти уже не о правах человека, а о правах граждан конкретного государства, причем не о каких-то неотчуждаемых правах, а о правах, моральное обоснование которых зависит от конкретных исторических условий.

Список литературы

1. Сухобок Т. В. Влияние зарубежных учений о социальных правах на российскую политико-правовую мысль начала XX века // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 91–109. DOI: https://doi.org/10.17506/26867206_2022_22_4_91
2. Пашкова Е. В. Место права на достойное существование в системе прав человека // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2014. № 1-2 (1). С. 47–50.

3. Куницын А. П. Право естественное // Русские просветители (от Радищева до декабристов) : в 2 т. М. : Мысль, 1966. Т. 2. С. 204–362.
4. Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 1. С. 47–580.
5. Кислов А. Г. Вклад русской философии в развитие идеи права на достойное человеческое существование // Русская философия о человекотворческой основе гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам 9-й всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–16 нояб. 2012 г.) / отв. ред. С. З. Гончаров. Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2012. С. 122–146.
6. Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // О праве на существование. СПб. : Т-во М. О. Вольф, 1911. С. 1–13.
7. Новгородцев П. И. Об общественном идеале // Новгородцев П. И. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 367–387.
8. Покровский И. А. Право на существование // О праве на существование. СПб. : Т-во М. О. Вольф, 1911. С. 15–48.
9. Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 1998. 798 с.
10. Хомченко К. А. Право человека на достойное существование: история возникновения идеи и современные прочтения // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 2. С. 21–33.
11. Гессен С. И. Правовое государство и социализм // Гессен С. И. Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 1999. 812 с.
12. Гессен С. И. Политическая свобода и либерализм // Гессен С. И. Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 1999. 812 с.
13. Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания // Новгородцев П. И. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 35–366.
14. Etzioni A. The Normativity of Human Rights Is Self-Evident // *Human Rights Quarterly*. 2010. Vol. 32, No. 1. P. 187–197.
15. Taylor C. Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights // *The East Asian Challenge For Human Rights* / ed. by J. R. Bauer, D. A. Bell. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. P. 124–144.
16. Beitz C. R. The Idea of Human Rights. New York : Oxford University Press, 2009. 250 p.
17. Gewirth A. Why There Are Human Rights // *Social Theory and Practice*. 1985. Vol. 11, No. 2. P. 235–248.
18. Gewirth A. Duties to Fulfill the Human Rights of the Poor // *Freedom from Poverty as a Human Right: Who Owes What to the Very Poor?* / ed. by T. Pogge. New York : Oxford University Press, 2007. P. 219–236.
19. Shue H. Basic Rights: Subsistence, Affluence and U. S. Foreign Policy. Princeton : Princeton University Press, 1980. 236 p.
20. Pogge T. Shue on Rights and Duties // *Global Basic Rights* / ed. by C. R. Beitz, R. E. Goodin. New York : Oxford University Press, 2009. P. 113–130. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199604388.003.0006>
21. Ashford E. The Alleged Dichotomy Between Positive and Negative Rights and Duties // *Global Basic Rights* / ed. by C. R. Beitz, R. E. Goodin. New York : Oxford University Press, 2009. P. 92–112. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199604388.003.0005>
22. Pogge T. Human Rights and Human Responsibilities // *Global Responsibilities: Who Must Deliver on Human Rights* / ed. by A. Kuper. New York : Routledge, 2005. P. 3–35.

References

1. Sukhobok T.V. The Influence of Social Rights' Foreign Teachings on the Russian Political and Legal Thought at the Beginning of the 20th Century. *Antinomies*. 2022;22(4):91-109. DOI: https://doi.org/10.17506/26867206_2022_22_4_91 (In Russ.)
2. Pashkova E. V. The Place of the Right to a Dignified Life in the Human Rights System. *Russian Science and Education Today: Problems and Prospects*. 2014;1-2:47-50. (In Russ.)
3. Kunitsyn A. P. The Natural Law. In: *Russian Enlighteners (from Radishchev to the Decembrists)*. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ.; 1966. P. 204–362. (In Russ.)
4. Solov'ev V. S. Justification of Goodness. In: Solov'ev V. S. *Essays*. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ.; 1988. P. 47–580. (In Russ.)
5. Kislov A. G. Russian Philosophy's Contribution to the Development of the Idea of the Right to a Dignified Life. In: Goncharov S. Z. (Ed.). *Russian Philosophy on the Human-Making Basis of Humanitarian Education*. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University Publ.; 2012. P. 122–146. (In Russ.)
6. Novgorodtsev P. I. The Right to a Dignified Life. In: *On the Right to Life*. St. Petersburg: M. O. Vol'f Partnership Publ.; 1911. P. 1–13. (In Russ.)
7. Novgorodtsev P. I. On the Social Ideal. In: Novgorodtsev P. I. *Selected Works*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2010. P. 367–387. (In Russ.)

8. Pokrovskii I. A. The Right to Life. In: *On the Right to Life*. St. Petersburg: M. O. Vol'f Partnership Publ.; 1911. P. 15–48. (In Russ.)
9. Kistyakovskii B. A. *Philosophy and Sociology of Law*. St. Petersburg: Russian Christian Institute for the Humanities Publ.; 1998. 798 p. (In Russ.)
10. Khomchenko K. A. The Right to a Decent Existence: History of Ideas and Modern Reading. *Proceedings of the Institute of State and Law*. 2011;2:21-33. (In Russ.)
11. Hessen S. I. The Rule of Law and Socialism. In: Hessen S. I. *Selected Works*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 1999. 812 p. (In Russ.)
12. Hessen S. I. Political Freedom and Liberalism. In: Hessen S. I. *Selected Works*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 1999. 812 p. (In Russ.)
13. Novgorodtsev P. I. The Crisis of Modern Legal Awareness. In: Novgorodtsev P. I. *Selected Works*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2010. P. 35–366. (In Russ.)
14. Etzioni A. The Normativity of Human Rights Is Self-Evident. *Human Rights Quarterly*. 2010;32(1):187-197.
15. Taylor C. Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights. In: Bauer J. R., Bell D. A. (Eds.). *The East Asian Challenge For Human Rights*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 124–144.
16. Beitz C. R. *The Idea of Human Rights*. New York: Oxford University Press, 2009. 250 p.
17. Gewirth A. Why There Are Human Rights. *Social Theory and Practice*. 1985;11(2):235-248.
18. Gewirth A. Duties to Fulfill the Human Rights of the Poor. In: Pogge T. (Ed.). *Freedom from Poverty as a Human Right: Who Owes What to the Very Poor?* New York: Oxford University Press, 2007. P. 219–236.
19. Shue H. *Basic Rights: Subsistence, Affluence and U. S. Foreign Policy*. Princeton: Princeton University Press, 1980. 236 p.
20. Pogge T. Shue on Rights and Duties. In: Beitz C. R., Goodin R. E. (Eds.). *Global Basic Rights*. New York: Oxford University Press, 2009. P. 113–130. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199604388.003.0006>
21. Ashford E. The Alleged Dichotomy Between Positive and Negative Rights and Duties In: Beitz C. R., Goodin R. E. (Eds.). *Global Basic Rights*. New York: Oxford University Press, 2009. P. 92–112. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199604388.003.0005>
22. Pogge T. Human Rights and Human Responsibilities. In: Kuper A. (Ed.). *Global Responsibilities: Who Must Deliver on Human Rights*. New York: Routledge, 2005. P. 3–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Александрович Шавеко, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620108, Российская Федерация), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>; e-mail: shavekonikolai@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Shaveko, Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16 Sofia Kovalevskaya st., Yekaterinburg, 620108, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>; e-mail: shavekonikolai@gmail.com

Поступила | Received
06.01.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
22.01.2024

Принята к публикации | Accepted
23.01.2024

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ Public Law (State Law) Sciences

УДК 342.4

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-2-169-182

EDN: FWRPLM

Оригинальная научная статья

Актуальные проблемы развития и совершенствования конституционного законодательства (к 30-летию Конституции Российской Федерации)

В. Е. Севрюгин

*Институт государства и права, Тюменский государственный университет,
Тюмень, Российская Федерация*

✉ 17041945@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются роль и значение действующей Конституции Российской Федерации. Рассматриваются ее достоинства и выделяются как заложенные изначально, так и образовавшиеся в ходе развития и конструктивных реформ недостатки. Обобщаются накопившиеся за тридцатилетний период ее действия проблемы, связанные с необходимостью реформирования и модернизации ее норм в целях совершенствования конституционного права и законодательства. Обращается внимание на то, что содержательной и конструктивной критике Конституция Российской Федерации начала подвергаться с момента ее принятия как документа переходного периода. Отмечается, что развитие и совершенствование национального конституционного законодательства невозможно без опоры на прогрессивный международный опыт и без учета сохранения общественных принципов и традиционных ценностей ее многонационального народа. Резюмируется, что нормы Конституции Российской Федерации служат неотъемлемым элементом национальной безопасности страны, правовым гарантом сохранения государственного суверенитета, независимой внутренней и внешней политики, национальной и конституционной идентичности. Целью настоящего исследования является обоснование необходимости глубокой модернизации Конституции Российской Федерации, формулирование конкретных рекомендаций и предложений Федеральному законодателю по устранению имеющихся пробелов и противоречий в ее правовом регулировании. Анализ динамики изменений и дополнений действующей Конституции Российской Федерации, выявленных в ходе конституционных реформ 2014 и 2020 гг., и серьезных недостатков в содержании ряда положений главы 1 и 2, являющихся неизменными, предопределяют необходимость дальнейшего реформирования не только конституционных механизмов регулирования функционирования государственного аппарата, но и всех ветвей государственной власти России. Для достижения цели исследования автор опирался на современные методы познания, выявленные и разработанные юридической наукой и апробированные практикой. Методологической основой исследования послужило материалистическое понимание основных законов развития государства и общества и концептуального анализа правовой действительности, что позволило рассмотреть и раскрыть проблематику категориального понимания конституционного права и конституционного законодательства комплексно, в неразрывном единстве с другими правовыми явлениями и категориями. В ходе исследования были использованы частнонаучные и специальные методы познания: формально-логические, исторические, анализа и синтеза, абстрагирования и моделирования и др.

© Севрюгин В. Е., 2024

Ключевые слова: Конституция, демократия, права человека, легитимность, функции, принципы, референдум, исполнительная, законодательная ветви власти, реформирование, модернизация

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Севрюгин В. Е: Актуальные проблемы развития и совершенствования конституционного законодательства (к 30-летию Конституции Российской Федерации) // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 2. С. 169–182. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-169-182>. EDN: <https://elibrary.ru/fwprlm>

Original scientific article

Actual Problems of Development and Improvement of Constitutional Legislation (to the 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation)

V. E. Sevryugin

Institute of State and Law, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

✉ 17041945@mail.ru

Abstract. The article analyzes the role and significance of the current Constitution of the Russian Federation. The analysis delves into both the merits and shortcomings of the approach, acknowledging initial limitations as well as those that emerged during subsequent development and structural reforms. The accumulated challenges over the thirty-year span of its operation underscore the necessity for reform and modernization of its norms to enhance constitutional law and legislation. Attention is drawn to the fact that the Constitution of the Russian Federation began to be subjected to meaningful and constructive criticism from the moment of its adoption as a document of the transition period. It is emphasized that advancing and refining national constitutional legislation is contingent upon drawing from progressive international practices and ensuring the preservation of social principles and traditional values inherent to its diverse populace. It is concluded that the provisions outlined in the Constitution of the Russian Federation serve as a fundamental component of the country's national security, providing legal assurance for the preservation of state sovereignty, independent domestic and foreign policies, as well as national and constitutional identity. The aim of this study is to argue for the imperative of comprehensive modernization of the Constitution of the Russian Federation. It seeks to formulate specific recommendations and proposals for the Federal legislature to address current gaps and contradictions in its legal framework. The examination of changes and additions to the current Constitution of the Russian Federation during the constitutional reforms of 2014 and 2020 has highlighted significant deficiencies in the content of several provisions within Chapters 1 and 2, which remain unchanged. This underscores the imperative for further reform, not only within the constitutional mechanisms governing the functioning of the state apparatus but also across all branches of government in Russia. In achieving the research goal, the author drew upon contemporary cognitive methods identified and refined by legal science, validated through practical application. The research methodology was founded on a materialistic interpretation of the fundamental laws governing the development of the state and society, alongside a conceptual analysis of legal reality. This approach facilitated a comprehensive exploration of the categorical understanding of constitutional law and legislation, revealing their intricacies in inseparable unity with other legal phenomena and categories. Throughout the research, a combination of specific scientific and specialized methods of cognition were employed, including formal logical reasoning, historical analysis, synthesis, abstraction, and modeling, among others.

Keywords: Constitution, democracy, human rights, legitimacy, functions, principles, referendum, executive, legislative branches of government, reform, modernization

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Sevryugin V. E. Actual Problems of Development and Improvement of Constitutional Legislation (to the 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation). *Siberian Law Review*. 2024;21(2):169-182. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-169-182>. EDN: <https://elibrary.ru/fwrplm> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Конституция Российской Федерации с момента ее принятия 12 декабря 1993 г. вот уже на протяжении трех десятков лет является цементирующим ядром современной российской правовой системы.

С принятием Конституции Российской Федерации страна получила прочный правовой фундамент, позволивший обеспечить политическую, экономическую и социальную целостность государства, смогла не ввергнуться в хаос нескончаемых конфликтов регионов, властей, идеологий, не обрушить общество, не потерять государственность.

Сегодня, с высоты прожитых при Конституции лет, очень важно спокойно оценить роль и значение Основного закона страны, его соответствие вызовам современного мира и реалиям современной эпохи.

Оценивая достоинства и недостатки действующей Конституции Российской Федерации, необходимо отметить, что Конституция современной России, как и любая конституция, – это особый правовой документ, регулирующий наиболее важные вопросы государственной и общественной жизни страны.

Конституция Российской Федерации является единственным юридическим документом, содержащим нормы всех отраслей права. При этом нормы конституционного права являются основополагающими по отношению к нормам других отраслей российского права.

Конституция Российской Федерации как живой документ прямого действия

за прошедшие три десятилетия претерпела существенные изменения. В ее текст постепенно вносились изменения и дополнения, продиктованные вызовами времени, был разработан действенный механизм внесения изменений и дополнений посредством особых Федеральных законов о поправках к Конституции Российской Федерации.

Так, Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы»¹ увеличил срок полномочий Президента до 6 лет, а Государственной Думы до 5 лет. В этом же контексте закон от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации»² обязал Правительство Российской Федерации предоставлять в Государственную Думу отчеты о результатах его деятельности.

На основании закона от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»³ произошли известные изменения в судебной системе Российской Федерации. Закон от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»⁴ определил полномочия Президента Российской Федерации по участию в формировании верхней палаты парламента. 27 декабря 2005 г. Государственной Думой Российской Федерации был принят Федеральный закон № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального

¹ *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2009. № 1, ст. 1.

² Там же, ст. 2.

³ Там же. 2014. № 6, ст. 548.

⁴ Там же. № 30, ч. 1, ст. 4202.

Собрания Российской Федерации»⁵, а 7 мая 2013 г. – Федеральный закон № 77-ФЗ «О парламентском контроле»⁶.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЕ

Перманентно проводимая на протяжении тридцати лет в Российской Федерации административная реформа со всей очевидностью показала необходимость дальнейшего реформирования конституционных механизмов регулирования функционирования государственного аппарата.

Следует заметить, что без своевременных и решительных изменений в Конституции Российской Федерации невозможно было обеспечить воссоединение России с Крымом, защиту прав, имущественных и иных законных интересов русского населения, проживающего на территории Крымского полуострова⁷.

Заслуживают отдельной самостоятельной нормативно-правовой и доктринальной оценки конституционные новации 2020 г. Речь идет прежде всего о нормах, устанавливающих требования к лицам, замещающим государственные должности и ряд иных должностей, связанных с реализацией функций публичной власти (в частности, ст.ст. 77–78, 81, 95, 97, 103, 110, 119, 129 Конституции Российской Федерации).

В настоящее время актуальной для конституционного права и конституционного законодательства России остается проблема соответствия норм международного права и внутринационального права в свете наделения Конституционного Суда Российской Федерации полномочиями по принятию решений о возможности (или невозможности) исполнения решений межгосударственных

судебных органов. Основой для принятия такого федерального конституционного закона явилось постановление Конституционного Суда Российской Федерации о признании верховенства Конституции Российской Федерации при исполнении решений Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). По мнению председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина, действия данного международного судебного органа в настоящее время «демонстрируют симптомы применения двойных стандартов». Решения ЕСПЧ следует признавать средством давления Совета Европы на внешнюю и внутреннюю политику Российского государства, инструментом вторжения в государственный суверенитет России, направленного на разрушение нашей национальной и конституционной идентичности.

Следует признать, что изначально сложившиеся непростые отношения между Российской Федерацией и Советом Европы продолжают ухудшаться. Но не по вине России. Они выстраивались и выстраиваются на основе конституционных и международных норм. Юридическое доминирование норм международного права над нормами национального законодательства является следствием общемировой практики современных государств. Россия, как и другие демократические государства современного мира, признает существование международного права и рассматривает его нормы как составную часть собственной правовой системы. В то же время нормы Конституции Российской Федерации являются неотъемлемым элементом системы национальной безопасности страны и правовым гарантом сохранения

⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 1, ст. 7.

⁶ Там же. 2013. № 19, ст. 2304.

⁷ *О принятии* в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя : федер. конституц. закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 12, ст. 1201.

общественных принципов и традиционных ценностей ее многонационального народа. Принцип примата общепризнанных ценностей и норм международного права и международных договоров в системе национального права закреплен в п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Однако в случае несоответствия положений и норм международного договора Конституции Российской Федерации будут применяться конституционно-правовые нормы и положения последней. Такие дискриминационные решения межгосударственных органов в отношении России, принятые на основе положений международных договоров Российской Федерации, в соответствии с конституционными поправками 2020 г. не подлежат исполнению в Российской Федерации (ст. 79 Конституции).

Совет Европы навязывал и продолжает навязывать России напрямую и через решения ЕСПЧ признание так называемых нетрадиционных «европейских ценностей» и их закрепление в национальном законодательстве. К европейским ценностям они относят однополые браки, гомосексуализм, лесбийскую любовь, ЛГБТ-сообщества, трансгендеров, бисексуалов и тому подобную публику. При этом призывают российских граждан к отказу от своих традиционных семейных ценностей и вековых традиций, перестать различать людей по половому признаку (мальчик, девочка, муж, жена) в угоду переходу на более «толерантные», с их точки зрения, обозначения «он», «она», «оно», родитель № 1, № 2.

Такие «европейские ценности» изначально были и остаются чуждыми для народов России как многонациональной и многоконфессиональной страны, так и для всего христианского и мусульманского мира. С юридической точки зрения, появление в последние годы множества спорных, ангажированных решений ЕСПЧ в отношении России, имеющих

явно политический оттенок, неприемлемы, поскольку нагло и бесцеремонно вторгаются в государственный суверенитет и пытаются влиять на государственную и правовую систему России.

Если оценивать роль и значение Конституции Российской Федерации через ее базовые нормы-принципы (признание правовой свободы человека и гражданина высшей ценностью, равенство всех перед законом, разделение властей, верховенство права, идеологическое и политическое многообразие, легитимность власти, правовое, социальное, федеративное государство, демократизм, неотчуждаемость основных прав и свобод человека и их принадлежность каждому от рождения, государственное единство и территориальная целостность) и функции (организационная, учредительная, юридическая, политическая, идеологическая и др.), то важно отметить, что их закрепление в нормах Основного закона страны сыграло исключительно позитивную роль в становлении и укреплении нового российского государства и зарождающего нового гражданского общества в России. Наряду с общественными ценностями и принципами Конституция Российской Федерации определила и закрепила в своих нормах принципы экономической системы: признание и защита равным образом частной, государственной, муниципальной и иной форм собственности; единое экономическое пространство; поддержка конкуренции; свобода экономической деятельности.

Как системообразующий документ Конституция России выполняла и продолжает выполнять организационную функцию, поскольку устанавливает и упорядочивает систему важных общественных отношений, взаимных связей человека, коллектива, государства и гражданского общества.

Созидательная, позитивная роль и значение Конституции Российской Федерации в становлении и развитии

российского государства и общества ярко проявляется через ее функции: организационную, учредительную, юридическую, политическую, идеологическую и некоторые другие.

Учредительная функция Конституции Российской Федерации проявляет себя в установлении и юридическом оформлении основ конституционного строя, статуса личности, системы и принципов организации деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Конституция Российской Федерации как Основной закон государства обладает высшей юридической силой и в соответствии со статьей 15 имеет прямое действие. Конституция является основой новой правовой системы России и определяет главные направления развития отечественного законодательства. В этом состоит ее главная юридическая функция.

Идеологическая функция Конституции Российской Федерации закреплена в ст. 13, в соответствии с которой в России признается идеологическое многообразие и одновременно запрещается установление какой-либо идеологии в качестве господствующей и общеобязательной, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, оказывает непосредственное влияние на духовную жизнь общества.

При этом правовое регулирование общественных отношений в идеологической сфере «должно быть умным, осторожным, соотносимым с состоянием, целями и ценностями» [1, с. 187–188].

Можно и дальше перечислять достоинства Конституции образца 1993 г. Они есть. И их действительно много. Важно другое. Конституция России состоялась несмотря на пессимистические прогнозы. И она продолжает непрерывно действовать вот уже три десятка лет.

В настоящее время по своей структуре, содержанию и форме Конституция

Российской Федерации имеет стройную логику построения глав и их внутреннюю взаимосвязь.

Так, глава первая определяет основы конституционного строя России. Нормы главы второй «Права и свободы человека и гражданина» тесно связаны с нормами первой. В частности, закрепляют принцип неотчуждаемости основных прав и свобод человека и гражданина и их принадлежность каждому от рождения (ч. 2 ст. 17). В соответствии со ст. 18 Конституции права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Глава 3 Конституции Российской Федерации посвящена вопросам федеративного устройства и особенностям взаимоотношений федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В ней закреплены такие принципы федеративного устройства государства, как: государственная целостность и единство системы государственной власти; разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов; самоопределение народов Российской Федерации.

Перечню высших органов государственной власти посвящена глава четвертая Конституции Российской Федерации. Ее открывает Президент Российской Федерации – глава государства и гарант Конституции. В соответствии с внесенными изменениями в Конституцию России от 14 марта 2020 г. было законодательно определено место Президента в системе государственных органов власти. В соответствии с ч. 1 ст. 110 Конституции Российской Федерации исполнительная власть осуществляется Правительством

Российской Федерации под общим руководством Президента. При этом Председатель Правительства Российской Федерации и в целом федеральное правительство подконтрольно главе государства. В соответствии с конституционными полномочиями всю полноту государственной исполнительной власти в стране осуществляет Президент.

В то же время Конституция Российской Федерации не лишена отдельных недостатков, законодательных коллизий и изъянов.

По мнению Председателя Конституционного Суда Российской Федерации профессора В. Д. Зорькина, к числу недостатков действующей Конституции Российской Федерации можно отнести «отсутствие должного баланса в системе сдержек и противовесов, крен в пользу исполнительной ветви власти, недостаточная четкость в распределении полномочий между Президентом и Правительством, в определении статуса администрации президента и полномочий прокуратуры. Противопоставление органов местного самоуправления органам государственной власти», и ряд других⁸.

В последние годы на различных площадках, в том числе на научных конференциях международного и всероссийского уровней, поднимались и обсуждались актуальные и значимые проблемы конституционного строительства и конституционного законодательства. В рамках данных мероприятий затрагивались вопросы пересмотра структуры и текста Конституции Российской Федерации (в том числе, выделение самостоятельных глав, посвященных вопросам избирательного права и гражданства Российской Федерации), введения поста вице-президента, расширения полномочий российского парламента в формировании правительства Российской Федерации, конституционного закрепления права выхода субъекта из состава Россий-

ской Федерации, развития форм прямой демократии на федеральном уровне (в том числе, референдума как высшей формы волеизъявления народа), обеспечения защиты и реализации гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, развитие местного самоуправления, и другие вопросы [2].

По вопросам изменения действующей Конституции Российской Федерации в разные годы различными социологическими службами проводились опросы населения. Разброс мнений респондентов оказался большим: от полной замены Конституции 1993 г. на новую, современную, до сохранения ее стабильности, осторожного внесения в текст необходимых дополнений и изменений, продиктованных требованиями времени. Так, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) к 10-летнему и 20-летнему юбилею Конституции Российской Федерации проводил специальные социологические исследования. В ходе последнего социологического опроса населения респондентам были заданы такие вопросы: насколько россияне знакомы с Конституцией Российской Федерации; какое влияние на жизнь страны она оказывает; можно ли вносить в ее текст изменения. По результатам опроса были сделаны следующие выводы. Большинство российских граждан (77 %) имеют представление о Конституции Российской Федерации, а 18 % читали этот документ. В то же время 22 % россиян не имеют о ней никакого представления и только 59 % знакомы с ее основными положениями. По вопросу влияния Конституции Российской Федерации на жизнь страны большинство (63 %) ответили утвердительно. Почти поровну распределились голоса россиян по вопросу поддержки порядка в деятельности государства (30 %) и по вопросу гарантий прав и свобод граждан (28 %). Практически половина опрошенных рос-

⁸ Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Рос. газ. 2018. 9 окт.

сийских граждан (47 %) считают, что Конституция Российской Федерации должна быть стабильной, а изменения в ее текст могут вноситься только по мере необходимости в редких и исключительных случаях⁹. При этом, по наблюдениям социологов, за последние десять лет тенденция сторонников и противников замены российской конституции на новую существенно изменилась в сторону стабильности. Так, число сторонников изменения Конституции Российской Федерации за период с 2000 г. по 2012 г. сократилось с 53 % до 45 %, а число сторонников стабильной конституции за последние десять лет (2012–2022 гг.), наоборот, увеличилось с 35 % до 47 %.

Конституция Российской Федерации, сохраняя известную стабильность, не должна отставать от запросов развития и вызовов современного мира. В этом смысле с время такие изменения норм Конституции требуют известной политической осторожности. Конечно, это вовсе не исключает необходимости приведения положений источников конституционного права с объективными жизненными реалиями, что влияют на суверенитет и национальные интересы Российской Федерации.

Что касается недостатков действующей Конституции Российской Федерации, то они в целом известны. Одни из них требуют срочного решения. Другие могут быть устранены путем внесения точечных изменений в живой текст Конституции.

Представляется, что одним из серьезных и застарелых недостатков Конституции Российской Федерации является отсутствие четкой и внятной позиции законодателя по вопросу всенародного референдума. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ

«О референдуме Российской Федерации» (ред. от 30 декабря 2021 г.)¹⁰, к сожалению, не содержит исчерпывающего перечня вопросов, которые выносятся на референдум. Поэтому неясно, какие вопросы могут быть предметом референдума, а какие нет. Хотя Конституция Российской Федерации (ч. 1 ст. 3) устанавливает, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Часть 3 ст. 3 Конституции называет референдум и свободные выборы высшим непосредственным выражением власти народа. Но на практике это не так. Реального народовластия не существует, поскольку поправкой к Федеральному конституционному закону «О референдуме Российской Федерации» фактически установлен запрет на проведение референдума по вопросам, отнесенным к исключительному ведению соответствующих федеральных государственных органов [3, с. 17]. В результате российский народ, по ошибке или по недоразумению, вот уже многие годы исключен из процесса изъявления своей суверенной воли.

К числу застарелых и не решенных до настоящего времени вопросов Конституции Российской Федерации относится неравный правовой статус субъектов Российской Федерации. В соответствии с чч. 1 и 4 ст. 5 Конституции Российской Федерации закреплен принцип равноправия субъектов Российской Федерации. Но в действительности (и фактически, и юридически) субъекты Российской Федерации не равны, имеют разный правовой статус. Все республики в составе Российской Федерации имеют свою конституцию (ч. 2 ст. 66), свой государственный язык (ч. 2 ст. 68). Остальным «равноправным» субъектам Российской Федерации

⁹ Конституция России: менять или не менять? // ВЦИОМ: результаты исследований. 2012. 11 дек. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucziya-rossii-menyat-ili-ne-menyat> (дата обращения: 17.04.2024).

¹⁰ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 1, ч. 1, ст. 1.

ни своей конституции, ни своего государственного языка иметь не положено.

До настоящего времени в Конституции Российской Федерации не устранили крен в пользу исполнительной ветви власти. В связи с чем нарушен баланс сдержек и противовесов. В соответствии со ст. 10 Конституции Российской Федерации государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Разделение государственной власти на три ветви предполагает наличие такой системы правовых гарантий, которая исключает возможность концентрации власти у одной из ее ветвей, и в то же время обеспечивает самостоятельное функционирование всех ветвей власти и одновременно их взаимодействие¹¹. По Конституции России (ч. 1 ст. 11), в систему органов государственной власти включен Президент Российской Федерации. Он призван координировать эти органы власти и стоит над всеми тремя ветвями власти. Что усиливает крен в сторону исполнительной ветви власти и не соответствует принципу разделения властей. В силу чего с 2019 г. в конституционно-правовой науке и структурах государственной власти вновь актуализировалась проблема конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации в системе исполнительной власти. Фактически вся полнота исполнительной власти в России находится в руках Президента Российской Федерации и его администрации, а юридическая ответственность возлагается на Правительство Российской Федерации. Для устранения данной диспропорции в распределении полномочий и ответственности между ветвями государственной власти необходимо в конституционно-правовой норме четко и ясно закрепить полномочия Президента как главы Правительства Российской

Федерации. Для этого необходимо внести в текст Конституции Российской Федерации новую норму «Исполнительная власть осуществляется Президентом Российской Федерации» с одновременным принятием нового федерального конституционного закона «О Президенте Российской Федерации». Это позволит, во-первых, исключить из текста действующей Конституции Российской Федерации существующие коллизионные и противоречащие ее содержанию нормы. Во-вторых, снизить существующие диспропорции в распределении государственной власти в пользу исполнительной. В-третьих, существенно сократить чиновничий аппарат Правительства и администрацию Президента Российской Федерации (фактически второе правительство страны), разгрузив его от дублирующих функций в практической деятельности и, соответственно, дублирующих структур. Включая, многочисленный бюрократический аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации во всех федеральных округах. В-четвертых, реально снизить огромную перегруженность этого института государственной власти в стране. В-пятых, повысить персональную ответственность федеральных министров и в целом Правительство Российской Федерации за качество и конечные результаты работы.

Назрела настоятельная необходимость в наделении двухпалатного Парламента Российской Федерации (Совета Федерации и Государственной Думы) конституционными полномочиями по контролю за деятельностью Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и федеральными министрами, которых он был лишен изначально. В соответствии со ст. 94 Конституции Российской Федерации Парламент страны является выборным, представительным

¹¹ *Проблематика организации публичной власти в России* : учеб. пособие / Д. А. Авдеев, А. С. Николаев, А. В. Саленко [и др.]. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2023. С. 65–77.

и законодательным органом государственной власти. К сожалению, российский парламент до настоящего времени как не имел, так и не имеет реальных полномочий по осуществлению контроля за деятельностью Президента, Правительства и федеральных министров. Несмотря на принятые в 2008 г. косметические поправки в Конституцию Российской Федерации об ежегодных отчетах Правительства Российской Федерации в Государственной Думе Российской Федерации, а также федеральные законы «О парламентском расследовании» (2005 г.) и «Парламентском контроле» (2013 г.), российский Парламент пока не стал серьезным политическим фактором, какие бы решения он не принимал. В целях защиты российского Парламента от давления исполнительной власти, по мнению депутатского корпуса всех фракций Государственной Думы, необходимо специальной конституционно-правовой нормой установить запрет на право Президента Российской Федерации распускать нижнюю палату Парламента, записав, «Президент Российской Федерации не имеет право распускать Государственную Думу Российской Федерации».

За последние годы претерпел существенные изменения, и не в лучшую сторону, порядок формирования Совета Федерации как палаты регионов. От прямых выборов (1994–1996 гг.) до назначения в ее состав по должности глав субъектов Российской Федерации и глав законодательных органов регионов (1996–2001 гг.). В результате очередной реорганизации, начиная с 2002 г. и по 2012 г., в состав Совета Федерации стали назначаться и избираться представители субъектов федерации – по одному от главы региона и, соответственно, от законодательного органа субъекта федерации. В 2009 г. были установлены требования к члену Совета Федерации. Теперь назначенец от региона должен быть депутатом соответствующего

субъекта федерации, гражданином Российской Федерации, иметь возраст не ниже 30 лет, проживать в данном регионе не менее 5 лет и иметь безупречную репутацию. В результате конституционной поправки 2014 г., Президенту Российской Федерации предоставлено право назначения сенаторов в палату регионов не более 10 % от общего числа представителей от субъекта Российской Федерации. В 2020 г. вновь был изменен порядок формирования Совета Федерации. В результате чего, кроме двух представителей от каждого субъекта федерации, в число сенаторов могут входить представители федеральных структур, а не только регионов, назначаемые напрямую Президентом Российской Федерации. Правда, таких представителей федерального центра не может быть более 30 человек, семь из которых назначаются пожизненно.

Представляется, что в настоящее время Совет Федерации, образованная как палата регионов, в результате сомнительных и не всегда продуманных реорганизаций перестала представлять интересы регионов, и не имея контрольных полномочий и полномочий по принятию федеральных законов окончательно превратилась в придаток федеральной исполнительной власти. Надобность в такой палате отпала. Эта мера позволит повысить авторитет Государственной Думы Российской Федерации как единственного законодательного органа и, соответственно, ответственность депутатов перед избирателями за качество принимаемых законов и разгрузить эту ветвь законодательной власти от ненужной бюрократической волокиты, связанной с прохождением, утверждением (или отклонением) уже принятых федеральных законов чиновниками комитетов Совета Федерации.

К числу актуальных и пока нерешенных проблем Конституции Российской Федерации относится проблема закрепления в ее нормах правового статуса народов Российской Федерации. О них

в конституционных нормах не было и нет ни одного слова. На данный пробел в Конституции Российской Федерации уже обращалось внимание научной общественности, депутатов Государственной Думы Российской Федерации. Неоднократно бывший лидер ЛДПР В. В. Жириновский предлагал в преамбулу текста Основного закона страны внести конкретную запись, что «мы русские люди и другие народы России договорились о нижеследующем...» и далее по тексту, чтобы окончательно решить эту проблему¹². Но отстаиваемая прозападными и примкнувшими к ним политтехнологами размытая и не конкретная, но якобы «толерантная» формулировка «Мы многонациональный народ и другие народы...» так и осталась в тексте Конституции России. Действительно, и с этим никто не спорит, в России вместе с русским народом живет более 100 народов и народностей. Но договариваться надо с титульной нацией, с образующим российское государство русским народом.

Нуждается в разрешении также многострадальная и уже застаревшая проблема разграничения полномочий и предметов ведения между федеральным центром и ее субъектами, закреплённая в ст.ст. 71 и 72 Конституции Российской Федерации. Кроме неоднозначных и лукавых формулировок данные конституционные нормы, фактически, носят дублирующий характер.

До настоящего времени, несмотря на бесконечно длящиеся дискуссии, на конституционном уровне окончательно не решен вопрос о форме правления современной России (президентская, суперпрезидентская, парламентская или смешанная). Принятые поправки к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. только усилили позиции Президента России как фактического руководителя исполнительно-распорядительной власти страны.

Особую актуальность в современный период приобретает проблема выявления зависимости источников конституционного права и их иерархии от принятой в Российской Федерации правовой системы. В связи с чем потребовалось переосмыслении роли нормативных правовых актов Президента Российской Федерации в регулировании общественных отношений. Данные акты, с формальной точки зрения, являются подзаконными, так как принимаются в соответствии и во исполнение федеральных конституционных законов и федеральных законов. В то же время нормативно-правовыми актами Президента Российской Федерации довольно часто утверждаются социально-значимые федеральные стратегические программы государственного развития. В этих актах Президента Российской Федерации перед федеральными органами исполнительной власти ставятся программные цели и задачи государственного развития на долгосрочную перспективу. Такие акты Президента Российской Федерации становятся основой для законотворческой деятельности как федерального парламента, так и парламентов субъектов Российской Федерации. Поэтому нормативные правовые акты Президента Российской Федерации нельзя отнести к второстепенным, второразрядным подзаконным правовым актам.

Сложившаяся правотворческая коллизия требует немедленного разрешения в конституционном законодательстве. Главным вопросом в данном случае является определение пределов или границ вторжения Президента Российской Федерации в компетенцию федерального законодателя при вытеснении или замещении его в решении соответствующих государственных проблем через принятие своих указов.

Нуждается в переосмыслении и конкретизации в конституционном законодательстве Российской Федерации

¹² Жириновский В. В. Конституция должна защищать права русских людей // Аргументы недели. 2018. 27 июня.

содержание фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, все более зависящих и подпадающих под влияние цифровых технологий в цифровую эпоху.

В частности, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин на полях девятого Петербургского международного юридического форума 16 мая 2019 г., характеризуя актуальность и значимость данной проблемы и ее влияние на фундаментальные права человека в цифровую эпоху, сказал, что «фундаментальные права человека, гарантированные Конституцией и международно-правовыми актами, конкретизируются в законодательстве на каждом историческом этапе развития страны. При этом, законодатель призван обеспечить оптимальный уровень такой конкретизации. Он не должен забегать вперед, но и не должен отставать от запросов развития. Очевидно наступило время конкретизации прав и свобод человека и гражданина в цифровой реальности»¹³.

На необходимость переосмысления содержания основных прав человека и гражданина под влиянием цифровых технологий обращали внимание и другие представители конституционно-правовой науки. Например, С. М. Шахрай предлагает повысить эффективность научных исследований в этом направлении. Приступить к скорейшей разработке и внедрению в конституционное законодательство Российской Федерации норм, направленных на «защиту прав и свобод виртуальной личности» и «обеспечение суверенитета государств в условиях трансграничности цифрового мира» [4].

РЕКОМЕНДАЦИИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

На основании вышеизложенного представляется важным и необходимым продолжение процесса дальнейшей осторожной и взвешенной модернизации и корректировки отдельных норм и по-

ложений действующей Конституции Российской Федерации с учетом появления новых и более совершенных механизмов правового государства. Достичь целей устойчивого развития современного российского государства в условиях однополярного мира, незаконных экономических санкций и международных конфликтов невозможно без легитимных политических изменений. Нельзя также оставаться в стабильном правовом поле, постоянно меняя нормы и положения Конституции России и конституционное законодательство.

К числу первоочередных мер, направленных на модернизацию и совершенствование конституционных норм и положений, по мнению ряда известных ученых-юристов, членов-корреспондентов Российской Академии наук Д. А. Керимова [5, с. 12] и М. И. Клеандрова [6], депутата Государственной Думы Российской Федерации М. М. Делягина¹⁴ и региональных законодательных органов, высказанных в средствах массовой информации и опубликованных в периодической печати, не потерявших своей актуальности и сегодня, относятся следующие:

- 1) создание действенных механизмов реализации не только прав и свобод, но и обязанностей граждан;
- 2) обеспечение правовых гарантий реализации конституционных полномочий Президента, Правительства, Федерального Собрания Российской Федерации, Судебной и надзорной системы Российской Федерации;
- 3) укрепление и обеспечение реального равноправия субъектов Российской Федерации путем конституционного закрепления их общего и единого правового статуса;
- 4) отказ от договорных отношений между федеральными государственными органами и государственными органами субъектов Российской Федерации. Допускать заключение таких договоров и соглашений

¹³ Зорькин: Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан // Рос. газ. 2018. 29 мая.

¹⁴ Интервью М. Делягина // Аргументы недели. 2021. 18 авг.

только в исключительных случаях, предусмотренных нормами самой Конституции;

5) наделение полноценными контрольными полномочиями Государственную Думу и Совет Федерации;

6) создание специального федерального контрольно-надзорного органа государства, наряду со Счетной Палатой;

7) создание независимого федерального государственного органа, осуществляющего следствие по особо важным уголовным делам;

8) реорганизация структуры судебной системы и создание административной юстиции;

9) включение в Конституцию Российской Федерации специальной главы «О прокуратуре Российской Федерации» с предоставлением ей права законодательной инициативы по вопросам прокурорского надзора;

10) четкое определение и закрепление в конституционной норме прав и обязанностей губернаторов и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, включая и их взаимоотношения с федеральными органами государственной власти;

11) четкое закрепление в конституционной норме обязанностей публичных органов государственной власти и общественных формирований, должностных лиц и граждан по соблюдению требований законности и ответственности за нарушение режима правопорядка;

12) пересмотр действующей избирательной системы и пресечение законодательными мерами так называемых «избирательных технологий»;

13) введение практик регулярной систематизации (кодификации и инкорпорации) действующего законодательства (на примере свода законов Российской империи) и создание для реализации этой цели специального государственного органа при Парламенте Российской Федерации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тридцать лет назад, после распада СССР, новая Конституция России закрепила в своих нормах новый стратегический курс на построение демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления, что не могло существенным образом не отразиться как на динамичном, поступательном развитии и модернизации конституционного законодательства, так и на содержании научных исследований в данной отрасли права.

Актуальность и значимость рассматриваемых в рамках настоящей статьи проблем развития и совершенствования конституционного права и конституционного законодательства Российской Федерации обусловлена последовательным реформированием национальной системы публичной власти, динамичностью ее развития, появлением новых государственных и общественных институтов, насыщенных новыми смыслами и нашедшими свое отражение в многочисленных конституционных поправках последнего десятилетия.

Особенность модернизации и реформирования конституционного права и законодательства в современный период состоит в том, что оно формируется под непосредственным влиянием политических факторов и общечеловеческих ценностей, напрямую зависит от государственно-властных отношений, сложившихся в нашей стране.

В то же время совершенствование российского конституционного законодательства не может осуществляться без учета прогрессивного зарубежного опыта и в отрыве от фундаментальных основ участия граждан в управлении делами государства.

Подводя итог, необходимо отметить, что действующая Конституция Российской Федерации – не законсервированный продукт, а живой, сложный организм. Как и любой растущий и развивающийся организм, она на каждом историческом витке своего развития нуждается в совершенствовании и модернизации.

Список литературы

1. Конституционный принцип идеологического многообразия в Российской Федерации : моногр. / под ред. д-ра юрид. наук А. А. Васильева. М. : Юрлитформ, 2017. 288 с.
2. Чеботарев Г. Н. Конституционно-правовые механизмы формирования единой системы публичной власти в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2020. № 6 (135). С. 9–17. DOI: <https://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-6-9-17>
3. Авакьян С. А. Конституционное право и политика: проблемы взаимодействия в современном мире // Конституционное право и политика : сб. материалов междунар. науч. конф. / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Юрист, 2012. С. 15–23.
4. Шахрай С. М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 12. С. 1075–1082. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086958730003185-1>
5. Конституции России 10 лет: опыт реализации : материалы всерос. науч.-практ. конф. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2003. 324 с.
6. Клеандров М. И. России нужна новая Конституция // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7, № 4 (28). С. 139–151. DOI: <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2021-7-4-139-151>

References

1. Vasil'ev A. A. (Ed.). *The Constitutional Principle of Ideological Diversity in the Russian Federation*. Moscow: YurLitform Publ.; 2017. 288 p. (In Russ.)
2. Chebotarev G. N. Constitutional and Legal Mechanisms for Forming a Unified System of Public Power in the Russian Federation. *Russian Juridical Journal*. 2020;6:9-17. DOI: <https://doi.org/10.34076/2071-3797-2020-6-9-17> (In Russ.)
3. Avak'yan S. A. Constitutional Law and Politics: Problems of Interaction in the Modern World. In: Avak'yan S. A. (Ed.). *Constitutional Law and Politics*. Moscow: Yurist Publ.; 2012. P. 15–23. (In Russ.)
4. Shakhrai S. M. Digital Constitution: Fundamental Rights and Freedoms of an Individual in a Totally Informational Society. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2018;88(12):1075-1082. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086958730003185-1> (In Russ.)
5. *The Constitution of Russia for 10 years: the Experience of Implementation*. Tyumen: Tyumen State University Publ.; 2003. 324 p. (In Russ.)
6. Kleandrov M. I. On the Need for a New Constitution of the Russian Federation. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2021;7(4):139-151. DOI: <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2021-7-4-139-151> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Егорович Севрюгин, профессор-консультант кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета (ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2868-3678>; e-mail: 17041945@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Viktor E. Sevryugin, Professor-Consultant of the Department of Theoretical and Public Law Disciplines of the Institute of State and Law of University of Tyumen (6 Volodarsky st., Tyumen, 625003, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2868-3678>; e-mail: 17041945@mail.ru

Поступила | Received
18.12.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
23.01.2024

Принята к публикации | Accepted
30.01.2024

Оригинальная научная статья

Административно-процессуальные правоотношения: сущность и характеристика

П. Е. Спиридонов

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Российская Федерация
✉ pavelspiridonov@rambler.ru

Аннотация. В статье отмечается, что особенностями административно-процессуальных правоотношений являются не только основания их возникновения, но содержание и субъекты. Рассматривая содержание административно-процессуальных правоотношений, следует обратить внимание на характер и сущность административного процесса как правоприменительной деятельности. Одной из отличительных черт административно-процессуальных правоотношений как разновидности правоприменительных в публичной сфере является то, что одним из субъектов всегда будет лицо, обладающее не просто процессуальными, но и властными полномочиями по отношению к другим участникам административного процесса. Поэтому такие отношения будут носить публично-властный характер, а властный субъект в административно-процессуальных правоотношениях выражает не свои субъективные права и обязанности, а интересы государства и общества. Отмечается также, что в основе административно-процессуальной деятельности как вида юридической деятельности лежит совершение административно-процессуальных действий, а не процедур, как предполагают многие ученые-процессуалисты. В связи с этим обращается внимание на то, что в основе любой правоприменительной деятельности лежит совершение юридически значимых действий, в результате которых наступают юридические последствия. При этом процедура не может быть положена в основу юридического процесса, так как она сама состоит из действий. Следовательно, деление процедуры на материальную и процессуальную является ошибкой. В работе делается предположение, что отнесение производства по подготовке, принятию и изданию нормативных правовых актов к административному процессу является спорным, поскольку данный вид производства значительно отличается от всех других административных производств и по целям, и по стадиям, и по видам решений, принимаемых в рамках указанного вида процессуальной деятельности. Однако оно имеет процессуальный характер, но вместе с законотворческим процессом скорее всего должно быть объединено в нормотворческом процессе, нежели быть включенным в систему административного процесса. Методологической основой статьи послужили диалектические, формально-логические методы, формально-юридический метод и метод толкования права.

Ключевые слова: административный процесс, административно-процессуальные правоотношения, административно-процессуальные действия, юридические факты, субъекты административного процесса

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Спиридонов П. Е. Административно-процессуальные правоотношения: сущность и характеристика // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 2. С. 183–207. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-183-207>. EDN: <https://elibrary.ru/gjjjhf>

Original scientific article

Administrative and Procedural Legal Relationships: Essence and Characteristics

P. E. Spiridonov

Saint-Petersburg State Fire Service University of EMERCOM of Russia,

Saint Petersburg, Russian Federation

✉ pavelspiridonov@rambler.ru

Abstract. The article highlights that the distinctive features of administrative and procedural legal relationships encompass not only their underlying causes but also their substance and participants. Considering the content of administrative procedural legal relations, attention should be paid to the nature and essence of the administrative process as a law enforcement activity. One of the unique aspects of administrative procedural legal relationships, as a form of law enforcement in the public domain, is that one of the parties involved will always be an individual vested with not just procedural powers, but also authority over other participants in the administrative process. Consequently, such relationships assume a public and authoritative character, where the dominant participant in administrative and procedural legal relations advocates not merely their personal rights and obligations, but rather the interests of the state and society. It is also noted that the basis of administrative procedural activity as a type of legal activity is the commission of administrative procedural actions, and not procedures, as many procedural scientists assume. In this context, it is worth noting that the foundation of any law enforcement endeavor lies in the execution of legally significant actions, leading to the emergence of legal consequences. At the same time, the procedure cannot be used as the basis of a legal process, since it itself consists of actions. Therefore, dividing the procedure into material and procedural is a mistake. The paper proposes that categorizing proceedings for the preparation, adoption, and publication of normative legal acts as part of the administrative process is contentious. This is because this type of procedure significantly diverges from other administrative proceedings in terms of objectives, stages, and the types of decisions made within its framework. However, it has a procedural nature, but together with the legislative process, it should most likely be combined in the rule-making process rather than be included in the administrative process. The methodological basis of the article is dialectical, formal-logical methods, formal-legal method and method of interpretation of law.

Keywords: administrative process, administrative procedural legal relations, administrative procedural actions, legal facts, subjects of administrative process

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Spiridonov P. E. Administrative and Procedural Legal Relationships: Essence and Characteristics. *Siberian Law Review*. 2024;21(2):183-207. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-183-207>. EDN: <https://elibrary.ru/gijihf> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе административно-процессуальные правоотношения рассматриваются во взаимосвязи с такими правоотношениями административного типа, как: 1) правоотношения, складывающиеся при осуществлении публичного управления в отдельных отраслях и сфе-

рах социально-экономического развития Российской Федерации; 2) административно-деликтные правоотношения, поскольку административно-процессуальные правоотношения осуществляют их обеспечение. Однако, проводя анализ сущности административно-процессуальных правоотношений, следует обратить

внимание на одно из тонких замечаний по поводу учений о правоотношениях, высказанных Н. И. Матузовым: «Учение о правоотношении в его классическом виде разработано в основном цивилистической наукой. В этом ее несомненная заслуга. Однако те выводы и положения, которые она сформулировала, правильные для своей области, отражающие специфику гражданско-правовых отношений, не всегда могут быть использованы без соответствующих оговорок в общей теории права, а также других “негражданских” отраслях. Многие из цивилистической науки в готовом виде перенесены в общую теорию права и поэтому, когда она с привычными мерками начинает вторгаться в другие отрасли, возникают “узкие места”, затруднения. Неудивительно, что именно представители общей теории права выступают за более широкий подход к правоотношениям, поскольку узкоцивилистическая конструкция правоотношения не отражает всех видов правовых связей, существующих между участниками общественной жизни» [1, с. 25]. Полагаем, что следует согласиться с таким замечанием Н. И. Матузова, так как сложившаяся теория не всегда в полной мере учитывает особенности публично-правовых отраслей, особенно это касается административных отраслей права (административное, административно-деликтное, административно-процессуальное право). Тем не менее в начале рассмотрим сложившиеся теоретико-правовые взгляды на сущность правоотношений, а потом последовательно перейдем к административно-процессуальным правоотношениям.

В свое время Ю. Г. Ткаченко определяла общественное отношение как правоотношение тогда, когда осуществляется его функциональная характеристика, поскольку отсутствует какая-либо определенность, к какой сфере принадлежит конкретное общественное отношение. На его правовой характер указывает лишь

правовое воздействие, оказываемое в целях его упрочения, развития или вытеснения. Следовательно, правовой характер будет проявляться в четкости, определенной формализованности и организованности общественных отношений, которые были осуществлены с помощью права [2, с. 101]. Таким образом, государство посредством права стремится воздействовать на практическую сторону отношений, складывающихся между их участниками, направляя в нужное для него русло. При этом государство оставляет за собой право определять, насколько подробно должно быть урегулировано такое «общение» между участниками, т. е. какие действия должны быть совершены (может, они должны быть совершены в определенном порядке, в течение какого-то времени, с возможным вынесением официальных решений или без них и т. п.).

Л. С. Явич пришел к выводу, что правоотношение – это разновидность общественных отношений, которые по своей форме выступают в качестве индивидуально-правовой связи управомоченных и обязанных лиц, а по непосредственному содержанию оказываются взаимодействием этих лиц, реализующих свои субъективные права и выполняющих возложенные на них юридические обязанности [3, с. 212]. В связи с этим, по мнению Л. С. Явича, правоотношения: а) всегда носят волевой характер и относятся к области юридической надстройки над экономическим базисом; б) действия их субъектов осуществляются (должны осуществляться) в рамках субъективных прав и юридических обязанностей; в) возникают при наступлении соответствующих юридических фактов, в зависимости от которых они изменяются и прекращаются; г) являются особой формой проведения в жизнь того, что установлено в качестве возведенной в закон воли господствующих классов, формой реализации объективного и субъективного права.

В свою очередь динамизм правоотношений связан с деятельностью их субъектов, без которых невозможно существование правоотношений. Также правоотношения в силу своего социального содержания весьма чутко реагируют на все изменения в общественных отношениях [3, с. 212, 214]. Следует обратить внимание на указание о том, что правоотношение является юридической надстройкой экономического базиса, поскольку именно его изменение (изменение экономического строя) в Российской Федерации повлекло эволюцию правоотношений, возникающих в сфере публичного управления.

Ю. И. Гревцов рассматривал правоотношение как специфическую форму социального взаимодействия субъектов права в целях реализации законных интересов и достижения того, что предусмотрено законом или иным источником действующего права. Поэтому только в рамках этой разновидности общественных отношений субъекты права осуществляют свои правовые возможности, исполняют возложенные на них законом юридические обязанности [4, с. 58].

По мнению В. Н. Протасова, правоотношение – есть самостоятельное общественное отношение, субъектов которого связывают или ставят в правовую зависимость юридические права и обязанности и которое оказывает регулирующее воздействие на поведение людей отдельно или во взаимодействии с иной общественной структурой. В своем определении В. Н. Протасов исходит из положения, что право не регулирует общественные отношения – оно регулирует поведение. Делается это посредством внедрения правовых отношений в определенную сферу человеческой деятельности, что наполняет ее правовыми связями и зависимостями, где правовая структура действует наряду с иной социальной структурой, совместно влияя на поведение людей [5, с. 121, 140–141].

На взгляд С. И. Ушакова, правоотношение есть возникающая на основе норм права, индивидуализированная общественная связь между лицами, характеризующаяся наличием субъективных юридических прав и обязанностей и поддерживаемая (гарантируемая) принудительной силой государства. Специфическими признаками наиболее распространенных правоотношений являются следующие:

– связь между лицами, возникающая на основе норм права;

– связь между лицами, возникающая через их взаимные субъективные юридические права и обязанности. Особая юридическая связь между лицами всегда на базе материальных отношений и интересов существует именно потому, что данные лица являются носителями прав и обязанностей. Юридические нормы предоставляют одному лицу право, на другое же лицо возлагается обязанность, а могут предоставлять права и возлагать обязанности одновременно;

– возникающая на основе норм права связь между лицами, которая поддерживается принудительной силой государства;

– возникающая на основе норм права связь между лицами, которая в той или иной степени имеет индивидуализированный, конкретно-определенный характер;

– правоотношения, где индивидуализация выражается в строго определенной всеобщности прав и обязанностей, в том, что все лица являются носителями данных субъективных прав и обязанностей [6, с. 13–14].

По сути, С. И. Ушаков соглашается с С. С. Алексеевым, утверждая, что поведение обязанных лиц составляет единственно возможное содержание правоотношения, но не единственно возможный объект права [6, с. 25].

Специфической чертой процессуальных правоотношений, как полагал С. С. Алексеев, является их нахождение в непрерывном движении. На примере

уголовного и гражданского процессов С. С. Алексеев показывает на непрерывную цепь взаимозависимых процессуальных правоотношений, возникающих при рассмотрении, расследовании, разрешении соответствующих видов дел [7, с. 321–322].

Е. Г. Лукьянова полагает, что процессуальное правовое отношение представляет собой возникающую на основе норм процессуального права правовую связь субъектов процессуального права (связь субъективного права и юридической обязанности), взятую в единстве с их фактическим поведением. В таком случае, по мнению указанного автора, признаками процессуальных отношений будут:

а) функциональное назначение процессуальных отношений, которое состоит в применении охранительных материальных правовых норм;

б) правовая форма существования процессуальных правоотношений. Причиной возникновения процессуальных правоотношений служит необходимость законного и гарантированного разрешения правовой аномалии;

в) властный характер процессуальных правоотношений;

г) процессуальные правоотношения складываются ради «чужого» интереса, заложенного в материальном правоотношении;

д) наличие двойной юридической природы, поскольку процессуальные правоотношения опосредуют процесс реализации норм материального права и являются результатом реализации норм процессуального права;

е) возникновение преимущественно на основе юридических фактов-действий;

ж) процессуальные нормы регулируют «динамические» отношения;

з) процессуальные правоотношения «короче» материальных во времени [8, с. 204–212].

Отличительным признаком административно-процессуальных правоотношений как разновидности правоприменительных в публичной сфере является то, что одним из субъектов всегда будет орган публичного управления. Исходя из этого, данные отношения будут носить публично-властный характер. Такие органы публичного управления в административно-процессуальных правоотношениях выражают не свои субъективные права и обязанности, а, как властный субъект, интересы государства и общества, реализуемые через права и обязанности, предоставляемые соответствующему властному субъекту. Права и обязанности публично-властного субъекта являются составной частью его компетенции, установленной государством. Поэтому в административно-процессуальных правоотношениях такой субъект выступает не от себя, а от имени государства. Это касается как государственных органов, организаций, так и негосударственных. Например, если саморегулируемая организация реализует соответствующие контрольные полномочия, предоставленные ей государством, то она выступает от имени государства, а не от себя лично. Такое положение следует учитывать также и при реализации установленных принципов деятельности таких субъектов (например, принцип «корпоративности», на основе которого действует адвокатура). Так, в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Трунова Игоря Леонидовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 3 статьи 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»¹ отмечается, что особый правовой статус таких корпоративных образований, как адвокатские

¹ Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из СПС «Консультант-Плюс».

палаты субъектов Российской Федерации, предопределяет право федерального законодателя установить в законе принципы внутренней организации их деятельности, в том числе порядок формирования их органов, их структуру, порядок принятия ими решений, в том числе с учетом необходимости обеспечения баланса между государственно-властными и внутрикорпоративными началами регулирования деятельности адвокатских палат. Как справедливо отмечает С. И. Ушаков, публично-властный характер таких правоотношений будет проявляться:

– в праве органа публичной власти и управления выступать представителем государства, а также действовать непосредственно от его лица (имени);

– в праве принимать правоприменительные акты по одностороннему волеизъявлению такого субъекта;

– в обязательности правоприменительных актов для всех адресатов и тех лиц, деятельность которых так или иначе «соприкасается» с данными актами;

– в обеспечении принятых решений принудительной силой государства [6, с. 41].

Методологической основой работы явились диалектические, формально-логические методы, формально-юридический метод и метод толкования права.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Рассматривая содержание административно-процессуальных правоотношений, следует обратить внимание на характер и сущность административного процесса как правоприменительной деятельности.

По мнению В. М. Горшенева, правоприменительная деятельность представляет собой совокупность специфических организационных форм и средств, с помощью которых обеспечивается непрерыв-

ность процесса реализации нормативных правовых предписаний путем наделения одних участников отношений субъективными правами и возложения на других соответствующих юридических обязанностей или путем разбирательства (решения) вопросов о последствиях правовых споров и правонарушений [9, с. 166]. Раскрывая это понятие, В. М. Горшенев отмечает, что, с одной стороны, правоприменительная деятельность становится необходимой при обстоятельствах положительного характера, состоящих в том, что без соответствующих властных действий органов публичной власти и управления и их должностных лиц не могут возникнуть или измениться ряд субъективных прав и соответствующих юридических обязанностей – это образует правонаделительную функцию правоприменительной деятельности. С другой стороны, правоприменительная деятельность вызывается обстоятельствами негативного порядка, выражающимися в наличии либо реальной опасности правонарушения, либо прямого правонарушения – это правоохранительная функция. Основным назначением правонаделительной деятельности является создание благоприятных условий и обеспечение правовыми гарантиями осуществления определенных субъективных прав одними участниками отношений и исполнения обязанностей – другими. Результатом такой деятельности является издание правонаделительных актов. В отличие от правонаделительной деятельности правоохранительная связана с общественными отношениями, где обнаружено правонарушение или есть подозрение, что возник конфликт между субъектами. Поэтому она подразделяется В. М. Горшеневым на:

– надзорно-контрольную;

– деятельность по обеспечению исполнения норм права (правообеспечение);

– деятельность по разбирательству правовых споров и дел о правонарушениях;

– деятельность по исполнению (реализации) государственного принуждения [9, с. 167, 180–182].

В настоящее время не со всеми выводами В. М. Горшенева можно согласиться, но само выделение двух функций правоприменительной деятельности было достаточно дальновидным шагом, поскольку в современных условиях хорошо видна разница между понятиями «правоисполнительная» и «правонаделительная» деятельность. В то же время выделение четырех видов правоохранительной деятельности требует уточнения, так как правообеспечение (второй подвид) может, например, рассматриваться как применение мер процессуального принуждения в соответствующем виде юридического процесса, а деятельность по исполнению государственного принуждения (четвертый подвид) будет являться стадией юридического процесса (исключение, видимо, составляет уголовно-исполнительное право).

С. И. Ушаков утверждает, что для правоприменительных правоотношений характерно наличие двух групп субъектов: 1) участники этих отношений, которые непосредственно заинтересованы в исходе дела; 2) участники этих отношений, которые облечены полномочиями на разрешение дел, но не имеют личного интереса в споре или ином конкретном юридическом вопросе. При этом состав субъектов второй группы предопределен государственно-властным, односторонним характером применения права, поэтому ими могут быть только государственные органы и должностные лица, а также органы местного самоуправления [6, с. 44]. С такой позицией С. И. Ушакова применительно к административно-процессуальным правоотношениям нельзя согласиться, так как было уже отмечено, что характер публичного управления изменился, круг субъектов

тоже изменился, к ним добавились некоммерческие организации (как государственные, так и негосударственные), которые активно могут вступать в административно-процессуальные правоотношения в качестве органов, рассматривающих административные дела. Например, в соответствии с п. 1 ст. 9 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» саморегулируемая организация осуществляет контроль за ведением членами саморегулируемой организации предпринимательской или профессиональной деятельности посредством проведения плановых и внеплановых проверок².

Авторы «Теории юридического процесса» рассматривают содержание процессуального правоотношения как специфическую социальную связь, которая характеризуется наличием у ее участников корреспондирующих друг другу субъективных прав и обязанностей, полномочий и ответственности [10, с. 97], где субъективные права – вид и мера возможного поведения управомоченного лица в конкретном правоотношении [7, с. 298]. Полагаем, что включение в содержание процессуального правоотношения полномочий и ответственности является излишним. При пристальном изучении понятия «полномочия» можно увидеть, что понятия «права» и «обязанности» будут охватывать его, так как в этом случае будет идти речь о процессуальных правах и обязанностях органов, должностных лиц, выносящих административно-процессуальные решения. Что касается понятия «ответственность», то необходимо отметить, что автор является противником введения в юридический оборот института «процессуальной ответственности», полагая, что он относится полностью к материальному праву.

Однако можно согласиться с позицией С. И. Ушакова о том, что юридическое

² Контроль, осуществляемый саморегулируемой организацией за профессиональной деятельностью своих членов, следует отнести к понятию «публичный контроль», разновидностями которого также являются государственный и муниципальный контроль (надзор).

содержание правоприменительных отношений образуют следующие корреспондирующие друг другу права и обязанности их субъектов: право компетентного органа разрешить дело и обязанность заинтересованных в деле лиц выполнить принятое решение. В свою очередь правоприменитель обязан разрешить дело в соответствии с законом и с учетом обстоятельств ситуации, а другая сторона вправе потребовать от него таких действий [6, с. 44]. В связи с этим предположим, что содержанием административно-процессуальных правоотношений будут соответствующие административно-процессуальные взаимные и корреспондирующие права и обязанности субъектов административно-процессуальных правоотношений; обязанность органа публичного управления (его должностного лица) разрешить административное дело; обязанность участников, которым адресовано соответствующее административно-процессуальное решение, его исполнить.

В основе административно-процессуальной деятельности как вида юридической деятельности лежит совершение административно-процессуальных действий, а не процедур, как предполагают многие процессуалисты.

Попытаемся обосновать данную позицию.

Следует учитывать, что лексические значения слов «процесс», «производство», «процедура» имеют не только определенную разницу, но и изменялись с течением времени.

В первую очередь проанализируем понятие «процедура». Во второй половине

ХІХ в. под процедурой понималось «всякое длительное, последовательное дело, порядок, обряд»³. Согласно Словарю иностранных слов 1954 г. процедура – порядок рассмотрения, обсуждения, выполнения ряда последовательных мероприятий, действий в каком-либо сложном деле (например, судебная процедура)⁴. В 1984 г. под рассматриваемым понятием уже понимался официально установленный порядок действий при обсуждении, ведении какого-либо дела (судебная процедура)⁵; установленный порядок ведения, рассмотрения какого-либо дела⁶. Другие словари и энциклопедии в 2007–2011 гг. приводили следующие определения:

– официально установленный, предусмотренный правилами способ и порядок действий при осуществлении, ведении дел;

– составная часть операции, процесса⁷.

Таким образом, сначала процедура рассматривалась как порядок совершения действий либо рассмотрение дела, потом к этому значению добавился новый признак – установленный или официально установленный, а в некоторых словарях процедуру рассматривают как часть процесса. В любом случае можно сделать вывод о том, что процедура – определенный порядок совершения действий (установленный или официально установленный).

Теперь рассмотрим термин «производство». Производство – осуществление, совершение определенного действия⁸. Оно отражает действие по значению глагола «произвести» и может означать:

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1956. Т. 3. С. 526.

⁴ Словарь иностранных слов. М. : Изд-во иностр. и нац. слов., 1954. С. 575.

⁵ Словарь иностранных слов. М. : Рус. яз., 1984. С. 407.

⁶ Советский энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1984.

⁷ Словарь иностранных слов. М. : Рус. яз. – Медиа, 2007. С. 547 ; Барихин А. Б. Большая юридическая энциклопедия. М. : Книж. мир, 2010. С. 696 ; Булыко А. И. Большой словарь иностранных слов. М. : Мартин, 2011, С. 474.

⁸ Большой универсальный словарь русского языка. М. : Словари XXI века : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. С. 937.

1) совершить, сделать, выполнить⁹; 2) сделать так, чтобы что-либо состоялось (произвести расследование, следствие, осмотр, досмотр и т. д.)¹⁰. При этом, согласно Советскому энциклопедическому словарю, производство – процесс создания материальных благ¹¹. В Большой Российской энциклопедии производство понимается как процесс создания человеческим трудом благ для непосредственного (предметы конечного потребления) и опосредованного (средства производства) удовлетворения человеческих потребностей. Производство имеет две взаимосвязанные стороны: активное отношение людей к природе, выражаемое в преобразовании ее материалов с помощью технологии; и взаимоотношения людей, их обмен деятельностью¹². Обращаем внимание на вторую сторону производства – взаимоотношение людей, их обмен деятельностью, так как именно эта сторона имеет значение для юридического процесса.

Процесс. В Словаре иностранных слов 1954 г. процесс определялся как: 1) последовательная смена состояний, тесная связь закономерно следующая друг за другом стадий развития, представляющих непрерывное единое движение; 2) судебное дело; порядок осуществления деятельности следственных, прокурорских и судебных органов¹³. В Словаре иностранных слов 1984 г. процесс толковался следующим образом: 1) ход какого-либо явления, последовательная смена состояний, стадий, развития и т. п.; 2) совокупность последовательных действий для достижения какого-либо результата; 3) судебное дело; порядок осуществления деятельности следственных, административных и судебных органов¹⁴. По мнению

А. И. Булько, процесс – это: 1) последовательная смена состояний, стадий в развитии чего-либо; ход, развитие какого-либо явления; 2) совокупность последовательных действий, направленных на достижение результата; 3) судебное дело, разбор судебного дела¹⁵. Фактически упомянутый автор словаря взял за основу Словарь иностранных слов 1954 г.

На основании анализа приведенных определений процедуры, производства и процесса можно сделать вывод, что эти понятия все-таки нельзя отождествлять. В первую очередь процесс определяется не только как совокупность последовательных действий, но и как смена состояний. Если эти положения применить к понятию «административный процесс», то это будет означать, что в административном процессе «смена состояний» осуществляется посредством стадий, т. е. административный процесс – это совокупность не просто последовательных действий, а административно-процессуальных действий, которые складываются в процессуальные стадии и для которых характерны свои задачи, а также конечная цель.

В свою очередь для административной процедуры, как мы видим из ее лексического значения, смена состояний не свойственна, т. е. это просто совокупность определенных административно-процессуальных действий.

Термин «производство», полагаем, будет по своему значению ближе к административному процессу, чем к административной процедуре. Если исходить из того, что «производство имеет две взаимосвязанные стороны – активное отношение людей к природе, выражаемое в преобразовании ее материалов с помощью

⁹ Толковый словарь русского языка. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. С. 936.

¹⁰ Большой универсальный словарь русского языка ... С. 936.

¹¹ Советский энциклопедический словарь ... С. 1063.

¹² Большая Российская энциклопедия : в 35 т. М. : Большая Рос. энцикл., 2014. Т. 27. С. 567.

¹³ Словарь иностранных слов. М. : Изд-во иностр. и нац. слов., 1954. С. 575.

¹⁴ Словарь иностранных слов. М. : Рус. яз., 1984. С. 407.

¹⁵ Булько А. И. Указ. соч. С. 474.

технологии, и взаимоотношения людей, их обмен деятельностью», то это может означать, что «технология» – «юридический процесс» (административный процесс), посредством которого взаимодействуют люди, должностные лица – участники процесса. При этом административное производство будет частью административного процесса.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что в основе любой правоприменительной деятельности лежит совершение юридически значимых действий, в результате которых наступают юридические последствия. Юридический процесс не является исключением, поэтому когда В. Н. Протасов рассматривает юридический процесс через призму процедуры, то, полагая, что здесь присутствует определенное заблуждение [11, с. 30–31]. Процедура не может быть положена в основу юридического процесса. Она сама состоит из действий. Отсюда деление процедуры на материальную и процессуальную может быть тоже ошибкой. Если юридические действия направлены на разрешение юридического дела, то должны быть соблюдены определенные сроки, по результатам составлены процессуальные документы. Тогда такие действия носят процессуальный характер и будут урегулированы процессуальными нормами. Если этого нет, такие действия процессуального характера не носят, но остаются юридическими. В связи с этим можно выделить действия административные и административно-процессуальные. Например, к административным действиям будет относиться применение специальных средств сотрудником полиции, а к административно-процессуальным – принятие уполномоченным лицом документов для предоставления государственной услуги.

Основаниями возникновения административно-процессуальных правоотношений могут выступать следующие юридические факты:

- совершение административных делитков (административных правонарушений, дисциплинарных проступков);
- совершение действий, направленных на разработку планов деятельности (например, закупочной, контрольной и т. п.);
- наличие повода и основания проведения внеплановой проверки;
- обращение гражданина (организации) за предоставлением государственной услуги в связи с необходимостью реализации имеющегося права или возникшей обязанности;
- совершение деяния, влекущего применение мер профилактики в процессуальном порядке;
- совершение позитивного деяния, влекущего публичное признание заслуг гражданина, государственного служащего.

Ряд авторов отмечали, что в процессуальных правоотношениях, как правило, юридические факты в единственном числе не имеют юридической силы и выступают в виде фактического (юридического) состава как органической совокупности нескольких жизненных обстоятельств, предусмотренных нормами права. В указанный юридический состав входят: соответствующее материальное правоотношение; юридически значимые процессуальные действия; юридические события; юридические состояния; процессуальные акты-документы [10, с. 104, 108]¹⁶.

Особенностью административно-процессуальных правоотношений являются не только основания их возникновения, но содержание и субъекты. Так, основанием возникновения административно-процессуальных правоотношений

¹⁶ Под юридическим состоянием авторы «Теории юридического процесса» понимают качество субъекта права, приобретенное им в силу рождения или производное от какого-либо действия (например, гражданство, брак, стаж, национальность и т. п.)

будут юридические факты, связанные с обращениями граждан, организаций в органы публичной власти и управления. Такие обращения могут быть связаны как с необходимостью удовлетворения прав граждан, так и исполнением ими своих обязанностей. В настоящее время практически любое такое обращение в орган публичного управления требует процессуального разрешения. Помимо так называемых «позитивных» юридических фактов, основаниями возникновения административно-процессуальных правоотношений являются также действия, связанные с выявлением фактов, информированием о совершении административных деликтов. Обращаем внимание, что юридическим фактом служит не само совершение административного деликта, поскольку в момент его совершения он может быть не выявлен или сам факт сообщения о таком правонарушении не подтвержден (т. е. событие административного деликта может отсутствовать). Это же относится и к обращениям граждан, поскольку получение, например, государственной услуги зависит от того, будет ли установлено должностным лицом наличие соответствующего права или обязанности, дающих основание для получения такой услуги. В то же время административно-процессуальные правоотношения возникают с момента обращения гражданина (организации), выявления факта совершения административного деликта, поскольку в этом случае необходимо совершить действия, направленные на установление соответствующих фактов, сбор доказательств, принятие решений и т. п.

Предметом административного дела выступают обстоятельства, имеющие административно-правовой или административно-деликтный характер. Посредством административно-процессуальных правоотношений создаются условия для реализации таких материальных правоотношений. Это будет вы-

ражаться, например, в предоставлении государственной услуги или привлечении к административной, административно-дисциплинарной ответственности. В связи с этим необходимо согласиться с точкой зрения С. И. Ушакова, что устанавливаемое, конкретизируемое в ходе правоприменительной деятельности материально-правовое отношение остается вместе с тем неизменным, постоянным фактом, с которым связано дальнейшее движение отношений по применению права. Такое материальное правоотношение выступает в качестве определяющего и генерирующего обстоятельства для различных административно-процессуальных фактов, в сочетании с которыми дает импульс последующему развитию правоприменительного отношения [6, с. 42–43].

Чтобы стать участником административно-процессуального правоотношения, как справедливо указывает В. Н. Протасов, субъект права должен обладать исходными общественно-юридическими качествами, которые устанавливаются соответствующими нормами об административно-процессуальной правосубъектности. Указанные нормы определяют свойства, которыми должен обладать субъект административно-процессуального правоотношения [5, с. 54]. Исходя из этого, следует сделать вывод, что любой субъект права становится субъектом административно-процессуальных правоотношений тогда, когда приобретает те или иные юридические свойства (в первую очередь), административно-процессуальные права и обязанности. При этом данный субъект права может быть одновременно и субъектом других правоотношений.

ОСОБЕННОСТИ

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Анализируя соотношение государственного управления и административного процесса, профессор В. Д. Сорокин отмечал, что управленческая деятельность

имеет определенное содержание, которое заключается в практическом руководстве хозяйственным, социально-культурным и административно-политическим строительством, а отдельные части этого содержания как раз и составляют функции государственного управления [12, с. 66]. Общность административного процесса и государственного управления, по мнению В. Д. Сорокина, проявляется в тождестве сферы деятельности, поскольку и административный процесс, и управленческая деятельность государства реализуются одной и той же системой органов. Выполняя управленческие функции, исполнительные и распорядительные органы государственной власти реализуют и процессуальную деятельность. Однако это не означает, что участниками административно-процессуальных правоотношений являются только субъекты, обладающие исполнительно-распорядительными полномочиями. В подобного рода отношениях также участвуют, например, суды, судьи, прокуроры и т. д. В. Д. Сорокин также писал, что участие в административно-процессуальной деятельности судов, судей, прокуроров и некоторых иных субъектов вовсе не означает реализацию ими исполнительно-распорядительных полномочий, так как в этом случае необходимо говорить об осуществлении в сфере государственного управления полномочий специального характера. Указанные субъекты участвуют в административном процессе в качестве «вторых» инстанций, рассматривая жалобы и заявления граждан, и лишь в строго определенных случаях выполняют первичные административно-процессуальные действия [12, с. 87–88]. Административный процесс, по мнению В. Д. Сорокина, состоит из двух элементов, регулируемых административно-процессуальными нормами: 1) деятельность органов государственного управления по разрешению индивидуально-конкретных дел; 2) отношений,

возникающих в процессе этой деятельности. Поэтому административный процесс им понимался как порядок разрешения индивидуально-конкретных дел в сфере государственного управления исполнительными и распорядительными органами государственной власти, а в предусмотренных законом случаях – и другими государственными и общественными органами, а также как деятельность, в ходе осуществления которой возникают общественные отношения, регулируемые нормами административно-процессуального права [12, с. 93, 96]. При этом В. Д. Сорокин также указывал на то, что административный процесс как юридическая категория охватывает не все государственное управление, а только правовые виды управленческой деятельности, к которым он отнес принятие нормативных актов государственного управления и применение права [13, с. 114].

Как известно, Н. Г. Салищева в своей монографии высказала иную точку зрения на предмет административного процесса, отметив, что «административный процесс представляет собой особый вид исполнительской и распорядительской деятельности, связанной непосредственно с возможностью реализации в принудительном порядке соответствующих административно-правовых актов, определяющих права и обязанности участников материального административного отношения» [14, с. 11]. Таким образом, как отмечала тогда Н. Г. Салищева, она дала ограничительное толкование административному процессу. В последующим, как справедливо в своей работе указала М. А. Штатина, взгляды Н. Г. Салищевой изменились [15]. В частности, в одной из своих последних работ Надежда Георгиевна рассматривала административный процесс в двух основных аспектах:

«– как правоприменительную деятельность уполномоченных органов публичной власти, урегулированную

административно-процессуальными нормами в сфере административных и некоторых других публичных материальных правоотношений;

– как совокупность административно-процессуальных норм, регламентирующих общественные отношения, связанные с определением задач и принципов административного процесса, его видов, с регулированием конкретных производств в рамках каждого из видов этого процесса в целях реализации материальных норм административного права и норм других отраслей публичного права, а также в целях обеспечения законности в деятельности органов публичной власти»¹⁷.

В свою очередь В. Д. Сорокин выделял следующие особенности административно-процессуальных правоотношений:

1) управленческий характер, так как они возникают в сфере советского государственного управления. Административно-процессуальные правоотношения тесно связаны с непосредственной практической реализацией функций государства, повседневной организацией его хозяйственной, социально-культурной и административно-политической жизни. Указанная особенность позволяет разграничить административно-процессуальные правоотношения от других (кроме административно-правовых);

2) процессуальный характер таких правоотношений [16, с. 238].

Однако полагаем, что перечисленные качества не являются особенностями административно-процессуальных правоотношений. Например, первое качество – управленческий характер. Данное качество необходимо рассмотреть в двух значениях:

а) как управленческое, властное воздействие одного участника общественно-государственного отношения на другого. В таком случае следует отметить, что все виды процессуальных правоотношений могут носить

управленческий характер – и уголовно-процессуальные, и гражданские процессуальные, и арбитражные процессуальные (например, в соответствии с подп. 4 п. 2 ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следователь уполномочен давать органам дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производства отдельных следственных действий или согласно п. 2 ст. 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд осуществляет руководство процессом, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств и т. п.).

б) как связь с практической реализацией функций государства, повседневной организацией его хозяйственной, социально-культурной и административно-политической жизни.

При этом В. Д. Сорокин отмечал, что, если материальные и процессуальные нормы регулируют отношения, складывающиеся в сфере государственного управления, то область регулирующего воздействия не может отличаться от области, в которой проявляется действие материальных административно-правовых норм, поскольку это обусловлено служебным назначением административно-процессуальных норм, которые обеспечивают реализацию административно-правовых норм [16, с. 239]. С таким утверждением профессора В. Д. Сорокина также нельзя согласиться в полной мере. Если материальные административные правоотношения складываются в сфере публичного (государственного) управления, то административные процессуальные правоотношения возникают не просто в сфере публичного управления, а по его поводу, так как они обеспечивают реализацию административно-правовых норм в процессуальном порядке. Но это происходит

¹⁷ Салищева Н. Г. Понятие административного процесса // Административный процесс : учеб. / под ред. М. А. Шатиной. М. : Юрайт, 2014. С. 21–22.

не всегда, а лишь в тех случаях, когда есть необходимость обеспечения сохранности прав и свобод граждан, интересов организаций при реализации ими своих прав и обязанностей при осуществлении органами публичной власти и управления своих властных полномочий на всех стадиях рассмотрения соответствующего административного дела. При этом В. Д. Сорокин справедливо отмечает, что применение административно-процессуальных норм происходит там, где у органа публичного управления возникает необходимость разрешить индивидуальное дело, урегулировать конкретное отношение управленческого характера [16, с. 239].

Теоретическая позиция В. А. Лории об административном процессе несколько отличалась от взглядов В. Д. Сорокина, поскольку В. А. Лория полагал, что включение в сферу административного процесса всех организационных процедур, имеющих место в государственном управлении (например, процедура принятия нормативных правовых актов управления, формирования органов управления, проведения организационных мероприятий, технических операций), лишает административный процесс процессуального содержания, так как не связывается с понятием индивидуального дела, а также его целью является правоприменение, а не правотворчество [17, с. 20]. В определенной степени позицию В. А. Лории следует признать более взвешенной по причине того, что разрешение управленческого дела не всегда требует административно-процессуальной регламентации, поэтому необходимо согласиться с тем, что, например, отнесение производства по подготовке, принятию и изданию нормативных правовых актов к административному процессу является спорным. Действительно, данный вид административного производства сильно отличается от всех других административных производств и по целям, и по стадиям, и по ви-

дам решений, принимаемых в рамках указанного вида процессуальной деятельности. При этом, несомненно, он имеет процессуальный характер, но вместе с законотворческим процессом должен быть объединен в нормотворческом процессе, нежели быть включенным в систему административного процесса.

Что касается процессуального характера организационных процедур, мероприятий, то эта проблема в современных условиях не так однозначна, как это кажется. Дело в том, что «процессуализация» тех или иных правоотношений зависит в первую очередь от позиции законодателя, а также от уровней развития соответствующего вида правоотношений и правовой защиты его субъектов. Хорошим примером являются различные действия, направленные на материально-техническое обеспечение органов публичной власти и управления, которые были преобразованы в административное производство по размещению государственных контрактов, а его процессуальный характер был установлен еще в 2005 г. Федеральным законом «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (в настоящее время указанный вид административного производства регулируется, в частности, федеральными законами «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», «О государственном оборонном заказе»).

В. Д. Сорокин в ходе своих рассуждений о сущности административно-процессуальных правоотношений сделал вывод о том, что при разрешении индивидуально-конкретных дел в сфере государственного управления между различными субъектами возникают отношения, регулируемые нормами административно-процессуального права, т. е. отношения административно-процессуальные, в ко-

торых органически соединяются два фактора: их управленческая сущность и возникновение в ходе разрешения индивидуально-конкретных дел в сфере государственного управления [16, с. 241]. Мы уже отмечали, что управленческая сущность свойственна всем видам юридических процессов, поэтому предположим, что сущность административно-процессуальных правоотношений вытекает не только из-за их управленческого характера, но и из-за сущностной характеристики дела, которое возбуждается в рамках административно-процессуальных правоотношений. В свою очередь характер дела определяется функциями, которые реализуются в процессе управленческой деятельности субъекта публичного управления, а также позицией государства по поводу того, что такое дело должно быть рассмотрено в предусмотренном законодательством порядке (так, уголовно-процессуальный порядок также вытекает из особенностей публичного управления государства, но для него характерно то, что процессуальные правоотношения возникают в связи с возбуждением, расследованием и судебным рассмотрением уголовного дела).

Следует учитывать, что материальная норма устанавливает субъективные права и обязанности участников в соответствующей сфере публичного управления. Необходимость в административно-процессуальных нормах возникает тогда, когда органам публичной власти и управления важно урегулировать порядок реализации этих прав и обязанностей с четким установлением процессуальных действий, стадий, сроков и видов решений. Не все права и обязанности требуют процессуальной реализации (например, использование и применение оружия сотрудником правоохранительного органа не требует процессуальной регламентации. Если же данные действия процессуально урегулировать, то такое применение

не будет эффективным). Юридические факты, порождающие административно-процессуальные правоотношения, могут отличаться от фактов, порождающих материальные правоотношения, поскольку юридическими фактами могут быть вынесенные соответствующим субъектом административно-процессуальные решения. Очень часто само установление материальной нормой субъективного права или юридической обязанности еще не порождает административно-процессуального правоотношения. Для этого будущий участник административно-процессуальных правоотношений должен совершить соответствующие действия (например, подать заявление в МФЦ для получения государственной услуги, составить протокол о применении меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении и т. п.).

Интересную позицию о юридическом и административном процессах высказал Р. С. Мишко. С одной стороны, он полагает, что юридический процесс – это форма существования судопроизводства как средства осуществления судебной власти, выраженная в строго урегулированной нормой процессуального права последовательной деятельности его субъектов в целях разрешения споров, вытекающих из материально-правовых норм, а также совокупности правоотношений, которые возникают, существуют и прекращаются на основе и в связи с этой деятельностью [18, с. 96]. Можно констатировать, что Р. С. Мишко рассматривает юридический процесс как судопроизводственный. Однако в главе, посвященной административному процессу, его позиция претерпела изменение. В частности, им отмечается: «Административный процесс – это самостоятельный вид правоприменительного процесса, представляющий собой властную правоприменительную деятельность только органов публичной администрации (ее должностных лиц) по разрешению подведомственных

им текущих административных дел, а административное судопроизводство – это вид судебного процесса, представляющий собой властную правоприменительную деятельность судов по рассмотрению возбужденных ими дел, возникших на основе и в связи с возбуждением либо частичным или полным разрешением административно-публичными органами текущих административных дел» [18, с. 145]. Из приведенных определений видна непоследовательность автора при рассмотрении административного процесса.

В. Д. Сорокин, анализируя отличия административно-процессуальных правоотношений от административных правоотношений, указывал следующее.

1. Административно-процессуальные правоотношения возникают только при наличии одновременно материальных и процессуальных административно-правовых норм, а отсутствие материальной нормы делает административно-процессуальное правоотношение беспредметным; если нет процессуальной нормы, то одноименное отношение вообще не возникает.

«Вторичный характер административно-процессуального правоотношения проявляется в том, что оно предполагает предварительное существование определенного, так сказать, первичного материального правоотношения, которое и реализуется через процессуальное правоотношение» [16, с. 242]. Конечно, материальная норма, устанавливающая права и обязанности участников правоотношений, служит первопричиной возникновения процессуальных правоотношений. Однако, если внимательно проанализировать соотношения материальных и административно-процессуальных правоотношений, то вопрос о том, что «первично», а что «вторично», покажется не столь однозначным. Попытаемся проиллюстрировать на нескольких примерах.

Так, если гражданин совершает административное правонарушение, предусмотренное

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, то возникает два вида правоотношений:

1) административное правоотношение возникает в связи с совершением деяния, запрещенного законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях (в виде действия или бездействия). Необходимо обратить внимание на то, что само совершение административного правонарушения не всегда влечет привлечение к административной ответственности, поскольку, например, факт совершения административного правонарушения может быть не выявлен уполномоченными юрисдикционными органами (их должностными лицами);

2) второй вид административного правоотношения будет связан непосредственно с привлечением к административной ответственности и определением для правонарушителя административного наказания.

Правда, для того, чтобы первый вид рассматриваемого административного правоотношения повлек возникновение второго, должны возникнуть административно-процессуальные правоотношения, которые будут являться связующим звеном между ними. В рассматриваемом примере одно материальное правоотношение будет предшествовать процессуальному, но второй вид не сможет возникнуть без административно-процессуального правоотношения.

А могут ли возникнуть административно-процессуальные правоотношения без материальной нормы? Полагаем, что могут, но это будет, скорее, исключительный случай. Например, возбуждение дела об административном правонарушении и последующее его прекращение в связи с отсутствием состава административного правонарушения (т. е. совершены действия, не запрещенные законодательством об административных правонарушениях,

а само производство начато и административно-процессуальные правоотношения возникли).

Теперь рассмотрим другой пример – получение организацией лицензии, т. е. организация решила заняться видом деятельности, на которую необходимо получить соответствующую лицензию. Установление материальной нормой обязанности получения соответствующей лицензии, права на получение лицензии еще не влечет возникновения материальных правоотношений. Чтобы они возникли, в качестве соискателя лицензии организация должна сначала вступить в административно-процессуальные правоотношения, в результате которых в дальнейшем могут возникнуть материальные правоотношения. Следует также отметить, что такие материальные правоотношения могут быть не только публично-правовыми, но и частными правовыми (например, установление права собственности на недвижимое имущество). Из приведенного примера следует, что материальным правоотношениям будут предшествовать административно-процессуальные.

Полагаем, что совсем не следует обсуждать вопрос о первичности и (или) вторичности материальных, процессуальных правоотношений относительно друг друга. Нет необходимости вести речь о производности административно-процессуальных правоотношений от материальных, поскольку процессуальные нормы вполне самостоятельны. Однако административно-процессуальные нормы, а, следовательно, и административно-процессуальные правоотношения, носят обеспечительный характер. Дело в том, что посредством административно-процессуальных правоотношений достигаются цели, решаются задачи, стоящие перед материальными и процессуальными нормами. Например, гражданину предоставляется возможность получения права на управление транспортным средством,

он прошел специальное обучение, но этого недостаточно, поэтому государство устанавливает особую процедуру (имеющую процессуальный характер) для достижения цели по удостоверению такого права гражданина. Само наличие возможности предоставления такого права не гарантируют его получения. В таком случае административно-процессуальные правоотношения обеспечивают эту возможность. Такая же ситуация будет возникать и при привлечении к административной ответственности, т. е. само определение административно-правовой нормой, какие деяния являются административными правонарушениями, а также видов административных наказаний еще не означает возможности привлечения к административной ответственности, обеспечения прав и законных интересов лиц, привлекаемых к ней, поэтому необходимо установить процессуальный порядок, который выразился в производстве по делам об административных правонарушениях.

Соответствующие цели и задачи могут стоять и в административно-процессуальных правоотношениях. Например, одной из задач стадии возбуждения административного дела может быть установление соответствующих обстоятельств дела для того, чтобы принять решение либо о передаче дела на рассмотрение, либо на прекращение производства по делу (поскольку такие обстоятельства не установлены).

Исходя из вышесказанного, необходимо сделать вывод о взаимосвязанном и взаимозависимом характере административно-процессуальных и соответствующих материальных правоотношений, а не только об обеспечительном значении административно-процессуальных правоотношений, как об этом говорят (говорили) представители административно-процессуальной [16, с. 245], процессуальной науки [8, с. 204].

2. По мнению В. Д. Сорокина, материальные нормы административного права

регулируют статичные отношения, а процессуальные нормы регулируют отношения динамические, для которых особое значение имеют действия их субъектов. Такие действия участников административно-процессуальных правоотношений осуществляются в определенной последовательности и обуславливают стадийность развития правоотношения.

С такой позицией В. Д. Сорокина в полной мере нельзя согласиться, так как не все административные правоотношения имеют статичный характер. В качестве примера можно привести правоотношения, связанные с применением ряда мер административного принуждения (например, применение мер понуждения в соответствии с Федеральным законом «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации»).

Дело в том, что позиция В. Д. Сорокина в современных условиях нуждается в совершенствовании, так как в настоящее время материальные и процессуальные правоотношения (как административные, так и ряда других отраслей права) взаимообусловлены. В некоторых случаях административно-процессуальные правоотношения не могут возникнуть без административно-правовых, а в ряде случаев материальные правоотношения не могут возникнуть без административно-процессуальных. Также нельзя утверждать, что материальные правоотношения носят только статичный характер. Заключение гражданско-правового договора – это не статичное правоотношение, совершение преступления – тоже. Но нельзя согласиться и с позицией П. П. Серкова о динамичном характере правоотношения как разновидности социального отношения [19, с. 94], поскольку правоотношение, скорее, носит смешанный характер, т. е. оно может быть как динамичным, так и статичным.

В то же время следует согласиться с мнением В. Н. Протасова о том, что правоотношение как система может как функционировать, так и дисфункционировать, где динамическое функционирование представляет собой один из аспектов динамики правоотношения в целом, которая охватывает возникновение правоотношения и все изменения, происходящие с его элементами, вплоть до прекращения [5, с. 61]¹⁸. При этом В. Н. Протасов отмечает, что развитие системы есть изменение ее качества, т. е. внутренний механизм развивается таким образом, что в процессе его функционирования меняется состав системы или отношения между ее элементами, либо и то, и другое. Соответственно изменения в составе приводят к изменению структуры, а все это ведет к изменению цели системы, поэтому система полностью перерождается. В связи с этим, по мнению В. Н. Протасова, правоотношение в своем развитии будет проходить несколько стадий, в пределах которых происходит количественное накопление структурных изменений, которые перерастают в качественные, что влечет преобразование цели правоотношения и переход его в новую стадию. Именно это, как полагает В. Н. Протасов, в первую очередь, свойственно для процессуальных правоотношений [5, с. 62].

Действительно, динамизм системы будет выражаться в последовательной смене этапов, стадий, фаз движения системы. В рамках структуры системы могут протекать количественные изменения, которые подготавливают основу для качественных изменений [20, с. 122]. Как это может отразиться на правоотношениях? Скорее, качественное изменение правоотношений будет выражаться в случае, если меняется их тип, вид. В частности, административное правоотношение становится административно-процессуальным, и, наоборот, административно-процессуальное

¹⁸ Под функционированием В. Н. Протасов понимает поведение субъектов.

правоотношение изменяется в административно-правовое. Например, 50 лет назад порядок предоставления государственным органом справки гражданину не был подробно урегулирован, но возникла потребность защитить гражданина от «произвола» должностных лиц государственных органов, снизить степень усмотрения при вынесении решения должностным лицом и т. п. В этих целях были приняты Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», административные регламенты государственных органов и порядок выдачи такой справки изменился – он стал иметь процессуальный характер, и правоотношения стали административно-процессуальными. Если же в своих рассуждениях В. Н. Протасов имел в виду эволюцию и развитие процессуальных правоотношений вообще, то, действительно, возможно изменение качественной специфики процессуальных правоотношений. Сравним административно-процессуальные правоотношения 70–80-х гг. и современные. В этом случае изменение качественной специфики налицо, поскольку изменились экономический, политический строй, изменились законодательство, юридическая теория, но поменялась и качественная специфика административно-процессуальных правоотношений. Если же брать конкретное административно-процессуальное правоотношение, возникшее в связи с возбуждением, рассмотрением административного дела, то здесь возникают вопросы, поскольку цель административного дела не меняется, потому что ею является – вынесение итогового административно-процессуального решения на основании и в точном соответствии с действующим законодательством. При этом задачи, в зависимости от стадии, меняются, но при этом они являются постоянными для конкретной стадии соответствующего вида административного

производства. Изменение количественного и качественного состава участников административного производства также не могут поменять качественную характеристику развития административного дела в соответствующем административном производстве, но при этом, конечно, сохраняется «уникальность» конкретного административного дела. Как справедливо отмечали авторы «Теории юридического процесса», порядок решения задач в каждой стадии обладает известной спецификой, обусловленной особым местом отдельной стадии в общей системе стадий и характером разрешаемых здесь задач [10, с. 144].

Полагаем, что статичное правоотношение может служить основанием возникновения правоотношений динамического характера. Например, Конституция Российской Федерации и ряд федеральных законов устанавливают систему органов публичной власти и управления в Российской Федерации, Президент Российской Федерации своим указом устанавливает систему федеральных органов исполнительной власти. Этими нормативными правовыми актами, фактически, создается определенная модель управления государством. Таким образом, возникает статичное правоотношение. Но чтобы система стала функционировать необходимо предпринять на основании существующих нормативных правовых актов еще много юридических действий – возникают динамические правоотношения. Такое смешение динамики и статики, скорее, характерно для материальных правоотношений: в первую очередь – для административно-правовых, во вторую – для административно-деликтных. Административно-процессуальные правоотношения носят динамический характер, так как связаны с деятельностью участников правоотношений.

В. Д. Сорокин полагал, что для административно-процессуальных правоотношений свойственна более сложная

структура, которая выражается в наличии нескольких субъектов, у которых разный административно-процессуальный статус. При этом круг участников будет достаточно широким, так как к ним будут относиться все участники административных правоотношений, а также субъекты, которые в них не участвуют. Исходя из этого, выделялось основное процессуальное отношение и отношения, которые возникают в связи с основным и являются попутными, вспомогательными [16, с. 244, 245].

Таким образом, В. Д. Сорокин под административно-процессуальным правоотношением понимал такие регулируемые правом отношения, которые складываются по поводу разрешения индивидуально-конкретных дел в сфере государственного управления исполнительными органами государственной власти Российской Федерации, а в предусмотренных законом случаях иными государственными органами [16, с. 245]. Недостатком такого определения является то, что, с одной стороны, оно охватывает большую группу правоотношений, которые возникают в процессе деятельности исполнительно-распорядительных органов государственной власти, поэтому могут «пересекаться» с материальными правоотношениями, а, с другой, — оно отражает только одну стадию административного процесса и исключает такие стадии, как возбуждение, исполнение решения, его обжалование, т. е. не понятно на остальных стадиях возникают процессуальные правоотношения или нет, особенно это касается, например, начальной стадии.

Данная стадия периодически вызывает вопросы среды процессуалистов. Так, стадию возбуждения административного дела, установления его обстоятельств В. Н. Протасов и Е. Г. Лукьянова относят к так называемому предпроцессу. По мнению В. Н. Протасова, предпроцесс отличается от основного процесса своей целью: установить достаточность оснований для возникновения основного процесса

[11, с. 101]. Е. Г. Лукьянова, соглашаясь с позицией В. Н. Протасова, высказывает ряд уточнений. В частности, целью предпроцесса будет являться, с одной стороны, установление существования охранительного правоотношения, а также его последующая реализация, с другой — установление достаточности оснований не только для возникновения, но и для развития основного процесса; или создания условий для реализации норм процессуального права путем установления оснований возникновения, изменения и прекращения процессуальных правоотношений [8, с. 163]. Фактически, можно сделать вывод, что данные ученые отказывают стадии возбуждения административного дела или предпроцессу в ее (его) процессуальности, несмотря на то что именно на этой стадии, в самом начале развития административного дела, совершаются процессуальные действия, принимаются административно-процессуальные решения, которые отражаются на постадийном прохождении всего дела. В то же время административно-процессуальные решения о прекращении административного дела могут быть приняты и на более поздней стадии, т. е. основания изменения, прекращения, развития административно-процессуальных правоотношений могут быть установлены в течение всего производства по делу.

Нельзя не обратить внимания на представление об административно-процессуальных правоотношениях таких ученых, как Е. Б. Лупарев, М. Б. Добробаба и Т. В. Мокина. Его можно вывести из их понимания административных правоотношений, под которыми они подразумевают урегулированные, взаимосвязанные между собой административно-правовыми и иными отраслевыми правовыми нормами материального и процессуального права, а также административно-процессуальными нормами конкретные общественные отношения с обязательным участием

лица, наделенного государственно-властными управленческими полномочиями, участники которого имеют взаимные публичные государственно-управленческие обязанности [21, с. 31]. В связи с вышеприведенными понятиями можно выделить соответствующее представление об административно-процессуальных правоотношениях, которые рассматриваются как взаимосвязанные между собой административно-процессуальными нормами конкретные общественные отношения с обязательным участием лица, наделенного государственно-властными управленческими полномочиями, участники которых имеют взаимные публичные государственно-управленческие обязанности. Полагаем, что в данном случае мы будем иметь слишком общее понятие без конкретной его характеристики.

Следует также выделить позицию И. В. Пановой, которая неоднократно в своих исследованиях обращалась к вопросам юридического и административного процесса. И. В. Панова, продолжая размышления В. Д. Сорокина, рассматривает административно-процессуальные правоотношения как разновидность административно-правовых, которые:

- возникают на основе норм права;
- представляют собой закрепленную в норме права юридическую связь между субъектами;
- носят управленческий характер;
- являются процессуальными и регулируют отношения динамического характера [22, с. 28].

В связи с приведенной позицией необходимо еще раз отметить самостоятельность административно-процессуальных правоотношений. Как и административно-деликтные, административно-процессуальные правоотношения выделены из административно-правовых, но уже не являются их разновидностью, это вполне самостоятельные виды юридических правоотношений. Рассуждая о ма-

териальном содержании административно-процессуальных правоотношений, В. Д. Сорокин учитывал два обстоятельства: 1) вторичный характер административно-процессуального правоотношения по сравнению с корреспондирующим материальным правоотношением; 2) связь административно-процессуальных правоотношений не только с материальными административно-правовыми отношениями, но и с материальными отношениями, регулируемые нормами других отраслей права [16, с. 247]. При этом В. Д. Сорокин указывал: «Применительно к административно-процессуальным правоотношениям как отношениям управленческим можно сказать, что их материальное содержание отражает особенности той сферы советского государственного управления, в которой они существуют» [16, с. 248]. С этим утверждением, на наш взгляд, согласиться нельзя, так как соответствующая сфера публичного управления такого влияния не оказывает, а имеет значение предмет административного дела.

О. В. Муза поддерживает позицию В. Д. Сорокина о материальном и фактическом содержании административно-процессуального правоотношения, когда особенности материального содержания административно-процессуальных правоотношений определяют их юридическое содержание и особенности классификации. При этом О. В. Муза полагает, что:

«1) юридическое содержание административно-процессуальных правоотношений – совокупность процессуальных прав и обязанностей, которые реализуются субъектами административного процесса во время возникновения, изменения и прекращения административно-процессуальной деятельности; 2) фактическое содержание административно-процессуальных правоотношений – внешнее проявление установленного административно-процессуальными нормами процессуального поведения

(действий или бездействия) субъектов административного процесса; 3) содержание административно-процессуальных правоотношений – предмет административно-процессуального регулирования, который неразрывно связан с волей и обязанностями субъектов административного процесса, осуществляется в процессе административно-процессуальной деятельности и обеспечивается совокупностью юридически определенных процессуальных средств» [23, с. 147, 149].

Выше было отмечено, что административно-процессуальные правоотношения не являются вторичными по отношению к материальным, а сама связь с материальными правоотношениями не может свидетельствовать о материальном содержании административно-процессуальных правоотношений. Предположим, что материальное содержание правоотношения будет у материальных правоотношений, а у процессуальных (в том числе и у административно-процессуальных) содержание процессуальное, поэтому юридическим содержанием административно-процессуальных правоотношений будут административно-процессуальные права и обязанности участников административно-процессуальных правоотношений.

На наш взгляд, правоотношения, возникающие в соответствующей отрасли, сфере публичного управления, не должны оказывать какого-либо влияния на развитие административно-процессуального правоотношения. Важны не отрасль или сфера публичного управления, а то по поводу чего возникло административно-процессуальное правоотношение – проведение мероприятий государственного контроля; производство по административному деликту или предоставление государственной услуги. Экономическая сфера, социальная или какая-либо иная не может определять особенности административно-процессуальных правоотношений. Для порядка

оказания государственных услуг, осуществления мероприятий государственного контроля, производства по делам об административных правонарушениях не имеет значения какая-либо сфера публичного управления. Во всяком случае действующее российское законодательство таких особенностей не предусматривает. Таким образом, область возникновения материальных правоотношений не может определять содержания административно-процессуальных правоотношений и характера прав и обязанностей их участников, а также не может служить основанием для классификации административно-процессуальных правоотношений по их материальному содержанию, как это ранее утверждал В. Д. Сорокин. Однако необходимо помнить, что материальное содержание административного правоотношения будет определять права и обязанности, реализация (исполнение) которых ведет к возникновению административно-процессуальных правоотношений.

В свое время В. А. Лория обоснованно отмечал, что единство административного процесса определяется единством принципов разрешения в сфере управления всех индивидуальных дел. При этом действующее законодательство как в советское, так и в настоящее время предусматривает всеобщий характер того или иного института административного процесса, что подчеркивает недопустимость множества видов процессов в сфере управления [17, с. 6]. Полагаем, что необходимо продолжить мысль В. А. Лории и предположить, что невозможно не только множество видов юридического процесса в сфере публичного управления, но и административных процессов много не бывает, так как административный процесс является единым и выделение административно-юрисдикционного, судопроизводственного, процедурного и иных видов процесса не допустимо. В этом случае следует ве-

сти речь в лучшем случае об административных производствах.

Материальное содержание – главный, но не единственный критерий, определяющий юридическое содержание административно-процессуальных правоотношений. Другим критерием является субъектный состав того или иного административно-процессуального правоотношения. Субъектный состав административно-процессуального правоотношения, будучи обусловленным материальным содержанием, в свою очередь предопределяет правомочия и обязанности участников правоотношений. Как известно, одни субъекты могут участвовать в административно-процессуальных отношениях определенного вида, другие – в правоотношениях, возникающих в соответствующей отрасли государственного управления и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, полагаем, что под *административно-процессуальным правоотношением* следует понимать такое взаимодействие¹⁹, которое складывается между субъектами административного процесса в связи и по поводу реализации ими своих субъективных прав и обязанностей, урегулированное административно-процессуальными нормами.

В административно-процессуальных правоотношениях властным субъектом является участник, который имеет соответствующие административно-процессуальные права и (или) обязанности по принятию, вынесению административно-процессуальных (итоговых) решений. К таким участникам будут относиться органы публичной власти

и управления. В то же время такие субъекты в административно-процессуальных правоотношениях выражают не просто свои субъективные права и обязанности, а интересы государства и общества, реализуемые через административно-процессуальные права и обязанности, предоставленные органу публичной власти и управления как властному субъекту. Права и обязанности такого субъекта являются составной частью его компетенции, установленной государством, поэтому в административно-процессуальных правоотношениях он выступает не от «себя», а от имени государства. Это касается как государственных органов, организаций, так и негосударственных, в том числе и при реализации установленных принципов деятельности этих субъектов.

Также следует учитывать, что материальная норма устанавливает субъективные права и обязанности участников в соответствующей сфере публичного управления, а необходимость в административно-процессуальных нормах возникает тогда, когда органам публичной власти и управления важно урегулировать порядок реализации этих прав и обязанностей с четким установлением процессуальных действий, стадий, сроков и видов решений. Не все права и обязанности требуют процессуальной реализации.

Наконец, необходимо сделать вывод о взаимосвязанном и взаимозависимом характере административно-процессуальных и соответствующих материальных правоотношений, а не только лишь обеспечительном значении административно-процессуальных правоотношений.

Список литературы

1. Матузов Н. И. Общие правоотношения и их специфика // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 3. С. 23–33.
2. Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М. : Юрид. лит., 1980. 176 с.
3. Явич Л. С. Общая теория права / под ред. А. И. Королева. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 285 с.

¹⁹ Под взаимодействием будем понимать взаимную связь явлений; взаимодействие различных предметов, явлений и т. п. друг на друга, обуславливающее их изменение (*Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. С. 124).

4. Гревцов Ю. И. Правовые отношения и осуществление права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 128 с.
5. Протасов В. Н. Правоотношение как система. М. : Юрид. лит., 1991. 143 с.
6. Ушаков С. И. Правоотношения: теоретико-правовой и структурно-функциональный анализ : моногр. М. : Москов. ин-т юриспруденции, 2013. 116 с.
7. Алексеев С. С. Основные вопросы общей теории социалистического права // Собрание сочинений : в 10 т. М. : Статут, 2010. Т. 3: Проблемы теории права : курс лекций. 781 с.
8. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М. : Норма, 2003. 240 с.
9. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М. : Юрид. лит., 1972. 258 с.
10. Теория юридического процесса : моногр. / В. М. Горшенев, В. Г. Крупин, Ю. И. Мельников [и др.] ; под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков : Вища школа, 1985. 193 с.
11. Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М. : Юрид. лит., 1991. 143 с.
12. Сорокин В. Д. Проблемы административного процесса // Избранные труды. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. С. 37–157.
13. Сорокин В. Д. Производство по принятию нормативных актов управления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 2. С. 114–116.
14. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. М. : Юрид. лит., 1964. 158 с.
15. Штатина М. А. Эволюция теории административного процесса в научных работах заслуженного юриста Российской Федерации Н. Г. Салищевой // Административное право и процесс. 2017. № 6. С. 19–24.
16. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право // Избранные труды. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. С. 158–306.
17. Лория В. А. Конституция СССР и актуальные вопросы кодификации советского административно-процессуального права. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1979. 76 с.
18. Мишко Р. С. Юридический процесс : моногр. М. : КНОРУС, 2017. 196 с.
19. Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования) : моногр. : в 3 ч. М. : Норма, 2018. Ч. 1. 512 с.
20. Афанасьев В. Г. Системность и общество. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2018. 368 с.
21. Лупарев Е. Б., Добробаба М. Б., Мокина Т. В. Общая теория публичных правоотношений : моногр. М. : Юрлитинформ, 2011. 280 с.
22. Панова И. В. Административно-процессуальное право России : моногр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2021. 336 с.
23. Муза О. В. Теоретические вопросы содержания административно-процессуальных правоотношений // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2013. № 6. С. 146–150.

References

1. Matuzov N. I. Legal Relations and Its Specific Character. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 1976;3:23–33. (In Russ.)
2. Tkachenko Yu. G. *Methodological Issues of the Theory of Legal Relations*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1980. 176 p. (In Russ.)
3. Yavich L. S. *General Theory Of Law*. Leningrad: Leningrad University Publ.; 1976. 285 p. (In Russ.)
4. Grevtsov Yu. I. *Legal Relations and the Exercise of Law*. Leningrad: Leningrad University Publ.; 1987. 128 p. (In Russ.)
5. Protasov V. N. *Legal Relationship as a System*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1991. 143 p. (In Russ.)
6. Ushakov S. I. *Legal Relations: Theoretical-Legal and Structural-Functional Analysis*. Moscow: Moscow Institute of Jurisprudence Publ.; 2013. 116 p. (In Russ.)
7. Alekseev S. S. The Main Issues of the General Theory of Socialist Law. In: Alekseev S. S. *Collected Works. Vol. 3: Problems of the Theory of Law: a Course of Lectures*. Moscow: Statut Publ.; 2010. 781 p. (In Russ.)
8. Luk'yanova E. G. *Theory of Procedural Law*. Moscow: Norma Publ.; 2003. 240 p. (In Russ.)
9. Gorshenev V. M. *Methods and Organizational Forms of Legal Regulation in a Socialist Society*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1972. 258 p. (In Russ.)
10. Gorshenev V. M., Krupin V. G., Mel'nikov Yu. I. *Theory of the Legal Process*. Kharkiv: Vishcha shkola Publ.; 1985. 193 p. (In Russ.)
11. Protasov V. N. *Fundamentals of General Legal Procedural Theory*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1991. 143 p. (In Russ.)
12. Sorokin V. D. Problems of the Administrative Process. In: Sorokin V. D. *Selected Works*. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ.; 2005. P. 37–157. (In Russ.)
13. Sorokin V. D. Proceedings for the Adoption of Regulatory Acts of Management. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 1976;2:114-116. (In Russ.)

14. Salishcheva N. G. *Administrative Procedure in USSR*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1964. 158 z. (In Russ.)
15. Shtatina M. A. Evolution of the Administrative Process Theory in the Scientific Works of Honored Lawyer of the Russian Federation N. G. Salischeva. *Administrative Law and Procedure*. 2017;6:19-24. (In Russ.)
16. Sorokin V. D. Administrative Procedure Law. In: Sorokin V. D. *Selected Works*. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ.; 2005. P. 158–306. (In Russ.)
17. Loriya V. A. *The Constitution of the USSR and Current Issues of Codification of Soviet Administrative Procedure Law*. Tbilisi: Tbilisi University Publ.; 1979. 76 p. (In Russ.)
18. Mishko R. S. *Legal Process*. Moscow: KNORUS Publ.; 2017. 196 p. (In Russ.)
19. Serkov P. P. *Legal Relationship (Theory and Practice of Modern Legal Regulation). Part 1*. Moscow: Norma Publ.; 2018. 512 p. (In Russ.)
20. Afanas'ev V. G. *Consistency and Society*. 2nd ed. Moscow: LENAND Publ.; 2018. 368 p. (In Russ.)
21. Luparev E. B., Dobrobaba M. B., Mokina T. V. *The General Theory of Public Relations*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2011. 280 p. (In Russ.)
22. Panova I. V. *Administrative Procedure Law of Russia*. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ.; 2021. 336 p. (In Russ.)
23. Muza O. V. The Theoretical Questions of the Maintenance of the Administrative Procedure Legal Relations. *Herald of Polotsk State University. Series D. Economics and Law Sciences*. 2013;6:146-150. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павел Евгеньевич Спиридонов, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (Московский проспект, 149, Санкт-Петербург, 196105, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5257-5709>; e-mail: pavelspiridonov@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Pavel E. Spiridonov, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the Saint-Petersburg State Fire Service University of EMERCOM of Russia (149 Moskovsky prospect, St. Petersburg, 196105, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5257-5709>; e-mail: pavelspiridonov@rambler.ru

Поступила | Received
10.02.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
15.04.2024

Принята к публикации | Accepted
06.05.2024

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ Private Law (Civil Law) Sciences

УДК 347.941

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-2-208-219

EDN: GUICDH

Оригинальная научная статья

Проблемы доказывания технического сбоя при проведении электронных торгов

Е. В. Королев

Государственный университет просвещения, Мытищи, Российская Федерация;

Институт законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ korolev@list.ru

Аннотация. Предметом данного научного исследования выступают положения действующего законодательства РФ, регламентирующие порядок организации и проведения электронных торгов, а также материалы правоприменительной практики, иллюстрирующие проблемы доказывания технического сбоя в ходе проведения. Цель научного исследования заключается в выявлении проблем доказывания технического сбоя при проведении электронных торгов при реализации прав на государственное и муниципальное имущество, а также определении потенциальных путей их решения. Данное научное исследование проведено посредством использования следующих методов научного познания: общетеоретические (синтез, анализ, обобщение, дедукция и пр.), общенаучные (системно-структурный) и частнонаучные (сравнительно-правовой, формально-юридический). Так, с использованием названных методов проанализирована специфика электронных торгов, ответственность оператора электронной площадки и технический сбой при проведении электронных торгов как обстоятельство, подлежащее доказыванию. Было установлено, что ключевой отличительной чертой электронных торгов является наличие дополнительного участника – оператора электронной площадки – и самой электронной площадки как места проведения электронных торгов. Именно оператор электронной площадки несет ответственность в случае возникновения на ней различных технических сбоев. По итогам проведения научного исследования автор пришел к выводу, что основными доказательствами технического сбоя при проведении электронных торгов являются скриншоты (снимки экрана), а также видеозаписи, которые при этом также должны отвечать ряду требований. В частности, они должны явно свидетельствовать о наличии технического сбоя (на экране должна быть зафиксирована программная или техническая ошибка, имеющая отношение непосредственно к электронной площадке, на которой проводятся электронные торги); иллюстрировать работоспособность программных и технических средств самого истца, включая надлежащее интернет-соединение (как правило, заявитель/истец должен показать, что установить интернет-соединение не удастся именно с электронной площадкой при одновременном функционировании любых других интернет-страниц); быть надлежащего качества и позволять определить дату и время, когда были сделаны соответствующие скриншоты либо снята соответствующая видеозапись.

Ключевые слова: торги, электронные торги, аукцион, электронный аукцион, технический сбой, доказывание, доказательства

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Королев Е. В., 2024

Для цитирования: Королев Е. В. Проблемы доказывания технического сбоя при проведении электронных торгов // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 2. С. 208–219. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-208-219>. EDN: <https://elibrary.ru/guicdh>

Original scientific article

Problems of Proving Technical Malfunctions During Electronic Auctions

E. V. Korolev

*Federal State University of Education, Mytishchi, Russian Federation;
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

✉ korolev@list.ru

Abstract. This research focuses on the current legislative provisions of the Russian Federation governing the organization and execution of electronic auctions. It also examines law enforcement case studies that highlight challenges in proving technical malfunctions during such proceedings. The aim of this scientific research is to pinpoint the challenges in demonstrating technical malfunctions during electronic bidding for the disposal of state and municipal property rights, alongside identifying potential solutions to address these issues. This research employed various methods of scientific inquiry, including general theoretical approaches such as synthesis, analysis, generalization, deduction, etc., as well as general scientific methods such as system-structural analysis and specific scientific methods such as comparative legal and formal legal analysis. Consequently, employing these methodologies, the research delves into the intricacies of electronic trading, examines the responsibilities of electronic platform operators, and scrutinizes the challenges associated with proving a technical failure during electronic bidding. It was found that the key distinguishing feature of electronic trading is the presence of an additional participant – the operator of the electronic platform – and the presence of the electronic platform itself as a venue for electronic bidding. Responsibility for various technical failures on the electronic platform lies with the platform operator. Conclusions drawn from the scientific research indicate that the primary evidence of a technical failure during electronic trading comprises screenshots and video recordings, both of which must adhere to specific criteria. Specifically, these records must distinctly demonstrate the occurrence of a technical failure, directly attributed to the electronic platform hosting the electronic auctions, such as a software glitch or technical error visibly captured on the screen. They should also showcase the functionality of the plaintiff's own software and hardware, including a stable Internet connection. Typically, the applicant/plaintiff must provide evidence that an Internet connection with the electronic platform cannot be established while other Internet pages are functional simultaneously. Moreover, these records should possess adequate quality, enabling the determination of the date and time when the respective screenshots were captured or the corresponding videos were recorded.

Keywords: bidding, electronic bidding, auction, electronic auction, technical failure, proof, evidence

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Korolev E. V. Problems of Proving Technical Malfunctions During Electronic Auctions. *Siberian Law Review*. 2024;21(2):208-219. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-208-219>. EDN: <https://elibrary.ru/guicdh> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Процесс развития права на современном этапе подвержен влиянию инфор-

мационной среды. Результатом такого воздействия, как справедливо отмечает А. В. Минбалеев, является образование

новых правовых норм и институтов, обеспечивающих формирование и последующее развитие информационных технологий [1, с. 11–12]. Одно из проявлений данного процесса – возникновение в отечественном законодательстве правового института проведения торгов в электронной форме (электронные торги) [2, с. 246–247]. О распространенности электронных торгов и их активном применении на практике свидетельствует тот факт, что в 2022 г. заявки от государственных структур и компаний с участием государства на закупки через электронные торги поступили на сумму более 64 трлн руб.

При проведении торгов в электронной форме особое внимание уделяется соблюдению требований в части обеспечения надлежащего функционирования электронных торговых площадок, на которых проводятся соответствующие торги. Вместе с тем правоприменительная практика свидетельствует о том, что никто из участников электронных торгов не застрахован от такого явления, как технический сбой. Наиболее пагубно технические сбои влияют на потенциальных покупателей государственного и муниципального имущества, поскольку часто лишают последних права на равный доступ к участию в торгах.

В поисках справедливости такие лица вынуждены обращаться в соответствующие правоприменительные органы (прежде всего, органы Федеральной антимонопольной службы и суды), где на них как на истцов возлагается бремя доказывания наличия технического сбоя, воспрепятствовавшего реализации их прав. Какая-либо устоявшаяся правоприменительная практика при решении подобных споров на сегодняшний день отсутствует, а государственные органы в сходных ситуациях могут принимать различные решения, в связи с чем права участников торгов обеспечиваются и защищаются в разном объеме.

Комплексный анализ современных научных трудов свидетельствует о том, что процесс проведения торгов в электронной форме исследуется большинством авторов через призму процесса информатизации [3; 4], а также развития и изменения отечественного законодательства [5]. Отдельные авторы в своих работах ограничиваются указанием на сам факт наличия проблемы, связанной с фиксацией технических сбоев при проведении электронных торгов [6, с. 4]. Однако научных трудов, непосредственно касающихся проблем доказывания технического сбоя при проведении электронных торгов, автору обнаружить не удалось. Вышеуказанные обстоятельства в своей совокупности обуславливают актуальность данного научного исследования.

Методологическую основу исследования составили общетеоретические (синтез, анализ, обобщение, дедукция и пр.), общенаучные (системно-структурный) и частнонаучные (сравнительно-правовой, формально-юридический) методы исследования.

Цель данного научного исследования заключается в выявлении проблем доказывания технического сбоя при проведении электронных торгов при реализации прав на государственное и муниципальное имущество, а также определении потенциальных путей их решения.

СПЕЦИФИКА ЭЛЕКТРОННЫХ ТОРГОВ

На сегодняшний день, вне зависимости от того, в соответствии с каким федеральным законом проводятся торги, превалирующей является их электронная форма. Такой вывод можно сделать на основании комплексного анализа ст.ст. 3.3, 3.4 Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Федеральный закон № 223)¹

¹ О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : федер. закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ (ред. от 4 авг. 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 32, ч. 1, ст. 6176.

и ст. 24 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон № 44)².

Ключевой особенностью электронных торгов является наличие дополнительного участника – оператора, а также соответствующей электронной площадки (это, например, следует из содержания ст. 24.1 Федерального закона № 44). И операторы, и электронные площадки должны соответствовать определенным требованиям, утверждаемым Правительством РФ.

Ключевой обязанностью операторов в процессе проведения электронных торгов является обеспечение непрерывности проведения соответствующего торга, надежности функционирования используемых для этого программно-аппаратных средств, равного доступа всех участников, а также неизменность документов, которые были подписаны усиленной электронной подписью. Указанные обязанности упомянуты в федеральных законах № 223 (ч. 12 ст. 3.3) и № 44 (ч. 13 ст. 24.1). Обязанность по обеспечению вышеуказанных требований полностью соотносится с тем, что сам факт появления электронных торгов был обусловлен необходимостью достижения большей доступности и прозрачности – на данное обстоятельство обращается внимание в большинстве пояснительных записок к законопроектам, в соответствии с которыми предлагалось внести изменения в порядок проведения электронных торгов. В качестве примера можно указать пояснительную записку к законопроекту № 758964-7³, на основании которого соответствующие изменения были внесе-

ны в ст.ст. 39¹² и 39¹³ Земельного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, гарантированность равного доступа к участию в торгах и прозрачность их проведения является первоосновой электронных торгов, а обеспечению соблюдения данных требований должно уделяться особое внимание. Кроме того, соблюдение указанных требований предотвращает случаи нарушения требований антимонопольного законодательства.

Легальное определение понятия «электронная площадка» также закреплено в Федеральном законе № 44: «Сайт в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”... на котором проводятся конкурентные способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в электронной форме, а также закупки товара у единственного поставщика в электронной форме...» (п. 17 ч. 1 ст. 3). Вместе с тем уже в п. 19 для определения понятия «специализированная электронная площадка» используется термин «информационная система», а не «сайт в сети “Интернет”» (п. 19 ч. 1 ст. 3).

Однако закрепленное в содержании данного нормативного правового акта определение исследуемого понятия применимо лишь к регламентируемым им отношениям. Если же обратиться, например, к содержанию Федерального закона № 223, то в нем определение понятия «электронная площадка» не закреплено, хотя неоднократно используется, а какая-либо отсылка к положениям Федерального закона № 44 отсутствует, в связи с чем неясно, что именно следует понимать под электронной площадкой в рамках данного закона.

² О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 4 авг. 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 32, ч. 1, ст. 6176.

³ О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и признании утратившей силу части 7 статьи 34 Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» : законопроект № 758964-7 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/758964-7> (дата обращения: 02.11.2023).

Изучение регламентов некоторых электронных торговых площадок позволяет заключить, что содержание исследуемого понятия в них определяется иначе. Более того, даже в рамках одной и той же электронной площадки применительно к электронным торгам, проводимым на основании разных законов, используются различные определения. Так, в Регламенте электронной площадки «РТС-тендер» по проведению имущественных торгов закреплено следующее определение: «Программно-аппаратный комплекс, предназначенный для проведения торгов в электронной форме при продаже имущества на сайте в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” (Имущественные торги), отвечающий требованиям законодательства Российской Федерации, предъявляемым к электронным площадкам, используемым для обозначенных выше целей»⁴.

В другом документе – Регламенте работы электронной площадки «РТС-тендер» для корпоративных закупок – закреплено иное определение понятия «электронная площадка»: «Программное обеспечение “Единая торговая платформа”, расположенное в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” по адресу: <http://www.rtstender.ru/>, с помощью которого осуществляется организация и проведение процедур закупок...»⁵.

В регламенте электронной площадки «Региональная торговая площадка» закреплено следующее определение:

«Программно-аппаратный комплекс, предназначенный для проведения открытых торгов в электронной форме при продаже имущества (предприятия) должника в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, отвечающий требованиям, предъявляемым к подобным системам законодательством Российской Федерации, доступ к которому предоставляется посредством сайта в сети “Интернет”, размещенного по адресу www.regforg.com»⁶.

Таким образом, существует как минимум четыре подхода к определению понятия «электронная площадка»:

- 1) сайт в сети Интернет;
- 2) информационная система
- 3) программное обеспечение;
- 4) программно-аппаратный комплекс.

Интересно, что содержание одних нормативных правовых актов в части определения понятия «электронная площадка» не соответствует содержанию других: если в Федеральном законе № 44 электронная площадка отождествляется с сайтом в сети Интернет, то, например, в подп. «ж» п. 2 постановления Правительства РФ от 8 июня 2018 г. № 656 понятия «электронная площадка», «сайт в сети Интернет» и «программно-аппаратные средства» (фактически – программно-аппаратный комплекс) не тождественны друг другу⁷. Буквальное толкование данной правовой нормы позволяет прийти к выводу, что программно-аппаратные средства (программно-аппаратный комплекс) обеспечивают функционирование

⁴ Регламент электронной площадки «РТС-тендер». Имущественные торги : утв. приказом Генер. директора ООО «РТС-Тендер» от 3 нояб. 2023 г. № 78-П/23 // РТС-тендер. URL: <https://www.rts-tender.ru/Portals/0/Files/library/docs/reglament-property-sales-03112023.pdf> (дата обращения: 02.11.2023).

⁵ Регламент работы электронной площадки «РТС-тендер» для корпоративных закупок : утв. приказом Генер. директора ООО «РТС-Тендер» от 2 нояб. 2023 г. № 76-П/23 // РТС-тендер. URL: <https://www.rts-tender.ru/Portals/0/Files/library/docs/Reglament-raboty-223.pdf> (дата обращения: 02.11.2023).

⁶ Там же.

⁷ О требованиях к операторам электронных площадок, операторам специализированных электронных площадок, электронным площадкам, специализированным электронным площадкам и функционированию электронных площадок, специализированных электронных площадок, подтверждению соответствия таким требованиям, об утрате юридическим лицом статуса оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки : постановление Правительства Рос. Федерации от 8 июня 2018 г. № 656 (ред. от 31 окт. 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46, ст. 7988.

электронной площадки, которая должна размещаться на сайте в сети Интернет. При этом вопрос о том, что именно следует понимать под электронной площадкой остается открытым.

Между тем точное определение содержания исследуемого понятия принципиально важно для установления зоны ответственности каждого из участников электронных торгов и прежде всего оператора электронной площадки.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОПЕРАТОРА ЭЛЕКТРОННОЙ ПЛОЩАДКИ

Оператор электронной площадки, как было отмечено ранее, ответственен за обеспечение непрерывности проведения соответствующих электронных торгов, надежности функционирования используемых для их проведения программно-аппаратных средств, равного доступа всех участников. Нарушение перечисленных требований, как указано в подп. «а» п. 7 Положения об организации и проведении продажи государственного или муниципального имущества в электронной форме, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2012 г. № 860 «Об организации и проведении продажи государственного или муниципального имущества в электронной форме»⁸ является основанием для привлечения оператора к установленной законом ответственности. Несмотря на отсутствие подобного указания в Федеральном законе от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»⁹, логично предположить, что в рамках данного нормативного правового акта также подразумевается возможность привлечения оператора электрон-

ной площадки к установленной законом ответственности в случае нарушения соответствующих требований. Наиболее детальное исследование обязанностей, возложенных на оператора электронной площадки, позволяет заключить, что они тесно взаимосвязаны.

При этом ключевой из них, по нашему мнению, является обязанность по обеспечению надежности функционирования используемых для проведения электронных торгов программно-аппаратных средств, поскольку именно от этого и будет зависеть непрерывность проведения соответствующих торгов, а также предоставление равного доступа к ним всех участников.

Частным случаем неисполнения всех названных требований является технический сбой. В действующем законодательстве РФ определение данного понятия отсутствует. Его содержание, несмотря на постоянное апеллирование к нему, никак не определяют и правоприменительные органы, ограничиваясь лишь констатацией того, в чем именно он выразился в конкретном случае.

Например, в одной из жалоб, рассмотренных Комиссией ФАС России по разрешению жалоб на нарушение процедуры торгов и порядка заключения договоров (далее – Комиссия), было указано, что технический сбой выразился в пропаже доступа к процедуре аукциона. В частности, при перезагрузке заявителем страницы на сайте оператора в сети Интернет браузер выдавал ошибку «Не удается получить доступ к сайту», в то время как страницы других сайтов загружались успешно¹⁰.

Наиболее детально порядок проведения электронных торгов определяется положениями регламентов, принимаемых операторами электронных площадок.

⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 36, ст. 4911.

⁹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 4, ст. 251.

¹⁰ Решение ФАС России № 04/10/18.1-613/2022 по результатам рассмотрения жалобы ООО «КЛИН-КОМПЛЕКС-РУ» на нарушение процедуры торгов и порядка заключения договоров // Федеральная антимонопольная служба. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-stroitelstva-i-prirodnih-resursov/84d38ef2-befa-4714-a3e7-dfc81d3fae4d/> (дата обращения: 03.11.2023).

Требованиями таких регламентов руководствуются не только сами операторы электронных площадок, но и правоприменительные органы при рассмотрении соответствующих споров: об этом свидетельствуют многочисленные материалы складывающейся правоприменительной практики.

Например, в одном из своих решений для обоснования обязанности оператора по оказанию услуг надлежащего качества (включая обеспечение функционирования и работоспособности сайта) Комиссия сослалась именно на положения регламента, принятого оператором (в частности, пп. 2.7.1–2.7.3, 2.12 Регламента работы электронной площадки «РТС-тендер» «Имущественные торги»)¹¹. Аналогичным образом обязанности оператора в части обеспечения бесперебойной работы электронной площадки обосновывались Комиссией и при рассмотрении иных споров¹². Кроме того, обязанности оператора посредством ссылки на положения принятого им же регламента обосновываются и судами¹³.

Можно сделать вывод, что правоприменительные органы склонны полагать, что ответственность за технические сбои лежит именно на операторе, в связи с чем и выявленные нарушения, как правило, связываются именно с его действиями (бездействием). Например, в решении № 04/10/18.1-450/2021 Комиссия прямо указала: «Оператором нарушен пункт 2.8.3 Регламента в части ненадлежащего уведомления участников аукциона о допуске из заявок на участие в аукционе,

вызванного техническим сбоем на сайте оператора»¹⁴. В другом случае Комиссия указала на то, что «оператором в нарушение пункта 2.7.3 Регламента не обеспечена работоспособность и функционирование сайта оператора во время проведения аукциона»¹⁵.

Комплексный анализ всех вышеуказанных решений позволяет заключить, что за возникновение технического сбоя ответственность несет именно оператор электронной площадки.

Операторы площадки, понимая, что действующее законодательство регламентирует отношения в части организации и проведения электронных торгов лишь наиболее общим образом, начали вносить изменения в принимаемые ими же регламенты. Например, в п. 4.15 упомянутого ранее Регламента электронной площадки «РТС-тендер» «Имущественные торги» закреплено, что технические сбои в функционировании аппаратно-программного комплекса электронной площадки являются обстоятельством непреодолимой силы, в связи с чем влекут освобождение от ответственности¹⁶.

Учитывая тот факт, что соответствующие изменения в содержание регламента были внесены еще в середине 2020 г. (в то время как часть изученных нами решений приняты в отношении ООО «РТС-тендер» уже в 2022–2023 гг.), можно сделать вывод, что указанные положения никак не препятствуют правоприменительным органам признавать виновными в технических сбоях именно операторов электронных площадок.

¹¹ Решение ФАС России от 29 мая 2023 г. № 04/10/18.1-243/2023 по результатам рассмотрения жалобы на нарушение процедуры торгов и порядка их заключения // Архив ФАС России.

¹² Решение ФАС России от 9 августа 2023 г. № 04/10.18.1-396/2023 по результатам рассмотрения жалобы на нарушение процедуры торгов и порядка их заключения // Архив ФАС России.

¹³ Решение Пушинского городского суда Московской области от 19 сентября 2022 г. № 2-223/2022 // Архив Пушинского городского суда Московской области.

¹⁴ Решение ФАС России от 9 декабря 2021 г. № 04/10/18.1-450/2021 по результатам рассмотрения жалобы на нарушение процедуры торгов и порядка их заключения // Архив ФАС России.

¹⁵ Решение ФАС России от 29 сентября 2022 г. № 04/10/18.1-508/2022 по результатам рассмотрения жалобы на нарушение процедуры торгов и порядка их заключения // Архив ФАС России.

¹⁶ Регламент электронной площадки «РТС-тендер». Имущественные торги ...

Технический сбой при проведении электронных торгов как обстоятельство, подлежащее доказыванию

Если с определением лица, ответственного за технический сбой при проведении электронных торгов, в настоящее время каких-либо особых проблем нет, то с доказыванием наличия технического сбоя на практике возникает ряд проблем. Рассмотрим их на конкретных примерах из правоприменительной практики органов ФАС России и отдельных судебных органов.

Так, гражданин Ф. обратился в УФАС по г. Москве с жалобой на бездействие ООО «РТС-тендер» в связи с возникновением технической ошибки на сайте во время проведения аукциона на право заключения договора аренды земельного участка. В качестве обоснования заявитель указал, что в процессе его участия в аукционе на сайте оператора в определенный момент возникла техническая ошибка, воспрепятствовавшая ему сделать ставку. В качестве единственного доказательства истцом был приложен скриншот экрана персонального компьютера с изображением ошибки.

В процессе рассмотрения данной жалобы Комиссия отметила, что представленный заявителем скриншот имеет ненадлежащее качество изображения, что исключает возможность определения даты и времени, когда он был сделан, наличие или отсутствие интернет-соединения, а также процедуру торгов¹⁷.

Таким образом, основанием для отказа, фактически, стало ненадлежащее качество сделанного Ф. скриншота, в то время как скриншот надлежащего качества

мог бы стать вполне приемлемым доказательством. Об этом свидетельствует ранее упомянутое нами Решение № 04/10/18.1-613/2022, при принятии которого Комиссия, кроме прочего, руководствовалась таким доказательством как скриншоты экрана персонального компьютера заявителя¹⁸.

Скриншот как доказательство являлся и продолжает являться предметом научного интереса многих отечественных исследователей. Следует отметить, что абсолютное большинство авторов, вне зависимости от вида судопроизводства, признают возможность использования скриншотов в качестве полноценного доказательства в судебном процессе [7–10]. Соответственно, в данном качестве скриншот может выступать и в процессе рассмотрения жалоб граждан в ФАС России.

Однако в данном случае (как и при принятии других аналогичных решений¹⁹) доказательства, представляемые заявителем, дополняются признанием факта наличия технического сбоя со стороны представителя оператора, что, очевидно, играет немаловажную роль в процессе доказывания.

Одним из ключевых обстоятельств, которые заявителю (истцу) следует доказать, помимо факта технического сбоя, является наличие у него исправного интернет-соединения в момент возникновения соответствующего технического сбоя. В этом случае, как показал анализ всех ранее упомянутых решений, наиболее целесообразно приложить к жалобе несколько скриншотов, на одном из которых будет засвидетельствован непосредственно технический сбой (например, код ошибки, ее внешний облик и т. д.),

¹⁷ Решение ФАС России от 29 мая 2023 г. № 04/10/18.1-243/2023 по результатам рассмотрения жалобы на нарушение процедуры торгов и порядка их заключения ...

¹⁸ Решение ФАС России № 04/10/18.1-613/2022 по результатам рассмотрения жалобы ООО «КЛИН-КОМПЛЕКС-РУ» на нарушение процедуры торгов и порядка заключения договоров ...

¹⁹ Решение ФАС России от 9 августа 2023 г. № 04/10.18.1-396/2023 по результатам рассмотрения жалобы на нарушение процедуры торгов и порядка их заключения ... ; Решение Пущинского городского суда Московской области от 19 сентября 2022 г. № 2-223/2022 ...

а на другом – открытая интернет-страница другого сайта, доказывающая исправность интернет-соединения. Принципиально важно, как показывает практика, чтобы на обоих скриншотах было одни и те же дата и время.

Важно доказать и то, что ошибка, суть которой и составляет технический сбой, возникла именно на электронной площадке, а не на персональном компьютере заявителя (истца). Показательным в данном отношении является следующее решение Верховного Суда РФ.

ООО «Фирма “Кристина”» обратилось в высшую судебную инстанцию с кассационной жалобой по причине несогласия с ранее принятыми судебными актами, которые отклонили доводы ООО «Фирма “Кристина”» о наличии технического сбоя в работе электронной площадки. В качестве обоснования своих доводов представитель ООО «Фирма “Кристина”» предоставил скриншот с надписью «Ошибка ActivX проверьте настройки браузера». На это судами справедливо было указано следующее: «Данная ошибка указывает на неполадки при использовании браузера, который фактически является прикладным программным обеспечением, используемым на конкретном компьютере, и не свидетельствует о неправомерности действий торговой площадки при проведении торгов»²⁰.

Из представленных заявителем (истцом) скриншотов должно ясно следовать, что возникшая ошибка не имеет отношения к используемому им персональному компьютеру или программному обеспечению, а связана именно с программно-техническими проблемами, возникшими на электронной площадке.

В тех случаях, когда у заявителя отсутствует возможность сделать скриншот

экрана персонального компьютера, с помощью которого он участвовал в электронных торгах, ФАС России, как показывает практика, признает жалобу необоснованной по причине недоказанности незаконных действий (бездействия) оператора. Например, Комиссией был рассмотрен спор между гражданкой М. (заявитель) и ООО «РТС-тендер» (оператор), в рамках которого М. доказывала наличие технического сбоя в работе сайта оператора, что воспрепятствовало подаче ею очередного ценового предложения. При этом М. не смогла предоставить в ФАС России в качестве доказательств соответствующие скриншоты, так как кнопка, с помощью которой можно сделать скриншот, на компьютере отсутствовала. В результате незаконность действий (бездействия) оператора, по мнению Комиссии, не нашла своего подтверждения, а жалоба заявителя была признана необоснованной²¹.

Не менее эффективным доказательством, чем скриншот, при рассмотрении споров исследуемой категории может являться видеозапись, на которой также должны быть зафиксированы все ранее упомянутые обстоятельства: технический сбой (ошибка, зависание, нерабочий функционал сайта оператора и т. д.), рабочее интернет-соединение на персональном компьютере, с помощью которого заявитель участвует в электронных торгах, а также время и дата, когда было снято соответствующая видеозапись.

В качестве доказательства видеозапись, например, представил в ФАС России представитель ООО «Экосистема недвижимости “Метр квадратный”», из которого следовало, что «при обновлении страницы сайта оператора функционал не отображал актуальную информацию о ходе

²⁰ *Определение* Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2022 г. № 308-ЭС22-6180 // ЮИС Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-16052022-n-308-es22-6180-po-delu-n-a53-369972020/> (дата обращения: 05.11.2023).

²¹ *Решение* ФАС России от 3 ноября 2022 г. № 04/10/18.1-556/2022 по результатам рассмотрения жалобы на нарушение процедуры торгов и порядка их заключения // Архив ФАС России.

процедуры. Иные открытые вкладки браузера загружались». Представление данного видео в качестве доказательства стало достаточным для того, чтобы Комиссия признала жалобу обоснованной²².

В другом же случае при практически идентичных обстоятельствах спора, но при отсутствии доказательств в виде скриншотов или видеозаписи со стороны заявителя жалоба была признана необоснованной²³. При этом решение, принятое по данной жалобе, было в последующем обжаловано в Арбитражный суд г. Москвы, который оставил принятое ФАС России решение в силе²⁴.

Отдельное внимание хотелось бы обратить на позицию Арбитражного суда г. Москвы, отраженную в вышеупомянутом решении, где данный судебный орган прямо указал, что истец должен представить не только доказательства наличия технического сбоя на электронной площадке оператора, но и доказательства надлежащего функционирования программных и технических средств самого истца, а также доказательства непрерывности его интернет-соединения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение проведенного научного исследования необходимо сделать следующий вывод. На сегодняшний день электронные торги получили крайне широкое распространение, в связи с чем и споры, связанные с организацией и проведением таких торгов, также стали распространены в правоприменительной практике.

Одной из наиболее актуальных проблем в исследуемой сфере является проблема доказывания технического сбоя при проведении электронных торгов. Бремя доказывания данного обстоятельства возлагается на заявителя (истца). Комплексный анализ материалов правоприменительной практики дает основание заключить, что основными доказательствами технического сбоя при проведении электронных торгов являются скриншоты (снимки экрана), а также видеозаписи. Детальное изучение решений ФАС России и судебных органов позволяет определить основные требования, которым должны соответствовать такие скриншоты и видеозаписи:

1) явно свидетельствовать о наличии технического сбоя (на экране должна быть зафиксирована программная или техническая ошибка, имеющая отношение непосредственно к электронной площадке, на которой проводятся электронные торги);

2) иллюстрировать работоспособность программных и технических средств самого истца, включая надлежащее интернет-соединение (как правило, заявитель/истец должен показать, что установить интернет-соединение не удается именно с электронной площадкой при одновременном функционировании любых других интернет-страниц);

3) быть надлежащего качества и позволять определить дату и время, когда были сделаны соответствующие скриншоты либо снята соответствующая видеозапись.

Список литературы

1. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий : моногр. / А. В. Минбалеев, А. В. Мартынов, Г. Г. Камалова [и др.] ; под ред. А. В. Минбалеева. М. : Проспект, 2023. 264 с.

²² Решение ФАС России от 29 сентября 2022 г. № 04/10/18.1-508/2022 по результатам рассмотрения жалобы на нарушение процедуры торгов и порядка их заключения ...

²³ Решение ФАС России от 29 октября 2021 г. № 04/10/18.1-415/2021 по результатам рассмотрения жалобы на нарушение процедуры торгов и порядка их заключения // Архив ФАС России.

²⁴ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 21 апреля 2022 г. № А40-268333/21-21-2017 // Архив Арбитражного суда г. Москвы.

2. Семенов Н. С., Семенов С. Р. Развитие информационных отношений в системе электронных аукционов // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8, № 10. С. 246–254. DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/83/34>
3. Медведева В. С. Цифровая трансформация процедуры торгов // StudArctic Forum. 2022. Т. 7, № 1. С. 87–100.
4. Гатаулина Л. Ф. Особенности цифровизации отношений в сфере проведения электронных торгов // Образование и право. 2023. № 3. С. 284–288. DOI: <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-3-284-288>
5. Арапов А. С., Лаврик Т. М. Механизмы регулирования системы публичных торгов: актуальные изменения законодательства // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 4. С. 464–477. DOI: <https://doi.org/10.17277/pravo.2022.04.pp.464-477>
6. Родионова М. С. Правовая природа электронных торгов по продаже и аренде земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2022. Т. 35, № 2 (2). С. 3–8.
7. Щепаккина П. М. Применение скриншотов в уголовном процессе в качестве доказательства // Интеграция наук – 2023 : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 21 апр. 2023 г.). Краснодар : ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России. Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2023. С. 287–292.
8. Мельникова И. Д. Скриншот как доказательство по делам об административных правонарушениях // Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции по охране общественного порядка и иных служб ОВД : материалы вузовской науч.-практ. конф. (Волгоград, 11–12 авг. 2022 г.). М. : Спутник+, 2022. С. 90–95.
9. Садохина М. А. Скриншот как доказательство в судебном процессе // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. 2021. № 2 (19). С. 122–128.
10. Панова К. О. Скриншот как доказательство в гражданском и арбитражном процессе // Проблемы и перспективы развития гражданского и гражданского процессуального права : сб. материалов 1-й междунар. науч.-практ. конф. (Махачкала, 26 дек. 2020 г.). Махачкала : АЛЕФ, 2021. С. 184–188.

References

1. Minbaleev A. V., Martynov A. V., Kamalova G. G. et al. *Mechanisms and Models of Regulation of Digital Technologies*. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. 264 p. (In Russ.)
2. Semenov N., Semenov S. Development of Information Relations in the System Electronic Auctions. *Bulletin of Science and Practice*. 2022;8(10):246-254. DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/83/34> (In Russ.).
3. Medvedeva V. S. Digital Transformation of the Bidding Procedure. *StudArctic Forum*. 2022;7(1):87-100. (In Russ.)
4. Gataulina L. F. Features of Digitalization of Relations in the Field of Electronic Trading. *Education and Law*. 2023;3:284-288. DOI: <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-3-284-288> (In Russ.)
5. Arapov A. S., Lavrik T. M. Regulation Mechanisms of the Public Bidding System: Current Changes in Legislation. *Law: History and Modernity*. 2022;6(4):464-477. DOI: <https://doi.org/10.17277/pravo.2022.04.pp.464-477> (In Russ.).
6. Rodionova M. S. The Legal Nature of Electronic Trading Platforms (Auctions) for the Sale and Lease of a Land Plot in State or Municipal Ownership. *Actual Issues of Modern Science and Society*. 2022;35(2):3-8. (In Russ.)
7. Shchepakina P. M. The Use of Screenshots in Criminal Proceedings as Evidence. In: *Integration of Sciences – 2023*. Krasnodar: “Russian Energy Agency” of the Ministry of Energy of Russia. Krasnodar Central Research Institute – branch of the “REA” of the Ministry of Energy of Russia Publ.; 2023. P. 287–292. (In Russ.)
8. Mel'nikova I. D. Screenshot as Evidence in Cases of Administrative Offenses. In: *Topical Issues of Theory and Practice in the Activities of Police Units for the Protection of Public Order and Other Police Services*. Moscow: Sputnik+ Publ.; 2022. P. 90–95. (In Russ.)
9. Sadokhina M. Screenshot as Evidence in Court. *Proceedings of Young Scientists and Specialists of the Samara University*. 2021;2:122-128. (In Russ.)
10. Panova K. O. Screenshot as Evidence in Civil and Arbitration Proceedings. In: *Problems and Prospects of Development of Civil and Civil Procedural Law*. Makhachkala: ALEF Publ.; 2021. P. 184–188. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений Валериевич Королев, начальник управления правового, документационного и кадрового обеспечения Государственного университета просвещения (ул. Веры Волошиной, 24, Мытищи, 141014, Российская Федерация), аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ул. Большая Черемушкинская, 34, Москва, 117218, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8926-1287>; e-mail: korolev@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Evgeny V. Korolev, Head of the Department of Legal, Documentation and Personnel Support at the Federal State University of Education (24 Vera Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Russian Federation), postgraduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (34 Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, 117218, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8926-1287>; e-mail: korolev@list.ru

Поступила | Received
07.11.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
27.11.2023

Принята к публикации | Accepted
29.11.2023

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Criminal Law Sciences

УДК 342.72/.73:343.102

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-2-220-237

EDN: GWGGVJ

Оригинальная научная статья

Квалифицированная юридическая помощь лицам, в отношении которых проводятся негласные оперативно-розыскные мероприятия, в случаях приобретения такими мероприятиями гласного характера

В. А. Гусев

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация

✉ gusevva@mail.ru

Е. В. Герасименко

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация

✉ geras_ev@mail.ru

Аннотация. Предмет исследования составляют правоотношения, возникающие между гражданами и должностными лицами оперативных подразделений государственных органов. Оперативно-розыскная деятельность, как правило, осуществляется негласно, поэтому включение адвоката в негласный оперативно-розыскной процесс и оказание квалифицированной юридической помощи лицу, в отношении которого проводятся негласные оперативно-розыскные мероприятия, невозможны, так как противоречат самой сущности оперативно-розыскной деятельности, носящей тайный, конспиративный характер. В то же время, в ходе проведения изначально негласных оперативно-розыскных мероприятий оперативные сотрудники, собрав необходимые материалы и информацию, раскрывают свою принадлежность к правоохранительным органам и осуществляют задержание заподозренного лица. Цель исследования заключается в определении механизма обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь лица, в отношении которого оперативные сотрудники осуществляют действия принудительного характера. Начиная с момента трансформации негласных оперативно-розыскных мероприятий в гласные, права и свободы лица, в отношении которого данные мероприятия проводились, могут быть ограничены и у него появляется потребность воспользоваться конституционным правом на получение квалифицированной юридической помощи адвоката. Выводы исследования. На завершающей стадии проведения проверочной закупки, оперативного внедрения, контролируемой поставки и оперативного эксперимента в случае принятия решения о расшифровке и гласной фиксации оперативно-розыскных результатов оперативные сотрудники осуществляют действия, ограничивающие права и свободы заподозренных в совершении преступления лиц. В частности, кратковременно ограничиваются: право на свободу передвижения; право пользоваться средствами связи; право на неприкосновенность жилища; право пользоваться и распоряжаться своим имуществом (зданиями, сооружениями, участками местности и транспортными средствами), в том числе находящимися при них предметами, веществами и документами. Задержание заподозренного лица, его личный досмотр и осмотр места проведения оперативно-розыскных мероприятий представляют собой составные и неотъемлемые элементы того оперативно-розыскного мероприятия, которое изначально проводилось негласно, а затем трансформировалось в гласную форму. В связи с этим все полученные результаты должны рассматриваться в совокупности и оцениваться как единый результат

© Гусев В. А., Герасименко Е. В., 2024

конкретного оперативно-розыскного мероприятия и оформляться оперативным сотрудником единым протоколом этого оперативно-розыскного мероприятия. С момента ограничения должностными лицами оперативных подразделений права на личную неприкосновенность, на свободу передвижения, иных конституционных прав и свобод, заподозренному лицу должна быть предоставлена возможность реализовать свое право на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ). Оперативные сотрудники обязаны уведомить адвоката заподозренного лица и обеспечить его допуск к месту проведения оперативно-розыскного мероприятия. Адвокат имеет право присутствовать на любой стадии гласной фиксации результатов оперативно-розыскного мероприятия и в рамках оказания юридической помощи требовать соблюдения законности и внесения своих замечаний в протокол.

Ключевые слова: конституционные права, адвокат, оперативный сотрудник, задержание, личный досмотр, изъятие предметов и документов

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гусев В. А., Герасименко Е. В. Квалифицированная юридическая помощь лицам, в отношении которых проводятся негласные оперативно-розыскные мероприятия, в случаях приобретения такими мероприятиями гласного характера // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 2. С. 220–237. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-220-237>. EDN: <https://elibrary.ru/gwggvj>

Original scientific article

Provision of Qualified Legal Assistance to Individuals Subjected To Covert Operational Investigative Measures in Cases Where These Activities Take Public Forms

V. A. Gusev

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation

✉ gusevva@mail.ru

E. V. Gerasimenko

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation

✉ geras_ev@mail.ru

Abstract. The subject of this study encompasses the legal relations that emerge between citizens and officials within operational units of governmental bodies. Operational investigative activities typically occur covertly, rendering the involvement of a lawyer in such clandestine processes and the provision of qualified legal assistance to individuals subject to secret operational investigative measures impossible. This contravenes the core nature of operational investigative activities, which inherently rely on secrecy and confidentiality. Simultaneously, during the initial covert operational search activities, operational personnel, upon gathering requisite materials and information, reveal their affiliation with law enforcement agencies and proceed to detain a suspected individual. The objective of this study is to delineate the mechanism for safeguarding the right to competent legal assistance for individuals subjected to coercive actions by operational personnel. At the moment of transformation of covert operational investigative measures into public, the rights and freedoms of the person in respect of whom these measures were carried out may be limited and he needs to use the constitutional right to receive qualified legal assistance from a lawyer. The conclusions of the study. During the concluding phases of verification procurement, operational implementation, controlled delivery, and operational experimentation, if a determination is made to decrypt and publicly document the outcomes of operational searches, operational personnel undertake actions that curtail the rights and freedoms of individuals suspected of criminal involvement. Specifically, the following rights are briefly curtailed: the right to freedom of movement; the right to utilize means of communication; the right to inviolability of the home; the right to utilize and manage one's property (buildings, structures, land areas, and vehicles), encompassing objects, substances, and documents therein. The apprehension of a suspected

© Gusev V. A., Gerasimenko E. V., 2024

individual, their personal search, and the inspection of the premises by law enforcement authorities are essential and integrated components of the operational search operation, initially conducted covertly and later transitioning into a public process. In this context, all obtained results should be collectively considered and appraised as the unified outcome of a specific operational search operation, subsequently formalized by an operational officer through a singular protocol detailing the entirety of these operational search activities. Once officials from operational units curtail the right to personal inviolability, freedom of movement, and other constitutional rights and freedoms, the suspected individual must be afforded the opportunity to exercise their right to competent legal assistance, as stipulated in Article 48 of the Constitution of the Russian Federation. Operational staff are required to notify the lawyer of the suspected person and ensure his admission to the place of the operational search activity. A lawyer retains the right to be present at any phase of publicly documenting the outcomes of an operational search operation and, as part of rendering legal assistance, can insist on adherence to the rule of law and provide comments in the protocol.

Keywords: constitutional rights, lawyer, operative, detention, body search, seizure of objects and documents

Conflict of interest. The Authors declare no conflict of interest.

For citation: Gusev V. A., Gerasimenko E. V. Provision of Qualified Legal Assistance to Individuals Subjected To Covert Operational Investigative Measures in Cases Where These Activities Take Public Forms. *Siberian Law Review*. 2024;21(2):220-237. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-220-237>. EDN: <https://elibrary.ru/gwggvj> (In Russ.).

Все тайное рано или поздно становится явным.

Сократ

ВВЕДЕНИЕ

Приступая к рассмотрению проблем реализации права на получение квалифицированной юридической помощи в ходе негласных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), мы сталкиваемся, на первый взгляд, с изучением достаточно противоречивых, в некоторых ситуациях даже конфликтных видов деятельности: обвинением и защитой. Государственные органы, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), в борьбе с преступностью используют основное преимущество ОРД – ее негласность. Введение фигуры адвоката в негласный оперативно-розыскной процесс противоречит самой сущности ОРД как деятельности, часто носящей тайный, конспиративный характер. Однако для любого представителя юридической профессии очевидно, что в процессе осуществления как гласных, так и негласных ОРМ должно быть обеспечено соблюдение конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Как справедливо отметил А. Е. Чечетин, обеспечивая защиту

личности и общества от преступных посягательств путем проведения предусмотренных Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) оперативно-розыскных мероприятий, необходимо соблюдать конституционные права всех участников оперативно-розыскных отношений, в том числе и правонарушителей [1, с. 126]. Именно поэтому на этапе трансформации негласных ОРМ в гласные возникает объективная необходимость и субъективная возможность привлечения адвоката для оказания квалифицированной юридической помощи лицу, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия с обвинительным уклоном.

НЕГЛАСНОСТЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

В случае, когда в отношении лица проводится комплекс негласных ОРМ, направленных на проверку его причастности

или документирование противоправной деятельности, это лицо априори не должно быть осведомлено о проводимых мероприятиях. Вместе с тем представляется очевидным, что в ходе ОРД необходимо сохранить в тайне до определенного момента сам факт ее осуществления в отношении конкретного лица не только от него самого, но и от всех посторонних лиц. Причем иногда, как ни странно, в интересах самого проверяемого лица. Как справедливо отметил В. А. Семенцов, «конспиративность позволяет избегать необоснованной компрометации лица, подозреваемого в совершении преступления» [2]. Указанные умозаключения приводят нас к выводу, что привлечение адвоката к участию в проведении негласных ОРМ в отношении доверителя объективно не представляется возможным.

Выдвигая данный тезис, мы также исходим из того, что отнесение законодателем ряда сведений, полученных в ходе осуществления ОРД, к государственной тайне, предопределяет невозможность участия в негласных ОРМ лица, не допущенного к работе с такими сведениями. Очевидно, что исключение элемента негласности в ОРД может привести к нарушению принципа конспирации, отсутствию целесообразности проведения ОРМ и невозможности полноценного выявления и документирования противоправных действий.

В пользу приведенных доводов о невозможности участия адвоката в ходе проведения негласных ОРМ свидетельствует и правовая позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в определении от 14 июля 1998 г. № 86-О. В ходе рассмотрения вопроса ограничения конституционных прав граждан при проведении негласных ОРМ разъяснено, что «открытости, гласности и состязательности сторон в этом процессе

(имеется в виду процесс получения судебного решения на проведение оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан – В. Г., Е. Г.) быть не может, ибо в противном случае негласные по своему характеру оперативно-розыскные мероприятия стали бы просто невозможны, а сама оперативно-розыскная деятельность утратила бы смысл»¹. По нашему мнению, изложенные Конституционным Судом РФ доводы также применимы и к обоснованию невозможности участия адвоката в иных негласных ОРМ, проводимых в отношении его доверителя. Негласность осуществления ОРД предполагает отсутствие осведомленности объекта проводимого мероприятия о самом факте проведения ОРМ. В данном случае лицо не осознает направленности оперативно-розыскных действий и необходимости защиты своих интересов посредством привлечения адвоката.

Кроме того, Конституционный Суд РФ определил, что «в силу преимущественно негласного характера и безотлагательности проводимых оперативно-розыскных мероприятий Федеральный закон “Об оперативно-розыскной деятельности” не предусматривает участие в оперативно-розыскной деятельности адвоката», вместе с тем судьи обратили внимание, что «нормы отраслевого законодательства, в частности названного Федерального закона, не могут применяться в отношении подозреваемого, обвиняемого без учета особенностей его правового положения, в том числе вытекающих из предписаний статей 48, 49 и 51 Конституции Российской Федерации (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 1999 года № 211-О и от 24 января 2008 года № 104-О-О)»².

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панова Юрия Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 21 апр. 2011 г. № 580-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Резюмируя изложенное, отметим, что ОРД осуществляется преимущественно в негласной форме, поэтому и право на юридическую защиту лица, в отношении которого тайно проводятся оперативно-розыскные мероприятия, по объективным причинам обеспечено быть не может. Действительно, реализовать рассматриваемое право не представляется возможным ввиду того, что в противном случае ОРД как негласная деятельность, направленная на скрытое выявление и документирование преступлений, утратит смысл и прекратит свое существование.

В то же время в ходе проведения изначально негласных оперативно-розыскных мероприятий оперативные сотрудники, собрав необходимые материалы и информацию, раскрывают свою принадлежность к правоохранительным органам и осуществляют задержание заподозренного лица. Завершаются такие мероприятия уже в гласном режиме: проводится личный досмотр задержанного лица, изъятие предметов и документов, имеющих доказательственное значение, составляются несекретные оперативно-служебные документы (протоколы, акты, рапорты и т. д.). Очевидно, что после оглашения лицу того факта, что в отношении него проводится оперативно-розыскное мероприятие и с этого момента его права на личную неприкосновенность и свободу передвижения ограничены, у этого лица появляется потребность (необходимость) воспользоваться конституционным правом на защиту и получение квалифицированной юридической помощи адвоката.

**КВАЛИФИЦИРОВАННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ АДВОКАТА
ПРИ ТРАНСФОРМАЦИИ
НЕГЛАСНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ
МЕРОПРИЯТИЙ В ГЛАСНЫЕ**

В оперативно-розыскной практике достаточно часто возникают ситуации, когда в ходе проведения негласного ОРМ при обнаружении очевидных признаков совершаемого преступления оперативные сотрудники осуществляют так называемую реализацию оперативных материалов³. В этот момент ОРМ перестает носить негласный характер, так как должностным лицам оперативных подразделений не имеет смысла в дальнейшем сохранять в тайне факт его проведения и скрывать свой статус оперуполномоченного. На данном этапе они обязаны не допустить утраты вещей, предметов, документов, которые впоследствии могут быть использованы в качестве доказательств, осуществить фиксацию в оперативно-служебных документах полученных оперативно-розыскных результатов. Необходимо подчеркнуть, что речь идет исключительно об ОРМ, которые предполагают непосредственный контакт оперативного сотрудника (или конфиденанта, действующего по его заданию) с лицом, в отношении которого проводится ОРМ⁴.

Действительно, в ходе проведения изначально негласных ОРМ, таких как проверочная закупка, оперативное внедрение, контролируемая поставка и оперативный эксперимент, оперативные сотрудники, зафиксировав необходимую информацию, раскрывают свою принадлежность

³ Ранее в специальной литературе использовался термин «легализация», однако после принятия в 1992 г. первого закона, регулирующего ОРД, его применение представляется неверным, так как ОРД является деятельностью законной, ОРМ имеют определенную юридическую процедуру их проведения, и, следовательно, «легализовывать» их результаты (т. е. придавать им законную форму) нет необходимости.

⁴ Такие оперативно-розыскные мероприятия, как контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; получение компьютерной информации, априори не предполагают контакта с лицами, в отношении которых они проводятся. Поэтому трансформация их в гласные ОРМ невозможна, а результаты и процедура их получения, в случае использования в доказывании по уголовным делам, могут стать предметом ретроспективного исследования со стороны адвоката на стадии ознакомления с уголовным делом.

к правоохранительным органам и объявляют заподозренному лицу, что в отношении него проводится то или иное оперативно-розыскное мероприятие. Как отмечает В. Ф. Луговик, оперативный эксперимент практически всегда сопровождается осмотром (досмотром, обыском), изъятием (выемкой) предметов, веществ, денег, физическим задержанием заподозренного лица и доставлением в помещение правоохранительного органа [3, с. 25]. Указанный тезис в равной степени применим и к иным мероприятиям, в ходе которых происходит задержание фигуранта.

Именно на этапе фактического ограничения свободы и личной неприкосновенности лица возникает необходимость разъяснения этому лицу права на квалифицированную юридическую помощь. Как отмечает Конституционный Суд РФ в определении от 27 июня 2017 г. № 1419-О, проведение ОРМ закон связывает непосредственно с возникновением, изменением и прекращением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений на досудебной стадии уголовного судопроизводства, когда уголовное дело еще не возбуждено, но уже имеется информация, которая должна быть проверена. Обязанность разъяснить гарантируемое ст. 48 Конституции РФ право лицу, которое подвергнуто задержанию или в отношении которого проводятся иные действия, ограничивающие его свободу, личную неприкосновенность, или другие конституционные права, предусмотрена как Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), так и Кодексом Российской Федерации об административ-

ных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и реализуется с учетом природы возникших правоотношений, регламентируемых законодательством, на основании и в процедурах которого осуществляется (допускается) соответствующее ограничение прав личности⁵. В связи с этим полагаем, что оперативные сотрудники обязаны разъяснить лицу, задержанному в ходе проведения негласного ОРМ, его право на квалифицированную юридическую помощь и зафиксировать это обстоятельство в протоколе ОРМ.

Согласно правовой позиции, отраженной в постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П, отождествляющей момент возникновения конституционного права пользоваться помощью адвоката с моментом фактического (реального) ограничения прав конкретного лица⁶, сотрудники органов, осуществляющих ОРД, обязаны обеспечить и сделать реально выполнимой для указанного лица реализацию права на получение помощи адвоката. Выполнение данной обязанности заключается в том, что должностное лицо оперативного подразделения, единолично проводящее ОРМ или руководящее группой оперативных сотрудников, должно предоставить реальную возможность доверителю оповестить своего адвоката о факте проведения ОРМ и указать место его проведения.

Следует отдельно подчеркнуть, что обязанность сотрудников органов, осуществляющих ОРД, «обеспечить вызов адвоката», не означает их обязанность «обеспечить участие адвоката по требованию лица». На наш взгляд, оперативные сотрудники должны лишь предоставить

⁵ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также пунктом 15 статьи 5, частью третьей статьи 46 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 27 июня 2017 г. № 1419-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ *По делу* о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ему возможность реализовать право на получение квалифицированной юридической помощи, т. е. обеспечить возможность уведомить адвоката о факте и месте проведения ОРМ в отношении его доверителя. После указанного оповещения адвоката оперативно-розыскное мероприятие не прерывается, т. е. его проведение осуществляется в соответствии с законодательными и ведомственными нормативными правовыми актами в отсутствие адвоката. Наше мнение основывается на решении Конституционного Суда РФ, который в своем определении от 9 июня 2005 г. № 327-О отметил, что «право на получение квалифицированной юридической помощи адвоката гарантируется любому лицу, в отношении которого осуществляется деятельность, направленная на выявление фактов и обстоятельств, уличающих его в подготовке или совершении преступления, а значит, лицу, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия в связи с подозрением его в причастности к подготовке или совершению преступления, должна предоставляться возможность воспользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката, если таковая, как это следует из правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 14 июля 1998 года № 86-О, не исключается необходимостью обеспечения режима секретности, соблюдения требований оперативности и конспиративности»⁷.

Мы солидарны с мнением специалистов в том, что вопрос о возможности или невозможности немедленного прибытия адвоката на место проведения ОРМ «не может быть поставлен абстрактно, вне связи с конкретным юристом», поэтому «если незамедлительная явка ад-

воката невозможна, а ситуация не терпит отлагательства, то оперуполномоченный проводит ОРМ в отсутствие адвоката», «если же прибытие адвоката возможно без промедления, то он допускается к участию в ОРМ» [4]. Действительно, независимо от складывающейся правовой и оперативно-тактической ситуации оперативные сотрудники обязаны не только разъяснить лицу его право на получение квалифицированной юридической помощи, предусмотренное ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, но и обеспечить возможность уведомить адвоката о факте и месте проведения ОРМ. При наличии субъективной возможности адвоката в кратчайшие сроки прибыть на место проведения ОРМ оперативные сотрудники обязаны не препятствовать оказанию им квалифицированной юридической помощи своему доверителю. На наш взгляд, обязанность оперативного сотрудника обеспечить непосредственное участие адвоката в проведении ОРМ также логично вытекает из предыдущих обязанностей: разъяснить право на получение квалифицированной юридической помощи и вызвать адвоката на место проведения ОРМ.

Результаты проведенного нами анализа оперативно-розыскной практики показывают, что в процессе проведения всех вышеперечисленных ОРМ в случае принятия решения о расшифровке и гласной фиксации оперативно-розыскных результатов оперативные сотрудники осуществляют ряд действий, ограничивающих права и свободы лиц, в отношении которых эти мероприятия проводятся. Прежде всего указанные лица в этот момент лишаются права на свободу передвижения. В последующем, как правило, проводится личный досмотр этих лиц, а также осмотр территории, помещения или транспортного

⁷ По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 9 июня 2005 г. № 327-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

средства на месте проведения ОРМ, в ходе которых могут быть изъяты предметы, вещества и документы, имеющие потенциальное значение для представления следователю в качестве результатов ОРД. Кроме того, указанным лицам предлагается дать пояснения по факту обнаружения при них тех или иных объектов, которые описываются и изымаются в результате ОРМ, а также о взаимоотношениях с лицом, передавшим или получившим эти объекты.

Рассмотрим последовательно особенности участия адвоката на каждом из перечисленных этапов ограничения прав, свобод и законных интересов человека.

ЗАДЕРЖАНИЕ ЗАПОДОЗРЕННОГО ЛИЦА С ПОЛИЧНЫМ

Ключевым моментом трансформации негласного ОРМ в гласное мероприятие является задержание оперативными сотрудниками заподозренного лица с поличным. По своей форме такое задержание представляет собой кратковременное ограничение свободы лица посредством его удержания (в том числе в случае необходимости с применением физической силы и специальных средств) на месте проведения ОРМ и последующего доставления в служебное помещение оперативного подразделения в целях завершения оформления результатов ОРМ и представления материалов следователю для принятия решения о возбуждении уголовного дела и уголовно-процессуального задержания.

Фактическим основанием такого задержания являются полученные оперативно-розыскными силами, средствами и методами данные, достаточные для принятия решения о пресечении или раскрытии выявленного преступления. Данное решение оперативного сотрудника обусловлено, во-первых, тем, что задокумен-

тированы противоправные действия проверяемого или разрабатываемого лица, подтверждающие его причастность к совершаемому или совершенному преступлению, а во-вторых, тем, что это лицо скроется от правоохранительных органов и продолжит заниматься преступной деятельностью, уничтожит предметы или документы, имеющие доказательственное значение или иным способом будет препятствовать раскрытию преступления.

Необходимо подчеркнуть, что оперативно-розыскной термин «задержание с поличным» не следует отождествлять с уголовно-процессуальной мерой принуждения «задержание подозреваемого». Оперативные сотрудники осуществляют физический захват лица при проведении оперативно-розыскных мероприятий и последующее доставление к следователю для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела и применении меры процессуального принуждения. Данные действия не предусмотрены ФЗ об ОРД, поэтому полагаем, что оперативно-розыскное «задержание с поличным» следует расценивать как момент фактического задержания (п. 15 ч. 1 ст. 5 УПК РФ)⁸.

Так или иначе указанные действия оперативных сотрудников становятся объективной причиной конфликта между представителями государственных органов и гражданином, чьи права и свободы подвергаются ограничению. Так, 8 ноября 2010 г. около 18.10 в помещении магазина «Флагман» г. Омска гражданин С. продал оперативному работнику ОРЧ КМ по линии БЭП УВД № 1 по Омской области DVD-диск с нелегальной электронной программой «Компас 3D» за 900 рублей. После продажи этого диска к нему подошел одетый по форме сотрудник милиции, участвовавший в ОРМ «проверочная

⁸ Следует отметить, что указанная точка зрения является спорной и по данной проблеме высказываются иногда крайне полярные мнения ученых и практиков (подробнее см.: Баранов А., Сутрун С. Момент фактического задержания подозреваемого // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3. С. 31–34).

закупка», предъявил служебное удостоверение, а затем два оперативных работника применили в отношении гражданина С. физическую силу, ограничили его конституционное право на свободу передвижения и принудительно доставили в служебное помещение ОРЧ КМ БЭП УВД № 1 по Омской области для выяснения обстоятельств совершенного преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Нарушение авторских и смежных прав». Находясь в служебном помещении, С. заявил ходатайство, адресованное оперативному работнику, в котором просил предоставить ему адвоката и принять все необходимые меры по его обеспечению в оперативно-розыском задержании с целью оказания ему квалифицированной юридической помощи от начатого органом, осуществляющим ОРД, уголовного преследования по преступлению, предусмотренному ч. 2 ст. 146 УК РФ. Оперативный работник ОРЧ КМ БЭП УВД № 1 по Омской области, рассмотрев на месте устное ходатайство С., не согласовывая свое решение с руководителем органа, осуществляющего ОРД, устно отказал в его удовлетворении и таким образом фактически лишил С. гарантированного ему ч. 2 ст. 48 Конституции РФ права на квалифицированную юридическую помощь [5].

Анализируя данный пример из оперативно-розыскной практики и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», С. В. Супрун делает вполне обоснованный вывод, что «оперативно-розыскные данные, полученные при проведении ОРМ “проверочная закупка” с нарушением ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, содержащей право гражданина на квалифицированную юридическую помощь, не соответствуют требованию допусти-

мости, являются незаконными и не могут быть поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств» [5, с. 53].

Именно поэтому во избежание подобных негативных последствий в интересах самих оперативных сотрудников предоставить возможность адвокату присутствовать при задержании заподозренного лица, если он оказался поблизости, или непосредственно после такого задержания. Безусловно, участие адвоката как квалифицированного специалиста в области юриспруденции на данной стадии трансформации негласного ОРМ в гласное потребует от оперативного сотрудника твердых знаний своих прав и обязанностей при задержании, а также неукоснительного их соблюдения. Во избежание обоснованных критических замечаний адвоката оперативный сотрудник должен быть уверен в правомерности своих действий и способен правильно их оформить в оперативно-служебных документах. В частности, зафиксировать основания и условия применения физической силы или специальных средств при физическом захвате лица на месте проведения ОРМ. В свою очередь адвокат при условии его достаточного профессионализма и адекватности может позитивно повлиять на своего доверителя и убедить его отказаться от физического сопротивления оперативным сотрудникам или иного незаконного воспрепятствования проведению ОРМ.

Личный досмотр заподозренного лица на месте проведения оперативно-розыскного мероприятия

Безусловно, в деятельности оперативных подразделений распространены

ситуации, когда возникает необходимость ограничения прав и свобод лиц, в отношении которых проводятся ОРМ, применения к ним мер принуждения, хотя в ФЗ об ОРД термин «принуждение» отсутствует. Вместе с тем ФЗ об ОРД определяет ряд действий, которые имеют признаки принуждения. Так, сотрудники оперативных подразделений при решении задач ОРД имеют право в числе прочего производить изъятие документов, предметов, материалов и сообщений. В ходе реализации указанных полномочий могут быть получены наиболее существенные сведения о причастности лица к совершенному преступлению.

Непосредственно после захвата оперативными сотрудниками осуществляется личный досмотр заподозренных лиц в целях обнаружения и изъятия оружия и иных предметов в зависимости от обстоятельств совершенного преступления (например, наркотические вещества, денежные средства, драгоценные камни, металлы, и т. п.). По прибытию в служебное помещение ОВД при необходимости производится повторный, более тщательный досмотр для выявления иных материальных объектов, возможно скрытых в тайниках одежды и указывающих на причастность лица к совершенному преступлению. Необходимо отметить, что при доставлении в дежурную часть ОВД личный досмотр лица входит в перечень обязанностей дежурной смены⁹. На данном этапе проведения ОРМ также возможно прибытие и включение адвоката в процесс оказания юридической помощи, посредством участия в досмотровых действиях.

По существу, досмотром лиц в указанной ситуации достигается две основные цели: 1) обеспечивается безопасность оперативных сотрудников и окружающих

граждан путем своевременного обнаружения и изъятия огнестрельного и холодного оружия, скрытого в одежде или на теле захваченного лица; 2) фиксируется наличие у захваченного лица предметов и документов, которые впоследствии могут быть приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, обеспечивается их сохранность. Однако несмотря на указанную актуальность и значимость личного досмотра граждан при проведении ОРМ, данное оперативно-розыскное действие в перечне прав, регламентированных ст. 15 ФЗ об ОРД, отсутствует. Именно на это обстоятельство могут обратить внимание адвокаты и потребовать от оперативных сотрудников прекратить «незаконные», по их мнению, действия.

Действительно, должностные лица органов, осуществляющих ОРД, при необходимости проведения досмотра в рамках ОРМ вынуждены руководствоваться не ФЗ об ОРД, а иными законодательными актами. Поскольку ОРД осуществляется в целях выявления, пресечения и раскрытия преступлений, то имеются все основания предположить, что в отношении лиц, задержанных по подозрению в их совершении, может осуществляться личный обыск, предусмотренный ст. 184 УПК РФ. Сущность этого следственного действия заключается в принудительном обследовании одежды, обуви, вещей и тела обыскиваемого с целью нахождения и изъятия спрятанных в них предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела. В соответствии с чч. 1, 3 ст. 182 УПК РФ, личный обыск производится при наличии оснований и по судебному решению. При этом в ч. 2 ст. 184 УПК РФ законодатель предусмотрел исключение из данного правила, в котором определил, что при задержании лица по подозрению в совершении преступления личный

⁹ Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан : приказ МВД России от 30 апр. 2012 г. № 389. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обыск может быть произведен без соответствующего постановления.

В связи с отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве как дозволения, так и запрета на производство личного обыска в стадии возбуждения уголовного дела среди юристов нет единого мнения по этому поводу. Мы склонны согласиться с подходом ученых и практиков, которые полагают, что процедура личного обыска без вынесения постановления в действующей редакции ч. 2 ст. 184 УПК РФ предусматривает возможность его производства до возбуждения уголовного дела при задержании лица по подозрению в совершении преступления [6]. Однако даже такое толкование норм уголовно-процессуального законодательства не решает проблем оперативно-розыскного досмотра, так как в отношении доставленных и досмотренных граждан не всегда в дальнейшем принимается процессуальное решение о задержании и возбуждении уголовного дела. Кроме того, досмотр лица может потребоваться и вне рамок процессуальной проверки сообщения о преступлении, например при проведении ОРМ, нацеленных на выявление, предупреждение или пресечение преступления. Именно поэтому, отмечает С. Б. Россинский, на практике основное доказательственное значение сохраняется за результатами осуществляемых одновременно с фактическим задержанием досмотров, изъятий, добровольных выдач и прочих процессуальных «суррогатов» личного обыска, проводимых в рамках оперативно-розыскной или административной деятельности правоохранительных органов [7].

Действительно, достаточно часто на практике оперативные сотрудники подвергают личному досмотру задержанных лиц в соответствии с требованиями ст. 27.7 КоАП РФ. Если в ходе такого личного досмотра были обнаружены и изъяты, например, похищенные вещи,

то составленный в административном порядке с участием понятых протокол в дальнейшем может использоваться в качестве доказательства по уголовному делу. По изученным другими исследователями уголовным делам протоколы личного досмотра фигурировали в качестве доказательств в обвинительных заключениях (актах) и обвинительных приговорах в 45,8 % случаев [8]. Вместе с тем в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда изъятые у задержанного вещи приобщаются к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств в результате проведения уже после возбуждения уголовного дела такого следственного действия, как выемка. В ходе выемки дежурный по органу внутренних дел добровольно выдает следователю (дознавателю) хранящиеся в дежурной части вещи подозреваемого, поясняя одновременно, как и почему они там появились. И здесь возникает вопрос, то ли личный досмотр задержанного не оформлялся, то ли был произведен с нарушением закона, либо следователи и дознаватели пытаются таким образом усилить легализацию в уголовном процессе сведений, полученных не предусмотренным уголовно-процессуальным законом способом [8].

Необходимо подчеркнуть, что применение административного законодательства в оперативно-розыскных целях вызывает определенные сомнения. В соответствии со ст. 27.1 КоАП РФ, личный досмотр в административном порядке осуществляется в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого

по делу постановления. Тогда как ОРД в соответствии с действующим законодательством нацелена на выявление и раскрытие только преступлений. Учитывая данное обстоятельство, можно предположить, что осуществление личного досмотра, предусмотренного ст. 27.7 КоАП РФ, в оперативно-розыскной практике допустимо только в случае совершения заподозренным лицом административного правонарушения.

Вместе с тем следует обратить внимание на п. 16 ст. 13 ФЗ о полиции, в котором определено право полиции «осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, изымать указанные предметы, средства и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения». Анализ данной нормы позволяет, на наш взгляд, сделать вывод, что законодатель фактически разрешает использовать административный личный досмотр граждан, а также транспортных средств и находящихся при них вещей, в том числе для решения задач ОРД. Так, в соответствии с данной законодательной нормой основанием осуществления личного досмотра является «наличие данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы» и т. п. Во-первых, законодатель не оговаривает источник получения этих данных, поэтому мы полагаем, что они могут быть получены и оперативно-розыскным путем. Во-вторых, незаконное ношение или хранение целого ряда перечисленных предметов и веществ, влечет

за собой привлечение к уголовной ответственности (например, по ст.ст. 222, 228 УК РФ). Эти аргументы позволяют нам предположить, что законодатель таким образом попытался восполнить пробел в правовом регулировании ОРД, предоставив тем самым право должностным лицам оперативных подразделений ОВД «осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан» в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений.

Однако, на наш взгляд, это не решение проблемы осуществления личного досмотра в ОРД. Прежде всего потому, что действие ФЗ о полиции распространяется только на ОВД, следовательно, иные органы, осуществляющие ОРД, вынуждены руководствоваться иными нормативными правовыми актами. Кроме того, п. 16 ст. 13 ФЗ о полиции содержит ограниченный перечень предметов и веществ, подлежащих изъятию в ходе досмотра, поэтому личный досмотр лиц в целях обнаружения и изъятия документов или денежных средств может быть оспорен адвокатом, оказывающим юридическую помощь. На наш взгляд оптимальным решением этой проблемы было бы включение в перечень прав оперативно-розыскных органов, установленный ст. 15 ФЗ об ОРД, права на осуществление личного досмотра граждан с указанием детальной процедуры его применения. Либо требуется более радикальное и правильное, на наш взгляд, решение об урегулировании этой процедуры (и не только этой!) в рамках Оперативно-розыскного кодекса [9, с. 121].

В актуальных условиях действующего законодательства, полагаем, личный досмотр следует рассматривать не как уголовно-процессуальное или административно-процессуальное действие, а как системный, составляющий элемент конкретного оперативно-розыскного мероприятия, логичным завершением

которого является обнаружение и изъятие в соответствии со ст. 15 ФЗ об ОРД, документов, предметов, материалов и сообщений. При этом досмотр одежды и вещей, имеющихся при задержанном лице, а также изъятие оформляются, как указано в ФЗ об ОРД, «в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации», т. е. в соответствии со ст. 166 УПК РФ. Можно долго пикироваться в юридическом споре относительно надлежащего субъекта, производящего досмотр, или обоснованности применения того или иного правового режима досмотра, но в условиях отсутствия оперативно-розыскного законодательного регулирования данного действия главное, на наш взгляд, это объективная и правильная, с процессуальной точки зрения, фиксация должностным лицом оперативного подразделения в протоколе действий, ограничивающих права граждан. Адвокат в свою очередь может удостоверить факт проведенного досмотра и изъятия, высказать замечания, обязательные для занесения в протокол. В последующем указанный протокол, а также иные материалы (например, произведенная должностным лицом видеозапись) позволят суду объективно оценить результат ОРМ и принять процессуальное решение о его допустимости. Именно на это оперативному сотруднику следует обратить внимание адвоката в случае возникновения спора о правомерности досмотра его доверителя, задержанного в результате проведенного ОРМ.

ОСМОТР МЕСТА ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ

Принимая во внимание, что заподозренное в совершении преступления лицо в момент своего задержания может сбросить компрометирующие его предметы и вещества или эти предметы и вещества находятся в помещении, на участке мест-

ности или в транспортном средстве, оперативные сотрудники обязаны провести осмотр указанных объектов в целях обнаружения и изъятия предметов, документов и веществ, свидетельствующих о причастности заподозренного лица к подготовке или совершению преступления. Без их обнаружения и изъятия проведение ОРМ нельзя считать законченным. Как и задержание, и личный досмотр, такое действие, как осмотр места проведения ОРМ, не является самостоятельным оперативно-розыскным мероприятием. Необходимо еще раз подчеркнуть, что все эти действия (задержание, личный досмотр и осмотр места проведения ОРМ) представляют собой составные и неотъемлемые элементы одного оперативно-розыскного мероприятия. Их результаты должны рассматриваться в совокупности и оцениваться как единый результат конкретного ОРМ, которое изначально проводилось негласно, а затем трансформировалось в гласную форму. Именно поэтому осмотр помещения, участка местности или транспортного средства, где проводился, например, оперативный эксперимент, нельзя оформлять как отдельное ОРМ «обследование...».

Для придания «процессуальности» результатам оперативно-розыскного осмотра, многие оперативные сотрудники на завершающем этапе ОРМ проводят следственное действие «осмотр места происшествия», в ходе которого изымают предметы, использованные при проведении негласного ОРМ (денежные средства, наркотики, оружие и т. п.). С таким подходом согласуется и позиция Верховного Суда Российской Федерации, который в определении от 7 декабря 2011 г. № 53-О11-67 указал, что фиксирование результатов оперативно-розыскной деятельности и их дальнейшее использование регламентируются не только ФЗ об ОРД, но и находящимися с ним в тесной взаимосвязи нормами уголовно-процессуального закона. И далее: «Из положений п. 1

ч. 1 и п. 2 ч. 2 ст. 40 УПК РФ следует, что органы, осуществляющие (согласно делу оперативного учета И. был исполнителем проведения оперативного эксперимента) оперативно-розыскную деятельность, обязаны (норма носит императивный характер) выполнить неотложные следственные действия. В соответствии с ч. 2 ст. 176 УПК РФ «в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела». С учетом требований ст.ст. 40 и 157 УПК России проведение осмотра места происшествия в сложившихся по настоящему уголовному делу условиях возлагается на исполнителя проведения оперативного эксперимента. Поэтому действия И., связанные с проведением осмотра места происшествия в ходе проведения оперативного эксперимента, являются законными»¹⁰.

Вместе с тем отдельные исследователи отмечают, что оперативные сотрудники при проведении оперативного эксперимента осуществляют подмену процессуальных действий и оформляют фактический обыск в помещении как осмотр места происшествия [10]. Полагаем, такого мнения придерживаются адепты концепции осмотра как «поверхностного оглядывания» места происшествия, не допускающие даже открывания двери шкафа, в котором может затаив дыхание прятаться преступник, ожидающий завершения «грамотного» процессуального осмотра. Однако, как справедливо заметил В. Ф. Луговик, неполноту и усеченность нормативной регламентации процедуры проведения ОРМ на практике приходится компенсировать правовыми суррогатами [3, с. 27]. Именно такое смешение правовых режимов (оперативно-розыскного, уголовно-процессуального и административно-правового) дезориентирует правоприменителя, вызывает протесты правозащитников и в итоге

затрудняет судебную оценку полученных результатов.

Такие ОРМ, как проверочная закупка, оперативное внедрение, контролируемая поставка и оперативный эксперимент, являются специфическими мероприятиями, являющимися, по существу, тактическими операциями, в ходе которых происходит выявление, пресечение и раскрытие совершаемого преступления. Мы солидарны с В. А. Лазаревой в том, что фиксация результатов таких ОРМ есть удостоверение факта совершения преступления, поэтому их результаты никакому преобразованию не поддаются: они либо принимаются, либо не принимаются в зависимости от того, законно или незаконно проведено оперативно-розыскное мероприятие [11]. Как справедливо заметил М. П. Поляков, результаты ОРМ «есть готовый информационный продукт», подлежащий последующей уголовно-процессуальной интерпретации [12].

В связи с этим полагаем, что до устранения отмеченного законодательного пробела осмотр места проведения ОРМ должен восприниматься исключительно как действие должностных лиц оперативных подразделений в рамках того ОРМ, которое изначально проводилось в отношении заподозренного лица. Данный осмотр выступает не обязательным (при отсутствии необходимости, он может и не проводиться), но органичным элементом завершающей стадии сложного по своей технологии негласного оперативно-розыскного мероприятия. Результаты такого осмотра являются составным элементом общего результата ОРМ, процесс проведения которого и его итоги оформляются одним общим протоколом.

На наш взгляд, роль адвоката, прибывшего на место проведения ОРМ и принявшего участие в его осмотре, заключается в наблюдении за поисковыми действиями

¹⁰ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2011 г. № 53-О11-67. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

оперативных сотрудников и объективной фиксации процедуры осмотра в протоколе ОРМ. В последующем адвокат, если им будут выявлены нарушения, может потребовать внесения своих замечаний в этот протокол и на стадии судебного рассмотрения заявить ходатайство о признании доказательств, сформированных на основе результатов ОРМ, недопустимыми.

ПОЛУЧЕНИЕ ПОЯСНЕНИЙ ОТ ЗАПОДОЗРЕННОГО ЛИЦА

После произведенного захвата заподозренного лица, его личного досмотра и (или) осмотра места проведения ОРМ, оперативные сотрудники, как правило, предлагают такому лицу дать пояснения относительно обнаруженных у него предметов преступного посягательства, орудий преступления, запрещенных веществ. Следует отметить, что данная «беседа» оперативного сотрудника и заподозренного лица является элементом проводимого негласного ОРМ, которое трансформировалось в гласное. В связи с этим все пояснения лица должны отражаться в протоколе одного из перечисленных негласных ОРМ (например, пояснения заподозренного в получении взятки лица при проведении оперативного эксперимента), и не имеют ничего общего с гласным ОРМ «опрос». Однако необходимо подчеркнуть, что до прибытия адвоката все полученные таким образом от лица показания изначально ничтожны. В данном случае показателен пример, который привел А. В. Чуркин: «При проведении оперативного эксперимента по факту получения взятки должностным лицом, когда последний получил предмет взятки, данное ОРМ из негласного трансформировалось в гласное, а проверяемое лицо было задержано с поличным. Не успев обдумать версию случившегося, проверяемое

лицо, отвечая на поставленные вопросы, дало чистосердечные показания, подтвердив версию взяткодателя и признав свою вину в содеянном в полном объеме. Данные обстоятельства были зафиксированы с помощью технических средств аудио- и видеозаписи. Однако в момент данного опроса адвокат отсутствовал» [13, с. 29]. Полагаем, что в этом случае полученные оперативно-розыскные материалы вряд ли возможно использовать в качестве уголовно-процессуальных доказательств, так как весьма вероятно, что они будут признаны судом недопустимыми.

Действительно, несмотря на неопределенный юридический статус «заподозренного в преступлении лица» [14], проведение его опроса допустимо исключительно в присутствии адвоката. Как указал Конституционный Суд РФ, конституционные нормы, обеспечивающие предоставление квалифицированной юридической помощи и право не свидетельствовать против себя самого, подлежат непосредственному действию с того момента, когда «выступающее в официальном качестве должностное лицо в ходе оперативно-розыскного мероприятия, осуществляемого в отношении гражданина, чьи конституционные права на свободу, личную неприкосновенность и свободу передвижения реально ограничены путем административного задержания, проводит его опрос, направленный на выявление фактов и обстоятельств, уличающих данного гражданина в совершении преступления, тем более, если он делает заявление о совершенном им преступлении»¹¹.

Таким образом, если заподозренному лицу, в отношении которого проводилось негласное ОРМ, после его захвата разъяснено право не свидетельствовать против себя самого (ст. 51 Конституции РФ) и право на квалифицированную

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 дек. 2005 г. 473-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ) и это лицо требует присутствия адвоката, то получение каких-либо пояснений от данного лица следует отложить до прибытия адвоката. Безусловно, адвокат может порекомендовать (и весьма вероятно порекомендует) своему доверителю воздержаться от пояснений, которые от него требуют оперативные сотрудники (например, по факту получения взятки при проведении оперативного эксперимента, сбыта обнаруженных наркотиков при проведении проверочной закупки, транспортировки выявленного оружия при контролируемой поставке и т. п.). В свою очередь полагаем, что оперативным сотрудникам и не следует требовать таких пояснений, потому что они не имеют юридического значения. Все усилия оперативных сотрудников должны быть направлены на фиксацию фактических обстоятельств на месте проведения ОРМ, связи предмета преступления и лица, заподозренного в его совершении, тогда как вербальную информацию от него можно будет получить в последующем при проведении ОРМ «опрос».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Привлечение адвоката к участию в проведении негласных ОРМ в отношении его доверителя объективно не представляется возможным ввиду того, что подобные действия непременно приведут к исключению элемента негласности в ОРД, что влечет отсутствие целесообразности проведения ОРМ и невозможность полноценного использования оперативно-розыскного инструментария.

2. В ходе проведения изначально негласных ОРМ, предполагающих непосредственный контакт оперативного сотрудника (или конфиденнта, действующего по его заданию) с лицом, заподозренным в совершении преступления, таких как проверочная закупка, оперативное внедрение, контролируемая поставка и опе-

ративный эксперимент, оперативные сотрудники, зафиксировав необходимую информацию, раскрывают свою принадлежность к правоохранительным органам и объявляют заподозренному лицу, что в отношении него проводится то или иное оперативно-розыскное мероприятие.

3. В процессе проведения перечисленных ОРМ, в случае принятия решения о расшифровке и гласной фиксации оперативно-розыскных результатов, оперативные сотрудники осуществляют ряд действий, ограничивающих права и свободы лиц, в отношении которых эти мероприятия проводятся. В частности, кратковременно ограничиваются: право на свободу передвижения; право пользоваться средствами связи; право на неприкосновенность жилища; право пользоваться и распоряжаться своим имуществом (зданиями, сооружениями, участками местности и транспортными средствами), в том числе находящимися при них предметами, вещами и документами.

4. С этого момента заподозренному лицу должна быть предоставлена возможность реализовать свое право на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ). В связи с этим оперативные сотрудники обязаны: 1) разъяснить лицу его конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи; 2) пригласить указанного лицом адвоката; 3) не препятствовать адвокату и обеспечить ему возможность присутствовать на месте проведения оперативно-розыскного мероприятия.

5. Все действия оперативных сотрудников, такие как задержание заподозренного лица, его личный досмотр и осмотр места проведения ОРМ, представляют собой составные и неотъемлемые элементы того оперативно-розыскного мероприятия, которое изначально проводилось негласно, а затем трансформировалось в гласную форму. В связи с этим процессуальное оформление

этих действий должно осуществляться единым протоколом этого ОРМ, а все полученные результаты должны рассматриваться в совокупности и оцениваться как единый результат конкретного оперативно-розыскного мероприятия.

Адвокат по прибытии может присутствовать на любой стадии гласной фиксации результатов ОРМ и в рамках оказания юридической помощи требовать соблюдения законности и внесения своих замечаний в протокол ОРМ.

Список литературы

1. Четчин А. Е. Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 125–134.
2. Семенцов В. А. О недопустимости использования в доказывании сведений, полученных при негласном опросе подозреваемого, обвиняемого // Уголовное право. 2018. № 4. С. 118–121.
3. Луговик В. Ф. Правовые суррогаты и принуждение в оперативно-розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 24–31.
4. Глушков М. Р. К вопросу об участии адвоката в гласных ОРМ // Адвокатская практика. 2015. № 3. С. 3–6.
5. Супрун С. В. Оперативно-розыскное задержание при проведении ОРМ «проверочная закупка» // Уголовный процесс. 2014. № 3 (111). С. 46–54.
6. Семенцов В. Задержание подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2010. № 1. С. 100–103.
7. Россинский С. Б. Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается... // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6 (91). С. 134–145. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.91.6.134-145>
8. Ксендзов Ю. Ю. Проблемы задержания до возбуждения уголовного дела // Право и политика. 2008. № 7. С. 1774–1778.
9. Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 109–135.
10. Максимов А. А. Условия обеспечения законности проведения оперативного эксперимента // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 57–59.
11. Лазарева В. А. Проблемы обеспечения прав лиц, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия, как условия допустимости использования полученных результатов в качестве доказательств по уголовному делу // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов всерос. круглого стола (3 нояб. 2011 г.) / сост. К. Б. Калиновский. СПб. : Петрополис, 2012. С. 155–165.
12. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : моногр. / под науч. ред. проф. В. Т. Томина. Н. Новгород : Нижегород. правовая акад., 2001. 260 с.
13. Чуркин А. В. Участие защитника в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (ссылик). 2009. № 2 (19). С. 24–29.
14. Мазюк Р. В. О заподозренном в рамках оперативно-розыскной деятельности и его праве на адвоката // Адвокатская практика. 2023. № 2. С. 30–34. DOI: <https://doi.org/10.18572/1999-4826-2023-2-30-34>

References

1. Chechetin A. Ye. The Actual Problems of a Person's Rights Support in the Operative Investigative Activity of the Criminal Investigation Department. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2019;1:125-134. (In Russ.)
2. Sementsov V. A. On Inadmissible Application in Proving of Data Obtained in the Course of a Covert Interview of a Suspect, Accused. *Criminal Law*. 2018;4:118-121. (In Russ.)
3. Lugovik V. F. Legal Surrogates and Coercion in Crime Detection. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 2017;2:24-31. (In Russ.)
4. Glushkov M. R. On the Issue of Participation of an Advocate in Public-Discovered Operational-Search Measures. *Advocate's Practice*. 2015;3:3-6. (In Russ.)
5. Suprun S. V. Detention During the Orm "Test Purchase". *Criminal Procedure*. 2014;3:46-54. (In Russ.)
6. Sementsov V. Detention of Suspekt at Stage of Institution of a Crimigal Case. *Criminal Law*. 2010;1:100-103. (In Russ.)
7. Rossinskiy S. B. Discussion About the Essence and Legal Nature of the Suspect's Detention Continues. *Actual Problems of Russian Law*. 2018;6:134-145. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.91.6.134-145> (In Russ.)

8. Ksendzov Y. Y. The Problems of Detention Before the Criminal Case Is Initiated. *Law and Politics*. 2008;7:1774-1778. (In Russ.)
9. Lugovik V. F. Crime Detection Code of the Russian Federation (the Author's Draft of the Federal Law). *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2015;1:109-135. (In Russ.)
10. Maximov A. A. Conditions for Ensuring the Legality of the Operational Experiment. *Russian Justice*. 2019;5:57-59. (In Russ.)
11. Lazareva V. A. Problems of Ensuring the Rights of Individuals Subject to Operational Search Measures as Conditions for the Admissibility of Using Obtained Results as Evidence in Criminal Cases. In: Kalinovskii K. B. (Comp.). *Constitutional and Legal Issues of Operational Search Activities*. St. Petersburg: Petropolis Publ.; 2012. P. 155–165. (In Russ.)
12. Polyakov M. P. *Criminal Procedural Interpretation of Operational Search Activities Results*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy Publ.; 2001. 260 p. (In Russ.)
13. Churkin A. V. Participation of an Attorney in Operational-Investigative Activity. *Field Investigator (Sleuth)*. 2009;2:24-29. (In Russ.)
14. Mazyuk R. V. On a Person Suspected Within the Framework of Criminal Intelligence and Surveillance Activities and His Right to an Attorney. *Advocate's Practice*. 2023;2:30-34. DOI: <https://doi.org/10.18572/1999-4826-2023-2-30-34> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Владимир Александрович Гусев, заместитель начальника Омской академии МВД России (по научной работе) (пр. Комарова, 7, Омск, 644092, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3185-532X>; e-mail: gusevva@mail.ru;

Евгений Викторович Герасименко, старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России (пр. Комарова, 7, Омск, 644092, Российская Федерация), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7562-4076>; e-mail: geras_ev@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir A. Gusev, Deputy Head of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (for scientific work) (7 Komarova pr., Omsk, 644092, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3185-532X>; e-mail: gusevva@mail.ru;

Evgeniy V. Gerasimenko, Senior Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies at the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (7 Komarova pr., Omsk, 644092, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7562-4076>; e-mail: geras_ev@mail.ru

Поступила | Received
21.03.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
02.04.2024

Принята к публикации | Accepted
16.04.2024

Оригинальная научная статья

Криминализация деяний в сфере добычи и оборота особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации

Е. В. Зазолина

Государственный университет «Дубна», Дубна, Российская Федерация

✉ elena_zazolina@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы установления уголовно-правовой ответственности за действия, связанные с уничтожением, незаконной добычей и оборотом особо ценных, редких и подлежащих охране объектов растительного мира. Приводятся данные официальной статистики о количестве совершаемых преступных деяний в области природопользования и охраны окружающей среды, наглядно отражающие состояние уголовно-правовой охраны и защиты объектов растительного мира. Автором в целях обоснования причин криминализации деяний, связанных с уничтожением, незаконным оборотом и добычей редких видов растений и грибов, приводятся конкретные примеры, демонстрирующие нарушение законодательства в области охраны объектов растительного мира. Проводится анализ действующего уголовного закона (в частности гл. 26 «Экологические преступления») на предмет выявления эффективности существующих мер в области уголовно-правовой защиты и охраны особо ценных и редких объектов растительного мира. На основе анализа данных судебной статистики установлено, что действующие нормы уголовного закона в части охраны объектов растительного мира (ст. 259 УК РФ) являются неэффективными и в большей части неработающими. Для повышения эффективности охраны и защиты особо ценных объектов растительного мира необходимо вводить новые правовые механизмы в целях сохранения и поддержания уникального биологического разнообразия в России. Дается характеристика состава преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 260¹ УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение, а равно незаконные добыча, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ». Особо отмечается, что с введением в действие ст. 260¹ УК РФ законодателем унифицирован подход к уголовно-правовой охране и защите объектов как животного мира, так и растительного мира, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ. Составы уголовных преступлений, ответственность за которые установлена ст. 260¹ УК РФ (а также санкции за них), сконструированы по аналогии со ст. 258¹ УК РФ. Делается вывод о целесообразности и необходимости криминализации в отечественном законодательстве деяний, связанных с добычей и оборотом особо ценных растений и грибов, занесенных в Красную книгу РФ. Автором вносятся предложения по совершенствованию уголовного законодательства в области установления ответственности, предусмотренной ст. 260¹ УК РФ.

Ключевые слова: криминализация, экологические преступления, растительный мир, Уголовный кодекс РФ, Красная книга РФ

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Зазолина Е. В. Криминализация деяний в сфере добычи и оборота особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 2. С. 238–250. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-238-250>. EDN: <https://elibrary.ru/hfrkex>

Original scientific article

The Criminalization of Activities Related To the Extraction and Trafficking of Particularly Valuable Plants and Fungi that Are Listed in the Red Book of the Russian Federation and/or Protected By International Treaties to Which the Russian Federation Is a Party

E. V. Zazolina

Dubna State University, Dubna, Russian Federation

✉ elena_zazolina@mail.ru

Abstract. The paper addresses the complexities surrounding the establishment of criminal liability for actions concerning the destruction, illegal extraction, and trafficking of particularly valuable, rare, and protected flora specimens. Official statistics data regarding the frequency of criminal acts committed in the realm of natural resource management and environmental protection are provided, offering a clear depiction of the state of legal protection and conservation efforts concerning flora specimens. To substantiate the rationale behind criminalizing acts pertaining to the destruction, illicit trafficking, and extraction of rare plant and fungi species, the author furnishes specific examples showcasing legislative violations in the realm of flora protection. An analysis of current criminal law, particularly Chapter 26 “Environmental Crimes”, is conducted to evaluate the efficacy of existing measures in safeguarding particularly valuable and rare flora specimens. Upon analyzing judicial statistics data, it has been determined that the current provisions of criminal law concerning the protection of flora specimens (Article 259 of the Criminal Code of the Russian Federation) are ineffective and largely unenforced. To enhance the effectiveness of protecting particularly valuable flora specimens, it is imperative to implement new legal mechanisms aimed at preserving and sustaining Russia's unique biological diversity. The article provides a description of the offense, for which liability is stipulated in Article 260.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: “Intentional destruction or damage, as well as illegal extraction, collection, and trafficking of particularly valuable plants and fungi species belonging to those listed in the Red Book of the Russian Federation and/or protected by international treaties of the Russian Federation”. It is especially noted that with the enactment of Article 260.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator has adopted a unified approach to the criminal law protection and preservation of both wildlife and plant species listed in the Red Book of the Russian Federation and/or protected by international treaties of the Russian Federation. The elements of criminal offenses (as well as sanctions for them), the responsibility for which is established by Article 260.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, are constructed by analogy with Article 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusion is made about the expediency and necessity of criminalization in domestic legislation of acts related to the extraction and trafficking of especially valuable plants and fungi listed in the Red Book of the Russian Federation. The author makes proposals to improve criminal legislation in the field of establishing liability provided for in Article 260.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminalization, environmental crimes, flora, Criminal Code of the Russian Federation, Red Book of the Russian Federation

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Zazolina E. V. The Criminalization of Activities Related To the Extraction and Trafficking of Particularly Valuable Plants and Fungi that Are Listed in the Red Book of the Russian Federation and/or Protected By International Treaties to Which the Russian Federation Is a Party. *Siberian Law Review*. 2024;21(2):238-250. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-238-250>. EDN: <https://elibrary.ru/hfrkex> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Значимость и актуальность вопросов рационального и устойчивого природопользования не нуждаются в специальном научном обосновании и отдельном аргументировании для подтверждения необходимости их всестороннего исследования и поиска возможных путей их решения. В настоящее время обеспечение экологической безопасности рассматривается в качестве одного из стратегических национальных приоритетов национальной безопасности РФ¹.

Экологические преступления как особый вид общественно опасных деяний составляют основную угрозу экологической безопасности нашей страны. За последние годы в России сформировалась тенденция к снижению числа преступлений в области природопользования и охраны окружающей среды. Так, по статистическим данным МВД России, за 2020 г. зарегистрировано 22 676 экологических преступлений, раскрыто за указанный период 10 918 преступлений; за 2021 г. зарегистрировано 20 289 экологических преступлений, раскрыто 10 432 преступления; за 2022 г. зарегистрировано 19 070 экологических преступлений, раскрыто 10 451 преступление².

Несмотря на приведенные цифры, свидетельствующие о незначительном снижении роста количества экологических преступлений, особую общественную опасность представляют высокий уро-

вень латентности, а также низкий процент раскрываемости этих преступлений, что может быть объяснено не только несовершенством существующих методик расследования, но и неопределенностью используемых терминов и понятий в диспозициях статей, включенных в гл. 26 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а также тем, что некоторые отдельные деяния, связанные с нарушением требований в области охраны окружающей среды и природопользования, требуют закрепления признаков этих деяний в уголовном законе и установления уголовной ответственности, т. е. криминализации.

В статье рассматриваются и анализируются причины, вызвавшие необходимость криминализации в отечественном законодательстве деяний, связанных с добычей и оборотом объектов растительного мира, подлежащих особой охране со стороны государства.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена прежде всего, интенсивной экологизацией отечественного законодательства, направленной прежде всего на внедрение управленческих решений (преимущественно правового характера) в сфере хозяйственной и иных видов деятельности человека, которые позволяют обеспечивать устойчивое и рациональное использование природных ресурсов, минимизацию негативного воздействия на окружающую среду и сохранение

¹ *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

² *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года* // Офиц. сайт М-ва внутр. дел Рос. Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677> (дата обращения: 15.10.2023).

биологического разнообразия. Второй фактор, свидетельствующий о значимости эколого-правовой составляющей в регулировании общественных отношений и обусловивший выбор тематики настоящей статьи, сопряжен с выполнением плана мероприятий³ (в частности пункта XI плана, предусматривающего реализацию мер по сохранению, в том числе редких и исчезающих видов растений) по реализации Стратегии экологической безопасности РФ на период до 2025 года⁴ (далее – Стратегия). К числу главных угроз экологической безопасности Стратегия относит такие явления, как сокращение биологического разнообразия, ухудшение качества (деградацию) земель и почв, сокращение количества видов растений (пп. 19, 20 Стратегии).

В целях достижения поставленных задач и целей исследования был проанализирован ряд научных работ по тематике, связанной с установлением ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды.

В научных трудах В. М. Шеншина [1], Ю. В. Надточий, М. Сиссоко [2], А. Н. Карпова [3], Ю. И. Бытко [4] рассматриваются основные направления в развитии уголовно-правовой политики России, в том числе особое внимание уделяется проблемным аспектам криминализации и декриминализации преступлений в сфере экологической безопасности. Исследования О. И. Цоколовой, Д. В. Осипова и Н. Е. Муженской [5], А. И. Зверевой [6], М. Ю. Карпухина [7], Е. А. Карпова [8] освещают проблемные точки уголовно-правового противодействия преступлениям, посягающим на экологическую безопасность от-

дельных компонентов природной среды. О. М. Калининой⁵ анализируется практика применения действующих норм, устанавливающих ответственность за экологические преступления.

Методологическая основа представлена формально-догматическим, диалектическим, логическим и историческим методами. Особое значение приобретает сочетание элементов формально-догматического и диалектического методов, которое находит свое отражение в правотворческой и правоприменительной деятельности при разрешении вопросов, связанных с квалификацией преступлений. Логический подход к анализу, систематизации и объяснению уголовно-правовых явлений сочетается с использованием приемов исторического метода исследования в познании и исследовании основных категорий и институтов уголовного права. Исторический аспект позволяет раскрыть и выявить реальное состояние науки уголовного права на определенном временном этапе развития общества, определить существующие недостатки и причины несовершенства уголовно-правовой политики, дать объективную оценку соответствия действующих уголовно-правовых понятий и категорий применительно к объективной реальности.

Структурно статья включает три части. Первая содержит анализ действующего законодательства в сфере охраны и защиты объектов растительного мира в части установления ответственности за экологические правонарушения/преступления. Во второй части исследуются причины криминализации в российском законодательстве деяний, связанных с добычей

³ *Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года* : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 29 мая 2019 г. № 1124-р (ред. от 29 сент. 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 41, ст. 7365.

⁴ *О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года* : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 19 апр. 2017 г. № 176 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 17, ст. 2546.

⁵ *Калинина О. М.* «Мертвые» нормы главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15, № 1. С. 45–48. DOI: <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2018-15-1-45-48>

и оборотом особо ценных объектов растительного мира. Третья часть содержит краткую уголовно-правовую характеристику состава преступления, ответственность за которое установлена ст. 260¹ УК РФ, а также анализ возможных трудностей при реализации норм указанной статьи на практике.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА

Область криминализации в сфере природопользования и охраны окружающей среды в действующем УК РФ достаточно широка и включает в себя такие компоненты природной среды как земля, недра, почвы, атмосферный воздух, лес, поверхностные и подземные воды, растительный и животный мир. Тем не менее, до последнего времени существовал пробел в уголовном законе в части установления ответственности за незаконную добычу и оборот объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу РФ.

Так, с 12 октября 2023 г. гл. 26 УК РФ дополнена новой статьей 260¹ «Умышленное уничтожение или повреждение, а равно незаконные добыча, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ».

Отметим, что в отношении уголовно-правовой охраны объектов растительного мира УК РФ предусматривает применение мер уголовной ответственности, установленных ст. 259 УК РФ «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу РФ» и ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений».

При этом ст. 259 УК РФ устанавливает ответственность в случае причинения

действий, непосредственно направленных на уничтожение или порчу местообитаний организмов, охраняемых законом и (или) занесенных в Красную книгу РФ. Обязательным последствием этого преступления является гибель популяций указанных организмов. Таким образом, законодатель, устанавливая меры уголовной ответственности по ст. 259 УК РФ, лишь только «косвенно» касается уголовно-правовой защиты организмов, занесенных в Красную книгу РФ.

В научной литературе имеет место точка зрения о неработающих нормах уголовного закона (в том числе и в отношении экологических преступлений), в ряду других к «мертвым» нормам можно отнести ст. 259 УК РФ. Как отмечают исследователи⁶, на практике ст. 259 УК РФ применяется очень редко. Об этом свидетельствуют данные судебной статистики Судебного департамента при ВС РФ. Согласно статическим данным правоприменительная практика по привлечению к ответственности по ст. 259 УК РФ за период 2018–2021 гг. отсутствует – не было вынесено ни одного обвинительного приговора, а за период с 2010 г. по 2017 г. имели место лишь единичные случаи привлечения лиц к уголовной ответственности по данной статье⁷. На практике применяется только ст. 260 УК РФ – установление уголовной ответственности за преступления, предметом которых являются лесные насаждения. Исходя из указанного выше, можно говорить о низком уровне эффективности существующих мер уголовно-правовой защиты особо ценных, редких, а также находящихся под угрозой исчезновения объектов растительного мира.

Здесь следует отдельно подчеркнуть, что действующее экологическое законодательство содержит ряд требований,

⁶ Калинина О. М. Указ. соч. С. 46.

⁷ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 15.10.2023).

связанных с установлением особого правового режима охраны редких и исчезающих видов объектов растительного мира.

Так, в соответствии с положениями базового кодифицированного акта экологического законодательства – Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 4 августа 2023 г.)⁸ (далее – Закон № 7-ФЗ), редкие и находящиеся под угрозой исчезновения растения, животные и другие организмы подлежат особой охране. Согласно указанного федерального закона деятельность, в результате которой происходит сокращение численности объектов животного и растительного мира запрещается. При этом, объекты животного и растительного мира (растения, животные и другие организмы), занесенные в красные книги подлежат полному изъятию из хозяйственного оборота. Этим же нормативным правовым актом (ст. 75 Закона № 7-ФЗ) за нарушения законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования установлены следующие виды ответственности – имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность.

В соответствии с утвержденной Стратегией основными задачами государственной политики в области экологии и природопользования являются совершенствование законодательства в области охраны окружающей среды, формирование организованной и эффективной системы органов и служб в целях обеспечения экологической безопасности, а также внедрение и расширение новых эффективных мер, направленных на сохранение и рациональное использование природных ресурсов, в том числе в отношении редких и исчезающих объектов растительного мира.

Таким образом, экологическое законодательство исходит из принципа едино-

образного подхода к установлению правовых мер охраны и защиты особо ценных объектов животного мира, водных биологических ресурсов, объектов растительного мира, занесенных в Красную Книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ.

Наше законодательство имеет уже опыт правоприменения и использования такого рода унифицированного подхода – он реализован при установлении административной ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования. Статьей 8.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) установлена административная ответственность за уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных или растений, занесенных в Красную книгу РФ либо охраняемых международными договорами. Санкции, предусмотренные ст. 8.35 КоАП РФ, установлены дифференцировано в зависимости от вида объекта (объект животного мира или растительного мира), который подвергся уничтожению.

Как было отмечено выше, до последнего времени в отечественном законодательстве отсутствовали эффективные механизмы уголовно-правовой охраны редких, исчезающих видов растений, занесенных в Красную Книгу РФ или охраняемых международными договорами РФ. Недостаточность уголовно-правовых механизмов стала основанием для введения норм об ужесточении правил обращения, оборота и добычи особо ценных объектов растительного мира. В качестве ожидаемых результатов криминализации указанных деяний в российском законодательстве законодатель прежде всего ставит повышение эффективности охраны и защиты объектов растительного мира, сохранение уникального биологического разнообразия России.

⁸ *Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 32, ч. 1, ст. 6183.*

**Причины, обусловившие
криминализацию деяний,
связанных с добычей и оборотом
особо ценных объектов
растительного мира**

В целях внесения соответствующих поправок в уголовный закон был разработан Законопроект № 231311-8 «О внесении изменений в УК РФ и статьи 150 и 151 УПК РФ» (в части установления уголовной ответственности за добычу и оборот объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу РФ)⁹ (далее – Законопроект № 231311-8). Инициаторами законопроекта выступила группа, в которую вошли из сенаторов РФ – А. В. Яцкин, А. А. Клишас, А. П. Майоров, И. В. Рукавишникова, Е. Б. Алтабаева и Д. Н. Кобылкин, П. В. Крашенинников, И. А. Панькина – из депутатов Государственной Думы РФ. Законопроектом предлагалось унифицировать подход к уголовной ответственности и установить на законодательном уровне запрет на сбор редких и исчезающих грибов и растений. Для обоснования законопроекта была представлена пояснительная записка, обосновывающая необходимость введения и принятия дополнительных мер уголовно-правовой охраны отдельных объектов растительного мира (особо ценных, находящихся под угрозой исчезновения).

В качестве одной из причин придания официально-установленного запрета на оборот некоторых особо ценных и редких видов (объектов) растительного мира разработчиками законопроекта указывается тот факт, что за последнее время резко возросло число случаев и масштабы уничтожения редких видов растений. В частности, эта проблема характерна для регионов РФ, которые являются местом произрастания эндемичных видов растений¹⁰ (территории Дальний Восток, горный Алтай, Крым).

В качестве яркого примера, иллюстрирующего объемы и масштаб преступных деяний, связанных с оборотом ценных и редких видов растений, занесенных в Красную книгу РФ, можно привести официальные данные Дальневосточной оперативной таможни. Так, в августе 2014 г. на таможенном посту МАПП «Пограничный» Уссурийской таможни сотрудниками таможни была пресечена попытка нелегального вывоза в Китай партии корней дикорастущего женьшеня¹¹ (примерный вес 4 кг)¹², в сентябре 2020 г. сотрудниками Дальневосточной оперативной таможни была предотвращена попытка контрабанды 711 корней дикорастущего женьшеня (весом примерно 8,5 кг) стоимостью почти 14 млн рублей¹³.

Непростая ситуация сложилась с охраной ценных растений на южных

⁹ О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ (в части установления уголовной ответственности за добычу и оборот объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации) : законопроект № 231311-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/231311-8?ysclid=lnsyzugdjc222215639> (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁰ Эндемичными называются виды растений, встречающиеся и характерные только в некоторой определенной области (районе, стране и т. п.) и не произрастающие нигде более.

¹¹ Корни женьшеня дикорастущего настоящего (*Panax Ginseng*) относятся к видам дикой флоры, занесены в Красную книгу России и Красную книгу Приморского края, попадают под действие конвенции СИТЕС, включены в перечень стратегически важных ресурсов флоры и фауны, необходимых для целей ст. 226¹ УК РФ, утвержденный постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2012 г. № 923.

¹² Дальневосточной оперативной таможней пресечена попытка контрабандного вывоза 4 кг дикорастущего женьшеня // Дальневост. тамож. управление. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/news/document/75154> (дата обращения: 16.10.2023).

¹³ Контрабанду корней женьшеня стоимостью почти 14 млн рублей пресекли сотрудники Дальневосточной оперативной таможни // Дальневост. тамож. управление. URL: <http://dvtu.customs.gov.ru/news/document/249098> (дата обращения: 16.10.2023).

территориях РФ (Крым, Севастополь). Вырубка можжевельника фисташки туполистной (*Pistacia mutica*) в Крыму и Севастополе в последнее время достигла поистине катастрофических размеров. При этом решить данную проблему действующими административными методами уже невозможно. Для квалификации этих деяний по ст. 260 УК РФ необходимым условием является критерий установления размера причиненного ущерба, а также алгоритм его расчета. Применительно к ст. 260 УК РФ понятие «значительности» нанесенного ущерба, причиненного этими деяниями, определяется исходя из количества вырубленного (в настоящее время минимальный «порог» значительности ущерба составляет не менее пяти тысяч рублей). При этом не во всех случаях размер и объем вырубки можно квалифицировать в качестве значительного, что в свою очередь делает невозможным привлечение виновных лиц к уголовной ответственности. Сложности квалификации деяния вследствие «незначительности» причиненного ущерба связаны с установленной методикой расчета возмещения вреда, регламентированной постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730¹⁴. Согласно указанной методике, объем древесины (уничтоженных, поврежденных или срубленных деревьев, кустарников, лиан) рассчитывается с применением сортиментных таблиц (по каждому из субъектов РФ) по первому разряду высот в коре. Использование такого подхода в большинстве случаев не позволяет даже большой объем уничтоженной или поврежденной древесины (растительности) квалифицировать в качестве значительного ущерба. Согласно заключению Государственной Думы, представленному к Законопроекту

№ 231311-8, приведены конкретные факты, иллюстрирующие объемы вырубки и уничтожения фисташки туполистной в г. Севастополе. Так, диаметры стволов фисташки туполистной находились в диапазоне от 15 мм до 70 мм, общий объем деревьев, которые были уничтожены составил 103 дерева. Приведенные характеристики растений (размер ствола), количество (объем) вырубленного не позволили квалифицировать размер уничтоженного (рощи фисташки туполистной) как значительный, что в свою очередь делает невозможным привлечение к уголовной ответственности виновных лиц. В соответствии с действующим законодательством (до 12 октября 2023 г., т. е. до вступления в силу ст. 260¹ УК РФ) за такие деяния была предусмотрена только административная ответственность по ст. 8.35 КоАП РФ. Исходя из установленных санкций по указанной статье (для физических лиц до 5 000 руб., на должностных лиц от 15 000 руб. до 20 000 руб., на юридических лиц – от 500 000 руб. до 1 000 000 руб.) можно говорить о неэффективных мерах защиты особо ценных объектов животного/растительного мира.

Рассматривая вопрос об установлении критериев, определяющих размер значительности причиненного ущерба растительному миру, можно говорить о несоответствии применяемого механизма определения объемов уничтоженного, поврежденного или срубленного ствола (объектов растительного мира) одному из принципов уголовного права – принципу справедливости, так как рассматриваемый механизм противоречит и не в полной мере учитывает общественную опасность деяний, связанных с уничтожением/повреждением объектов растительного мира. При этом,

¹⁴ Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 29 дек. 2018 г. № 1730 (ред. от 18 дек. 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 52, ч. 1, ст. 8847.

как указал ВС РФ в Решении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 23 июня 2021 г. № АКПИ21-391¹⁵ указанная точка зрения, построенная на выводе о несоответствии правового механизма, применяемого для определения объема уничтоженного, поврежденного или срубленного ствола, основным началам уголовного закона базируется на ошибочном толковании норм материального права. Таким образом, несоответствие положений действующей методики уголовному законодательству не может быть признано таковым в силу отсутствия нормативного правового акта, который имеет большую юридическую силу и устанавливает иной (отличный) порядок определения объемов уничтоженного, поврежденного или срубленного ствола дерева, повлекших ущерб растительному миру и окружающей среде в целом.

Таким образом, к основаниям для криминализации деяний, связанных с оборотом и добычей особо ценных объектов растительного мира, можно отнести:

1) совокупность обстоятельств и факторов, вызывающих необходимость как в пересмотре уже существующих уголовно-правовых механизмов охраны компонентов окружающей природной среды, так и в принятии новых правовых норм, направленных на установление запретов по осуществлению деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую среду и общество;

2) наличие положительной динамики в совершении деяний, связанных с оборотом «краснокнижных» объектов растительного мира, а также в распространности и масштабах преступной деятельности.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 260¹ УК РФ, И ВОЗМОЖНЫЕ СЛОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ СТАТЬИ 260¹ УК РФ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализ уголовно-правовой характеристики преступления, предусмотренного ст. 260¹ УК РФ, позволит раскрыть сущность (в том числе его социальную составляющую) преступного деяния, содержание признаков состава преступления, а также выявить возможные недочеты конструирования ст. 260¹ УК РФ. Вводя уголовную ответственность за добычу и оборот особо ценных растений и грибов, законодатель выбрал унифицированный подход в установлении уголовно-правовой защиты как объектов животного мира (ст. 258¹ УК РФ была введена в июле 2013 г.), а также объектов растительного мира, дополнив гл. 26 УК РФ новой статьей 260¹ «Умышленное уничтожение или повреждение, а равно незаконные добыча, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ». Состав преступления по ст. 260¹ УК РФ, а также санкции установлены по аналогии со ст. 258¹ УК РФ.

Структурно ст. 260¹ УК РФ включает четыре части, при этом части с третьей по шестую предусматривают наличие особых квалифицирующих признаков состава преступления. Статьей 260¹ УК РФ законодатель фактически ввел два новых состава преступления. Объективная сторона по части первой указанной статьи заключается в умышленном уничтожении, повреждении до степени прекращения роста, а также в осуществлении

¹⁵ Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими второго предложения абзаца третьего, абзаца четвертого пункта 2 приложения № 4 к Особенностям возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства, утв. Постановлением Правительства РФ от 29.12.2018 № 1730 : решение Судеб. коллегии по адм. делам Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 июня 2021 г. № АКПИ21-391. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

незаконной добычи, сборе, в приобретении, хранении, перевозке, продаже объектов растительного мира (в том числе их продуктов, частей и дериватов). Частью 1 ст. 260¹ УК РФ максимальный срок лишения свободы предусмотрен до 4 лет.

По части второй устанавливается ответственность за незаконный оборот (под которым следует понимать приобретение, продажу особо ценных объектов растительного мира) с указанием способа совершения преступления – с использованием средств массовой информации, либо с использованием информационных ресурсов (различного рода телекоммуникационных сетей). По части 2 ст. 260¹ УК РФ максимальный срок лишения свободы установлен до 5 лет. Субъект преступления по чч. 1 и 2 ст. 260¹ УК РФ – общий, т. е. вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Законодателем также введены квалифицирующие виды составов преступления, связанных с уничтожением, добычей, оборотом особо ценных объектов растительного мира. К ним относятся деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, с публичной демонстрацией (чч. 3, 4 ст. 260¹ УК РФ), а также деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (чч. 5, 6 ст. 260¹ УК РФ). За указанные деяния предусмотрены более строгие виды наказаний. Так например, санкция за совершение деяния с использованием своего служебного положения предусматривает лишение свободы на срок от трех до семи лет.

С субъективной стороны незаконный сбор и оборот ценных растений и грибов совершается только с прямым

умыслом. Последнее означает, что действия лица не могут быть квалифицированы по ст. 260¹ УК РФ в случае, если эти действия были совершены им по неосторожности.

Предмет преступления по всем частям ст. 260¹ УК РФ составляют особо ценные объекты растительного мира (растения и грибы), занесенные в Красную Книгу РФ и (или) охраняемые международными договорами РФ. Для целей правильной квалификации деяний по указанной статье и определения объекта растительного мира, на который направлено воздействие в ходе совершения преступления (т. е. предмета преступления), применяется постановление Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978¹⁶ (далее – Постановление № 978) с внесенными изменениями, вступившими в силу с 12 октября 2023 г. Так, согласно указанного документа в перечень особо ценных растений и грибов, занесенных в Красную Книгу РФ и (или) охраняемых международными договорами РФ, законодатель отнес небольшое количество объектов растительного мира: из растений – женьшень настоящий (*Panax ginseng*) и родиолу розовую (*Rhodiola rosea* (*Rhodiola arctica*)), из грибов – рядовка мацутакэ (*Tricholoma matsutake*).

При этом, по мнению Т. Ш. Атабаевой, выдвигалось предположение о том, что до вступления силу ст. 260¹ УК РФ, следует разработать и принять перечень видов особо ценных растений и грибов за уничтожение и оборот которых предусматривается ответственность по ст. 260¹ УК РФ [9, с. 49]. Фактически же, данный вопрос был решен внесением соответствующих поправок в Постановление № 978, т. е. законодатель «пошел» по модели

¹⁶ Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226¹, 258¹ и 260¹ Уголовного кодекса Российской Федерации : утв. постановление Правительства Рос. Федерации от 31 окт. 2013 г. № 978 (ред. от 5 окт. 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 42, ст. 7491.

сконструированной для ст. 258¹ УК РФ, ответственность по которой наступает в отношении только тех объектов животного мира, которые включены в утвержденный Постановлением № 978 перечень особо ценных представителей животного мира. Такой подход к определению и установлению предмета преступного посяательства по ст. 260¹ УК РФ может вызвать определенные проблемы при квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом, добычей и уничтожением особо ценных растений и грибов. В случае квалификации деяний за незаконный оборот и добычу «краснокнижных животных», не внесенных в перечень, установленный Постановлением № 978, может применяться п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ. Применительно к объектам растительного мира (за исключением деревьев, кустарников и лиан, являющихся предметом преступления по ст. 260 УК РФ) отдельной статьи в УК РФ не существует. В этом случае уголовная ответственность наступает по общим основаниям, предусмотренным ст. 260 УК РФ, как таковые «усиленные» меры ответственности за причиненный вред «краснокнижным» деревьям отсутствуют, т. е. расчет причиненного ущерба определяется исходя из существующих методик и такс на основе количественных данных, при этом экологическая ценность уничтоженных, поврежденных объектов не учитывается.

Отметим здесь, что остаются без эффективных механизмов защиты и неохваченными мерами правовой охраны растения, которые внесены в Красные Книги субъектов РФ, ведение которых законодательством отнесено к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ. Исходя из положений ст. 60 Закона № 7-ФЗ Красные книги субъектов РФ ведутся в целях осуществления охраны и учета объектов растительного/животного мира и других организмов, находящихся под угрозой исчезновения. Таким

образом, если следовать унифицированному подходу к установлению уголовно-правовой защиты объектов животного мира и объектов растительного мира, возникает вопрос о квалификации деяний в отношении «краснокнижных» растений, внесенных в Красные книги субъектов РФ. Так, для объектов животного мира предусмотрено наступление ответственности по п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ. В случае с растениями и грибами по факту может быть применена только административная ответственность. В целях унификации подходов в установлении защиты объектов животного и растительного мира считаем необходимым разработать и утвердить механизм защиты и охраны редких, исчезающих объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу РФ (не включенных в перечень, утвержденный Постановлением № 978), а также в Красные книги субъектов РФ. В качестве одного из вариантов – представляется возможным внесение изменений в действующий уголовный закон криминализируя незаконный оборот, уничтожение и повреждение объектов растительного мира (за исключением лесных насаждений, являющимися предметом преступления по ст. 260 УК РФ) по аналогии со ст. 258 УК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги настоящего исследования, выделим следующее.

Последние вносимые изменения в гл. 26 УК РФ, связанные с криминализацией добычи и оборота особо ценных видов растений и грибов, говорят о формировании системного подхода к законотворческой деятельности. Унификация мер уголовно-правовой защиты особо ценных, редких объектов животного и растительного мира является важным этапом развития и совершенствования уголовного закона. При этом необходимость в установлении дополнительных мер защиты

и охраны объектов растительного мира сформировалась относительно давно и требовала законодательного оформления и закрепления.

Отметим, что криминализация деяний, связанных с оборотом особо ценных, редких объектов растительного мира, является актуальной и своевременной новеллой УК РФ, направленной на исполнение задач, стоящих перед экологическим законодательством России. Тем не менее, как отмечалось выше, при реализации в практической деятельности вводимых нововведений существует вероятность возникновения проблем, связанных с ква-

лификацией деяний. В целях повышения качества и эффективности уголовного закона науке уголовного права следует учесть и доработать механизм охраны особо ценных и редких объектов растительного мира, расширив предметную область криминализации, а также сформулировать и утвердить критерии по применению ст. 260¹ УК РФ, например, в виде руководящих разъяснений Верховного Суда РФ. В противном случае велика вероятность возникновения новой неработающей «мертвой» нормы, устанавливающей ответственность за экологические преступления.

Список литературы

1. Шеншин В. М. Криминализация и пенализация экологических преступлений как методы реализации уголовно-экологической политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 98–101.
2. Надточий Ю. В., Сиссоко М. Современные тенденции уголовно-правовой политики в сфере экологической безопасности: проблемы криминализации и декриминализации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 133–148. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/133-148>
3. Карпов К. Н. Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (99). С. 133–140. DOI: <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-133-140>
4. Бытко Ю. И. Криминализация как важнейшая составляющая уголовной политики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 127–135.
5. Расследование экологических преступлений: руководство для следователя и дознавателя / под ред. О. И. Цоколовой, Д. В. Осипова, Н. Е. Муженской. М. : Проспект, 2018. 320 с. DOI: <https://doi.org/10.31085/9785392274079-2018-320>
6. Зверева А. И. Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов: характеристика и разграничение со смежными деликтами : моногр. / под ред. Ю. В. Грачевой. М. : Проспект, 2020. 200 с. DOI: <https://doi.org/10.31085/9785392305902-2019-200>
7. Карпунин М. Ю. Уголовно-правовая охрана объектов животного мира // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 5 (119). С. 76–81. DOI: <https://doi.org/10.34076/2410-2709-2020-5-76-81>
8. Карпов Е. А. Вопросы уголовной ответственности за незаконную охоту и незаконную добычу птиц и зверей, особо ценных диких животных, охота на которых полностью запрещена в Российской Федерации и за рубежом (сравнительное исследование) // Международное публичное и частное право. 2017. № 5. С. 28–31.
9. Атабаева Т. Ш. Новеллы УК РФ, предусматривающие ответственность за причинение вреда растениям и грибам, занесенным в Красную книгу, и проблемы их применения // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2023. № 1 (22). С. 48–53.

References

1. Shenshin V. M. Criminalization and Penalization of Ecology Crimes as Methods of Realization of Criminal Ecological Policy of Russia. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;3:98-101. (In Russ.)
2. Nadtochiy, Yu. V., Sissoko M. Modern Trends in Criminal Law Policy in the Field of Environmental Safety: Problems of Criminalization and Decriminalization. *Pacific Rim: Economics, Politics, Law*. 2021;2:133-148. DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/133-148> (In Russ.)
3. Karpov K. N. Criminalization and Decriminalization as Instruments of Social Control Over Persons Who Committed a Crime. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;3:133-140. DOI: <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-133-140> (In Russ.)

4. Bytko Yu. I. Criminalization as an Important Component of Criminal Policy. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2016;6:127-135. (In Russ.)
5. Tsokolova O. I., Osipov D. V., Muzhenskaya N. E. (Eds.). *Investigation of Environmental Crimes: a Guide for an Investigator and an Inquirer*. Moscow: Prospekt Publ.; 2018. 320 p. DOI: <https://doi.org/10.31085/9785392274079-2018-320> (In Russ.)
6. Zvereva A. I. Environmental Crimes Encroaching On the Safety of Water Bodies: Characteristics and Differentiation with Related Torts. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. 200 p. DOI: <https://doi.org/10.31085/9785392305902-2019-200> (In Russ.)
7. Karpukhin M. Yu. Problems of Law Enforcement in the Execution of Individual Business Contracts. *Russian Law: Education, Practice, Research*. 2020;5:76-81. DOI: <https://doi.org/10.34076/2410-2709-2020-5-76-81> (In Russ.)
8. Karpov E. A. Issues of Criminal Liability for Illegal Hunting and Illegal Recovery of Birds and Animals, Especially Valuable Wild Animals Hunting Which Is Fully Prohibited in the Russian Federation and Abroad (Comparative Research). *Public International and Private International Law*. 2017;5:28-31. (In Russ.)
9. Atabaeva T. Sh. Novelities of the Criminal Code of the Russian Federation, Providing For Liability for Harm to Plants and Fungi Listed In the Red Book, and Problems of Their Application. *Scientific Notes of the Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*. 2023;1:48-53. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Викторовна Зазолина, старший преподаватель кафедры юриспруденции Государственного университета «Дубна» (ул. Университетская, 19, Дубна, Московская область, 141981, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6032-4064>; e-mail: elena_zazolina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Zazolina, Senior Lecturer of the Department of Jurisprudence at the Dubna State University (19 Universitetskaya st., Dubna, Moscow region, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6032-4064>; e-mail: elena_zazolina@mail.ru

Поступила | Received
13.11.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
27.11.2023

Принята к публикации | Accepted
27.11.2023

Оригинальная научная статья

Правовой, объяснительный и экспертный потенциалы понятий, использованных законодателем при установлении запрета пропаганды ЛГБТ*

А. С. Медведева

*Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы
Министерства юстиции Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии
имени В. П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
✉ 98765_89@mail.ru*

Аннотация. В статье проанализированы новые понятия, введенные Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 478-ФЗ, такие как пропаганда нетрадиционных сексуальных предпочтений, педофилии и смены пола. Сформулирована цель: разобраться в значении упомянутых категорий и их потенциальном влиянии на правоприменительную практику и судебно-экспертную деятельность. Значение перечисленных терминов прежде всего рассматривается исходя из социокультурного контекста. Показано, что оценка степени традиционности сексуальных предпочтений и гендерно вариативного поведения осуществляется исключительно в рамках конкретного общества на основе существующих в нем правил и норм; сообщается, что отношение международного и российского общества к данным явлениям качественно различается. Отдельное внимание уделено анализу пропаганды рассматриваемых явлений. Отмечено, что в российском обществе пропаганда не всегда правильно трактуется, нередко ее подменяют категориями «оправдание» и «призыв», имеющими иное значение. В частности, рассмотрена категория «пропаганда педофилии», подчеркнут противоречивый характер результата совместного употребления данных номинаций: при условии понимания педофилии как расстройства сексуального предпочтения ее пропаганда невозможна. Исходя из данного логического рассогласования сделан вывод о возможной необходимости внесения изменений в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство. Предложено авторское определение трех рассматриваемых терминов; под пропагандой нетрадиционных сексуальных предпочтений, педофилии и смены пола автор статьи предлагается понимать убеждение массового адресата в правильности и целесообразности принятия соответствующих идей. Описаны возможности судебно-экспертной деятельности в контексте установления специальных признаков пропаганды рассматриваемых явлений, предложен трехэтапный алгоритм экспертного анализа: выявление основной темы спорного материала, авторского отношения и направленности на формирование у адресата готовности принять декларируемую автором точку зрения. Сформулирован общий вывод о том, что принятие закона о запрете пропаганды ЛГБТ требует дальнейшей совместной работы специалистов широкого профиля, направленной на поиск единого толкования нововведенных терминов, решение проблем клинико-диагностического и правового характера, разработку методического обеспечения правоприменительной и экспертной деятельности.

Ключевые слова: Интернет, несовершеннолетние, нетрадиционные сексуальные предпочтения, педофилия, пропаганда, смена пола, судебная экспертиза

Благодарности. Автор выражает благодарность профессору кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета

* Пропаганда ЛГБТ, педофилии и смены пола запрещена в России.

прокуратуры Российской Федерации кандидату юридических наук, доценту Елене Владимировне Елагиной за неоценимую помощь в подготовке настоящей статьи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Медведева А. С. Правовой, объяснительный и экспертный потенциалы понятий, использованных законодателем при установлении запрета пропаганды ЛГБТ // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 2. С. 251–262. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-251-262>. EDN: <https://elibrary.ru/ievzed>

Original scientific article

The Legal, Explanatory, and Expert Aspects of the Concepts Utilized By Lawmakers in Enacting the Prohibition of LGBT Propaganda*

A. S. Medvedeva

*North-Western Forensic Science Center, Saint Petersburg, Russian Federation
V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology
of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
✉ 98765_89@mail.ru*

Abstract. The article analyzes new concepts introduced by Federal Law No. 478-FZ of December 5, 2022, such as propaganda of non-traditional sexual preferences, pedophilia and gender reassignment. The aim is to comprehend the significance of the mentioned categories and their potential ramifications on law enforcement practices and forensic activities. The meaning of these terms is primarily considered based on the socio-cultural context. The assessment of the level of traditionalism regarding sexual preferences and gender-fluid behavior is conducted uniquely within specific societies, governed by their respective rules and norms. It is noted that the international and Russian societies hold qualitatively distinct attitudes toward these phenomena. Special attention is paid to the analysis of propaganda of the phenomena under consideration. It is noted that in Russian society, propaganda is not always correctly interpreted; often it is replaced by the categories of 'justification' and 'call to action,' which have different meanings. In particular, the category "pedophilia propaganda" is considered, the contradictory nature of the result of the joint use of these nominations is emphasized: if pedophilia is understood as a disorder of sexual preference, its propaganda is impossible. Based on this logical discrepancy, a conclusion is made about the possible need to amend criminal, criminal procedure and penal enforcement legislation. The author presents definitions for the three terms under discussion. Regarding the propaganda of non-traditional sexual preferences, pedophilia, and gender reassignment, the article's author proposes understanding it as the persuasion of the general audience in the validity and necessity of embracing corresponding ideologies. The potential for forensic expert engagement in detecting distinctive markers of propaganda related to the discussed phenomena is outlined. A three-stage algorithm for expert analysis is suggested: identifying the central theme of contentious content, discerning the author's stance and inclination towards shaping the audience's receptiveness to the declared viewpoint. The overarching conclusion is drawn that the enactment of laws prohibiting LGBT propaganda necessitates continued collaborative efforts among a diverse range of specialists. These efforts should be directed towards establishing a shared understanding of the new terms, addressing clinical, diagnostic, and legal challenges, and developing methodological frameworks to support law enforcement and expert activities.

Keywords: Internet, minors, non-traditional sexual preferences, pedophilia, propaganda, gender reassignment, forensic examination

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

* Russia prohibits the dissemination of propaganda related to LGBT issues, pedophilia, and gender reassignment.

Acknowledgements. The Author extends gratitude to Elena V. Elagina, Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensics at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, for her invaluable assistance in preparing this article.

For citation: Medvedeva A. S. The Legal, Explanatory, and Expert Aspects of the Concepts Utilized By Lawmakers in Enacting the Prohibition of LGBT Propaganda. *Siberian Law Review*. 2024;21(2):251-262. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-251-262>. EDN: <https://elibrary.ru/ievzed> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Для современных детей и подростков характерна высокая интернет-активность и социализация в условиях усиленной экспансии киберугроз. Информационное воздействие цифровой среды нередко приводит к травматизации психики несовершеннолетних онлайн-пользователей. В частности, существует большое количество интернет-ресурсов, некорректно разъясняющих вопросы гендерного соответствия, полового поведения и сексуальных предпочтений.

5 декабря 2022 г. вступили в силу федеральные законы № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и № 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»¹. Как указано в пояснительных записках к соответствующим законопроектам, целью выступает необходимость защиты детей и молодежи от деструктивной информации и сохранения демографического роста Российской Федерации. Одним из ключевых нововведений является понятие информации, пропагандирующей/демонстрирующей нетрадиционные сексуальные предпочтения, педофилию и смену пола. Указанные явления – предмет междисциплинарных исследований, они рассматриваются в рамках сексопатологии, медицинской психологии, права,

социологии и других наук, что породило множество точек зрения и концептуальных подходов. Однако нормативное закрепление перечисленных категорий требует их единого понимания и толкования, в связи с чем представляется необходимым разобраться в значении упомянутых категорий и их потенциальном влиянии на правоприменительную практику и судебно-экспертную деятельность.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОНЯТИЙ «НЕТРАДИЦИОННЫЕ СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ», «ПЕДОФИЛИЯ» И «СМЕНА ПОЛА» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Ввиду усиленной цифровизации общества, активного использования людьми сети Интернет сформировалось новое социокультурное пространство, в котором людям стало проще получить новую информацию, выразить свое личное мнение, позицию. Как отмечает А. И. Новиков, Интернет хранит в себе многообразие отношений культуры, многократно преломляя модели и идеалы человеческой деятельности; при этом он сам – совокупный результат этой деятельности [1, с. 77]. Иными словами, происходит усиленное влияние разных культур друг на друга с последующей трансформацией восприятия и поведения граждан. В условиях преимущественного пребывания людей в смешанной реальности нередко затрудняется дифференциация того, что является традиционным или нетрадиционным,

¹ Рос. газ. 2022. 8 дек.

нормальным или аномальным, принятым в культуре общества или порицаемым. Более того, сексуальное поведение человека отражает культурные нормы и социальные стереотипы не только общества, но и субгруппы, к которой он принадлежит [2, с. 190]. Законодательство той или иной страны в определенном смысле сдерживает подобную аккультурацию, четко определяя нормы поведения граждан.

В контексте сексуальных предпочтений людей осуществить градацию «традиционный – нетрадиционный» возможно только в рамках культуры конкретного общества, поскольку существуют разные традиции, в том числе в реализации сексуального поведения. Это можно проиллюстрировать следующим примером: беженец из Ирака после года проживания в США выдает замуж двух своих дочерей тринадцати и четырнадцати лет за иракских мужчин в возрасте двадцати восьми и тридцати четырех лет. Практика заключения браков в столь юном возрасте является обычной в Ираке, однако она незаконна в штате Небраска. Через две недели после заключения брака полиция арестовывает беженца и его супругу, предъявляет обвинение в жестоком обращении с детьми [3, с. 1696]. Данный случай был описан D. W. Sikora в 2001 г. В настоящее время следует обратить внимание на все возрастающую ориентацию современного международного общества на признание нормальности природы парафилий, в частности, сексуального влечения к детям, а также нормальности гендерно вариативного поведения и предпочтений [4; 5]. Например, в последние годы Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) ак-

тивно разрабатывала Международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем, одиннадцатого пересмотра (МКБ-11), переход на которую был рекомендован с 1 января 2022 г.² В числе положений данной классификации представлены парафилические расстройства, описание которых имплицитно допускает нормальность сексуального возбуждения, в том числе связанного с детьми, а ориентация на смену пола стала рассматриваться как проявление гендерного несоответствия [6, с. 15]. 6 июля 2022 г. ВОЗ заявила о выходе за рамки бинарного подхода к пониманию пола, что означает одобрение на мировом уровне всех форм проявления гендера и сексуального разнообразия [7, с. 151]. В пояснительной записке к Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» было указано, что в настоящее время в общемировом масштабе прослеживается тенденция к консолидации ЛГБТ-сообщества³, упрощению процедуры смены пола и навязчивой пропаганде (депатологизации) данных явлений⁴. При этом Россия нередко обвинялась в том, что ее национальные нормы ущемляют права представителей ЛГБТ и транссексуалов [7, с. 150].

Что касается традиций отечественной сексопатологии, то сексуальное поведение человека может полностью соответствовать возрастным и полоролевым онтогенетическим закономерностям популяции, осуществляться в результате свободного выбора и не ограничивать в свободном

² МКБ-11. Международная классификация болезней 11-го пересмотра // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://icd.who.int/ru> (дата обращения: 01.12.2022).

³ ЛГБТ-движение признано в России экстремистской организацией, его деятельность на территории России запрещена.

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений) : законопроект № 217471-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/217471-8> (дата обращения: 01.12.2022).

выборе партнера, т. е. являться «нормальным» [8, с. 31]. При этом субъект может иметь самые разные сексуальные предпочтения и контролировать их, не воплощая в своем поведении.

Согласно словарю существительное «предпочтение» является производным от глагола «предпочесть», т. е. «признать преимущество перед кем-нибудь/чем-нибудь, признать лучшим по сравнению с другими, выбрать»⁵. Таким образом, речь идет о психосексуальной направленности человека на какой-либо объект.

Если субъект длительно испытывает устойчивое сексуальное влечение, не соответствующее традиционно принятому в культуре, которой он принадлежит, начинает с определенной периодичностью выполнять аномальные действия (например, надевать одежду противоположного пола, демонстрировать свои половые органы незнакомым людям), ощущает дистресс при невозможности реализовать это, говорят о расстройствах сексуального предпочтения [8, с. 31–34].

В общепринятой международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, десятого пересмотра представлен перечень таких расстройств, называемых парафилиями (F65 по МКБ-10)⁶. К ним отнесена педофилия (F65.4), соответствующим образом отраженная в российском законодательстве как расстройство сексуального предпочтения (ст.ст. 79, 97 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), ст. 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), ст. 18 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ)). По мнению российских ученых, основной причиной формирования педофилии явля-

ется органическое поражение головного мозга [9, с. 143].

Кроме того, в МКБ-10 описан транссексуализм (F64.0, желание жить и восприниматься окружающими как лицо противоположного пола, обычно сопровождаемое ощущением дискомфорта от своего анатомического пола или чувством неуместности своей половой принадлежности; желание подвергнуться хирургическому вмешательству или получить гормональное лечение с тем, чтобы достичь, насколько это возможно, соответствия предпочитаемому полу), относимый к рубрике психических расстройств и расстройств поведения⁷. Результаты исследований показывают, что при транссексуализме, в настоящее время трактуемом как состояние рассогласования между биологическим полом и гендерной идентичностью, у женщин наблюдается преобладание маскулинного типа идентичности, у мужчин – фемининного типа идентичности [10, с. 148, 159].

Мнения авторов относительно необходимости создания в Российской Федерации социально-правового института смены пола расходятся. Некоторые считают, что страна пока не готова к подобным изменениям, поскольку среди населения нередко наблюдается отрицательное отношение к транссексуалам [11, с. 147] и необходимо сохранять традиционные нравственные ценности [7, с. 152], другие, напротив, считают важным максимально реализовать право человека распоряжаться своим телом [12].

ПРОПАГАНДА НЕТРАДИЦИОННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ, ПЕДОФИЛИИ И СМЕНЫ ПОЛА КАК ПРАВОНАРУШЕНИЕ

В российских реалиях сексуальное влечение к детям и смена пола

⁵ Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения: 30.11.2022).

⁶ *Расстройства сексуального предпочтения (F65)* // МКБ-10. Международная классификация болезней 10-го пересмотра. URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4358> (дата обращения: 01.12.2022).

⁷ *Расстройства половой идентификации (F64)* // МКБ-10. Международная классификация болезней 10-го пересмотра. URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4352> (дата обращения: 07.12.2022).

несовершеннолетним лицом недопустимы. Так, в марте 2012 г. в Закон «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» была включена статья 7² «Публичные действия, направленные на пропаганду педофилии», в соответствии с которой под публичными действиями, направленными на пропаганду педофилии, следует понимать деятельность в целях формирования в обществе искаженных представлений о соответствии социальным нормам интимных отношений между совершеннолетними и несовершеннолетними лицами⁸. В то время Григорий Явлинский выступил с критикой в адрес соответствующего законопроекта, поскольку использованные в нем термины «непонятны, а в случае трактовки пропаганды как призыва совершать действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних происходит фактическая замена уголовного наказания денежным штрафом, что развязывает преступникам руки»⁹. Политик обратил внимание также на неясность того, в чьей компетенции находится установление пропаганды.

Можно согласиться с тем, что употребленная в законе г. Санкт-Петербурга номинация «интимные» недостаточно конкретна, а высказывание «искаженных представлений о соответствии социальным нормам», скорее, свидетельствует об оправдании, чем о пропаганде. В то же время важно дифференцировать понятия «пропаганда» и «призыв», поскольку при-

нятие точки зрения и готовность действовать аналогичным образом как потенциальные результаты данных воздействий не тождественны.

Согласно общепринятому толкованию под пропагандой понимается широкое распространение в обществе и разъяснение каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения¹⁰. В законе понятие пропаганды преимущественно представлено в контексте противодействия экстремизму и терроризму (ч. 2 ст. 29 Конституции РФ, п. 6 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹¹, п. 1 ст. 14 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹², ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹³, ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹⁴, ст. 282⁴ УК РФ, ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и др.). Это обусловило становление практики производства комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз, в рамках которых носители специальных знаний решают вопрос о наличии/отсутствии в материалах совокупности лингвистических и психологических признаков пропаганды тех или иных взглядов, что предполагает установление их содержания и направленности на убеждение

⁸ Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге : закон г. Санкт-Петербурга : с изм. на 23 июля 2020 г. URL: <https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2020/08/20/15/891831166.pdf> (дата обращения: 29.11.2022).

⁹ Явлинский Г. Принятый депутатами Заксобрания Петербурга законопроект несостоятелен в правовом отношении и развязет руки педофилам : пресс-релиз. СПб., 1 марта 2012 г. // Партия Яблоко. URL: https://www.yabloko.ru/regnews/Spb/2012/03/01_1 (дата обращения: 29.11.2022).

¹⁰ Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений ... URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения: 30.11.2022).

¹¹ Рос. газ. 1997. 1 окт.

¹² Рос. газ. 1998. 5 авг.

¹³ Рос. газ. 2002. 30 июля.

¹⁴ Рос. газ. 2006. 10 марта.

адресата в правильности и целесообразности их принятия¹⁵.

Отдельного внимания требует категория «пропаганда педофилии». В МКБ-10 педофилия определяется как сексуальная тяга к детям, обычно препубертатного или раннего пубертатного возраста¹⁶. В МКБ-11 педофилическое расстройство (6D32) трактуется как устойчивое, целенаправленное и интенсивное сексуальное возбуждение, которое проявляется в постоянных сексуальных мыслях, фантазиях, влечениях или поведении, связанных с детьми препубертатного возраста (для того, чтобы его диагностировать, человек должен действовать в соответствии с этими мыслями, фантазиями или побуждениями или испытывать от них сильное расстройство)¹⁷. Таким образом, фраза «пропаганда педофилии» звучит абсурдно, поскольку нельзя убедить человека целенаправленно приобрести данное расстройство, как и заболеть конкретной болезнью. Очевидно, что в российском обществе термин «педофилия» переносится из медицинского поля в правовое и социокультурное, приобретая новое значение.

Представители Американской психиатрической ассоциации разграничивают педофилию как расстройство и педофилический интерес на основании наличия или отсутствия совершения сексуально ориентированных действий в отношении детей в анамнезе [6, с. 19]. Однако известно, что сексуальные действия в отношении детей могут совершаться людьми без диагноза педофилии [13], в связи с чем американская градация вызывает сомнения. В словаре педофилия определена как половое извращение, заключающееся в половом

влечении к детям¹⁸, но и здесь наблюдается логическое рассогласование: извращение (не извращенность) предполагает реализацию сексуальных действий и не может заключаться просто во влечении.

На данный момент вопрос толкования термина «педофилия» в текущем социокультурном контексте представляется трудноразрешимым, требует проведения масштабных социальных опросов и получения комментариев со стороны специалистов в области права и сексопатологии. Например, В. В. Колбасин предлагает придерживаться уточнения «криминальная педофилия» [14, с. 173], что тоже представляется не совсем подходящим решением: слово «криминальная» имплицитно допускает как существование некой классификации педофилий, так и наличие педофилии некриминального свойства. Вероятно, следует придерживаться термина «педофилическое расстройство» для обозначения медицинского диагноза, а педофилию рассматривать как один из диагностических критериев: наличие недопустимого полового влечения, сексуальных мыслей, фантазирования, возбуждения и действий, объектом которых выступают дети. Такая трактовка требует внесения серьезных изменений, в частности, в ст.ст. 79, 97 УК РФ, ст. 196 УПК РФ, ст. 18 УИК РФ.

Таким образом, основываясь на имеющихся в науке и практике дефинициях, можно предложить три определения.

1. Пропаганда нетрадиционных сексуальных предпочтений может пониматься как убеждение в правильности и целесообразности принятия идеи о том, что наилучшими объектами сексуального влечения

¹⁵ Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.

¹⁶ Расстройства сексуального предпочтения (F65) ...

¹⁷ 6D32 Pedophilic disorder // ICD-11 for Mortality and Morbidity Statistics. URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en#/http://id.who.int/icd/entity/517058174> (дата обращения: 09.12.2022).

¹⁸ Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М. : Азбуковник, 2003.

выступают те, которые в культуре российского общества таковыми не являются.

2. Пропаганда «педофилии» может быть определена как убеждение в правильности и целесообразности принятия идеи о том, что дети являются преимущественным объектом полового влечения, сексуальных мыслей, фантазирования, возбуждения и действий. Номинация «педофилия» употреблена в кавычках, поскольку вопрос о приведении к единообразию медицинской и юридической терминологических баз пока не решен.

3. Пропаганда смены пола может трактоваться как убеждение человека в неправильности его половой принадлежности, в связи с чем ему необходимо изменить пол путем хирургического вмешательства и/или гормональной терапии.

Возможности судебной экспертной деятельности по делам, связанным с пропагандой нетрадиционных сексуальных предпочтений, педофилии и смены пола

В соответствии с принятыми федеральными законами № 478-ФЗ и № 479-ФЗ подобная пропаганда запрещается в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях (в том числе сети Интернет), кинофильмах, рекламе, каких-либо изображениях или описаниях, – любых источниках, доступных для просмотра и чтения. В подобных ситуациях пропаганда реализуется с помощью публичных речевых и коммуникативных действий, следовательно, она может быть выявлена экспертным путем в результате обнаружения совокупности ее специальных лингвистических и психологических признаков.

По аналогии с комплексными судебными психолого-лингвистическими экспертизами по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, алгоритм анализа может включать несколько этапов.

Прежде всего в спорном материале должна быть выявлена тема – та мысль, которая вербально или невербально доносится до аудитории (о педофилии, сексуальных предпочтениях, смене пола), что коррелирует с запретом на демонстрацию перечисленных явлений. Обнаружение темы возможно в результате так называемого семантического протоколирования, предполагающего анализ каждой коммуникативной единицы текста. В случае появления в Сети материала, предположительно направленного на пропаганду педофилии, нетрадиционных сексуальных предпочтений и/или смены пола, можно спрогнозировать основную проблему, которая возникнет у правоприменителя и обусловит назначение комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы. Речь идет о ситуации, когда тема выражена имплицитно, ее содержание маскируется. Иными словами, трудно сказать, идет ли в принципе речь о рассматриваемых явлениях. Это обязывает выяснить соотносимые с научными данными маркеры, которыми могут быть обозначены педофилия, нетрадиционные сексуальные предпочтения и смена пола. Можно рассмотреть несколько примеров.

Известно, что лица с сексуальным интересом к несовершеннолетним в сети Интернет для конспирации используют специальные кодовые обозначения (например, “little things”, “cheese pizza”, изображение куска пиццы¹⁹), облегчающие идентификацию друг друга и сокрытие своих запрещенных интересов от посторонних лиц²⁰. Следовательно, при анализе

¹⁹ Данные общепотребительные номинации используются с целью маскировки указания на детскую порнографию (“cheese pizza / С.Р.” = “child porn”) с постепенным расширением до использования, в частности, желтого цвета и объектов, окрашенных в него (солнце, цветок и др.).

²⁰ Символика педофилов // Мониторинговый центр по выявлению опасного и запрещенного законодательством контента. URL: <https://www.pedofilov.net/news/russia/simvolika-pedofilov/> (дата обращения: 10.02.2023).

спорного материала следует обращать внимание на подобную маскировку, если она имеется. Кроме того, согласно результатам научных исследований люди с педофилией нередко приписывают ребенку качества взрослых людей или наделяют образ взрослого выраженными чертами инфантилизма [15, с. 107]. В контексте пропаганды педофилии спорный материал может содержать изображения или описания взрослых и детей без четкой и адекватной дифференциации детских и взрослых образов по сексуальной зрелости.

После однозначного определения темы спорного материала экспертами может быть установлено, привлекается ли внимание массового адресата к тому, что рассматриваемые явления правильные, справедливые, полезные, необходимые. Важно оценить позиционируемое автором материала отношение к педофилии, нетрадиционным сексуальным предпочтениям и смене пола; в ситуации пропаганды они должны убедительно преподноситься как единственно верные и соответствующие потребностям аудитории. На заключительном этапе экспертного исследования определяется направленность на изменение мнения людей и формирование готовности принять декларируемую точку зрения, а именно: происходит убеждение в правильности и целесообразности принятия идеи о том, что наилучшими объектами сексуального влечения выступают те, кто в культуре российского общества таковыми не являются (в частности, несовершеннолетние), или о том, что половая принадлежность адресата ошибочна, ситуация требует хирургического вмешательства и/или гормональной терапии.

Важно добавить, что производство судебных психологических экспертных исследований представляет особо слож-

ный вид профессиональной деятельности, а их результаты имеют высокую значимость для расследования преступлений. По этой причине в 2021 г. было принято решение, что психологические экспертизы могут выполняться только государственными судебными экспертами, прошедшими специализированную подготовку и с определенной периодичностью подтверждающими свою компетентность²¹. Соответственно, и судебная лингвистическая экспертиза проводится государственными судебными экспертами-лингвистами, поскольку находится в комплексе с психологической.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам анализа правового, объяснительного и экспертного потенциала понятий «пропаганда нетрадиционных сексуальных предпочтений», «пропаганда педофилии» и «пропаганда смены пола», введенных рассматриваемыми законами в 2022 г., можно сформулировать несколько выводов. Совокупное (смысловое, правовое, морально-этическое и др.) значение каждой из указанных категорий проявляется лишь в культуре конкретного общества, в котором они существуют; в настоящее время в международном сообществе присутствует тенденция к признанию нормальности природы расстройств сексуальных предпочтений и гендерно вариативного поведения, в то время как в Российской Федерации отмечается деструктивность подобной информации и необходимость запрета ее пропаганды. Вместе с тем в российском обществе существует недостаточно четкая дифференциация понятий «пропаганда», «оправдание» и «призыв» по их значению, существует путаница в их использовании. Значимым и острым остается вопрос о том, что такое педофилия. Если раньше она однозначно понималась как расстройство

²¹ *Об утверждении перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями* : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 16 нояб. 2021 г. № 3214-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сексуального предпочтения, то нововведенная категория «пропаганда педофилии» порождает противоречие, устранение которого требует однозначного толкования и понимания педофилии, внесения изменений в ст.ст. 79, 97 УК РФ, ст. 196 УПК РФ, ст. 18 УИК РФ либо пересмотра формулировок Федеральных законов № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и № 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Под пропагандой автор статьи предлагает понимать убеждение массового адресата в правильности и целесообразности принятия каких-либо идей: в случае нетрадиционных сексуальных предпочтений – о том, что наилучшими объектами сексуального влечения выступают те, кто в культуре российского общества таковыми не являются; в ситуации смены пола – о неправильности половой принадлежности человека, требующей изменить пол путем хирургического вмешательства и/или гормональной терапии; при пропаганде педофилии – идеи о том, что дети

являются преимущественным объектом полового влечения, сексуальных мыслей, фантазирования, возбуждения и действий. В случае пропаганды признаки подобного убеждения будут существовать в публичных речевых и коммуникативных действиях, как следствие, их можно выявить в результате производства комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы.

Подводя итоги, можно сказать, что принятие 5 декабря 2022 г. Федеральных законов «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» свидетельствует об ориентации государства на максимальную защиту здоровья и нравственности граждан, что требует вовлечения специалистов широкого профиля в процесс решения проблем клинко-диагностического и правового характера, приведения к единообразию медицинской и юридической баз, а также разработки методического обеспечения правоприменительной и экспертной деятельности.

Список литературы

1. Новиков А. И. Политическая коммуникация в интернете: новое культурное пространство и трансформация практик // Коммуникология. 2018. Т. 6, № 2. С. 74–84. DOI: <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2018-6-2-74-84>
2. Серов А. Д. Оценка когнитивных искажений в сфере сексуальности у лиц, совершивших половые преступления против несовершеннолетних // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. № 3. С. 188–196. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Serov.phtml> (дата обращения: 01.12.2022).
3. Sikora D. W. Differing Cultures, Differing Culpabilities? A Sensible Alternative: Using Cultural Circumstances as a Mitigating Factor in Sentencing // Ohio State Law Journal. 2001. Vol. 62, iss. 5. P. 1695–1728.
4. Green R. Is Pedophilia a Mental Disorder? // Archives of Sexual Behavior. 2002. Vol. 31, iss. 6. P. 467–471. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1020699013309>
5. Seto M. C. Is Pedophilia a Sexual Orientation? // Archives of Sexual Behavior. 2012. Vol. 41, iss. 1. P. 231–236. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10508-011-9882-6>
6. Демидова Л. Ю., Каменсков М. Ю. Диагностические критерии педофилии – клинические, правовые и социокультурные проблемы // Психология и право. 2014. № 4. С. 14–22.
7. Зубарева О. Г., Ступина Н. В. Этико-правовые аспекты смены социального и (или) биологического пола: последние тенденции российского и зарубежного законодательства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 144–153. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-144-153>
8. Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. 2-е изд., испр. и доп. М. : БИНОМ, 2015. 648 с.

9. Вартанян Г. А. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних: судить или лечить? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. № 3. С. 140–150. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.312>

10. Дворянчиков Н. В., Макавьева В. Н., Новикова З. Д. Специфика полового самосознания у лиц с расстройствами половой идентичности при расстройствах личности и трансгендерности // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7, № 1. С. 147–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070111>

11. Лосяков А. В. Правовое регулирование смены (изменения) пола в Российской Федерации и в мировой практике // Вестник международного юридического института. 2019. № 2 (69). С. 140–148.

12. Смирнов А. М. К вопросу о праве человека на смену пола в контексте реализации соматических прав человека // Дневник науки. 2019. № 1 (25). С. 55.

13. Педофилия: основные криминальные черты : моногр. / Ю. М. Антонян, М. В. Гончарова, О. Н. Гусева [и др.] ; под ред. Ю. М. Антоняна. М. : Проспект, 2012. 304 с.

14. Колбасин В. В. Педофилия как юридический термин (криминальная педофилия) // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 2. С. 169–174. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.23>

15. Измененное восприятие возраста при педофилии / педофильном расстройстве / Л. Ю. Демидова, Н. В. Зобнина, Н. В. Дворянчиков, Г. Е. Введенский, М. Ю. Каменсков, Д. М. Купцова // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9, № 1. С. 104–120. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090106>

References

1. Novikov A. I. Political Communication Online: a New Cultural Space and the Transformation of Practices. *Communicology*. 2018;6(2):74-84. DOI: <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2018-6-2-74-84> (In Russ.)

2. Serov A. D. Evaluation of Cognitive Sexual Distortions in Persons Who Have Committed Sex Crimes Against Minors. *Psychological Science and Education psyedu.ru*. 2014;3:188-196. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Serov.phtml> (accessed: 01.12.2022). (In Russ.)

3. Sikora D. W. Differing Cultures, Differing Culpabilities? A Sensible Alternative: Using Cultural Circumstances as a Mitigating Factor in Sentencing. *Ohio State Law Journal*. 2001;62(5):1695-1728.

4. Green R. Is Pedophilia a Mental Disorder? *Archives of Sexual Behavior*. 2002;31(6):467-471. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1020699013309>

5. Seto M. C. Is Pedophilia a Sexual Orientation? *Archives of Sexual Behavior*. 2012;41(1):231-236. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10508-011-9882-6>

6. Demidova L. Yu., Kamenskov M. Yu. Diagnostic Criteria for Pedophilia: Clinical, Legal and Socio-Cultural Issues. *Psychology and Law*. 2014;4:14-22. (In Russ.)

7. Zubareva O. G., Stupina N. V. Ethical and Legal Aspects of the Change OF Social and (or) Biological Sex: Recent Trends in Russian and Foreign Legislation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;3:144-153. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-144-153> (In Russ.)

8. Tkachenko A. A., Vvedenskii G. E., Dvoryanchikov N. V. *Forensic Sexology*. 2nd ed. Moscow: BINOM Publ.; 2015. 648 p. (In Russ.)

9. Vartanyan G. A. Sexual Crimes Against Children: To Judge or To Treat? *Vestnik of Saint Petersburg University. Seria 16. Psychology. Education*. 2016;3:140-150. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.312> (In Russ.)

10. Dvoryanchikov N. V., Makavieva V. N., Novikova Z. D. Specificity of Sexual Self-Awareness in Subjects with Sexual Identity Disorder with Personality Disorders and Transsexualism. *Clinical Psychology and Special Education*. 2018;7(1):147-162. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070111> (In Russ.)

11. Losyakov A. V. Legal Regulation of Change of the Sex in the Russian Federation and in World Practice. *Bulletin of the International Law Institute*. 2019;2:140-148. (In Russ.)

12. Smirnov A. M. To the Question of Human Right To Change the Floor in the Context of the Implementation of Somatic Human Rights. *Dnevnik Nauki*. 2019;1:55. (In Russ.)

13. Antonyan Yu. M., Goncharova M. V., Guseva O. N. et al. *Pedophilia: the Main Criminal Features*. Moscow: Prospekt Publ.; 2012. 304 p. (In Russ.)

14. Kolbasin V. V. Pedophilia as a Legal Term (Criminal Pedophilia). *Legal Concept = Pravovaya Paradigma*. 2021;20(2):169-174. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.23> (In Russ.)

15. Demidova L. Yu., Zobnina N. V., Dvoryanchikov N. V., Vvedensky G. E., Kamenskov M. Yu., Kuptsova D. M. Altered Perception of Age in Pedophilia and Pedophilic Disorder. *Clinical Psychology and Special Education*. 2020;9(1):104-120. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090106> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Сергеевна Медведева, ведущий государственный судебный эксперт Северо-Западного регионального центра судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации (ул. Некрасова, 8, Санкт-Петербург, 191000, Российская Федерация), старший научный сотрудник Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (Кропоткинский пер., 23, Москва, 119034, Российская Федерация), кандидат психологических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>; e-mail: 98765_89@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna S. Medvedeva, Leading State Forensic Expert at the North-Western Forensic Science Center (8 Nekrasova st., St. Petersburg, 190000, Russian Federation), Senior Researcher of V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation (23 Kropotkinskii lane, Moscow, 119034, Russian Federation). Candidate of Psychological Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>; e-mail: 98765_89@mail.ru

Поступила | Received
16.02.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
11.01.2024

Принята к публикации | Accepted
23.01.2024

Оригинальная научная статья

Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства

О. С. Морозова

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация
✉ olga283m@mail.ru

Аннотация. Одна из основных задач уголовно-процессуального законодательства, наряду с установлением порядка производства по уголовному делу, заключается в точном определении правового статуса и процессуальных возможностей субъектов уголовно-процессуальных отношений, т. е. установлении пределов их прав и обязанностей. В связи с этим необходимо особое внимание уделять характеристике субъектного состава уголовного судопроизводства через создание плана совершенствования их места, роли и процессуального статуса. Цель исследования заключается в анализе правовых проблем, имеющих отношение к реализации рядом участников уголовного судопроизводства своих процессуальных возможностей, и определении путей совершенствования субъектного состава уголовного досудебного производства. В статье рассматриваются вопросы, связанные с процессуальным положением следователя и его взаимодействием с процессуальным руководителем и прокурором. Особое внимание уделяется процессуальному статусу лица, в отношении которого производится проверка сообщения о преступлении, раскрывается проблема осуществления уголовного преследования при проверке сообщения о преступлении, исследуются роли и функции педагога и психолога. Кроме того, автор обосновывает идею расширения круга участников досудебных стадий. Методологическую основу работы составили положения общенаучного метода познания, такие как формально-логический, обобщение, анализ, описание, методы общей теории права, уголовного процесса, криминалистики, психологии, педагогики, логики и других наук. В результате были сделаны следующие выводы. При исследовании основных вопросов усовершенствования процессуального статуса участников досудебного производства автор предлагает учитывать следующие положения: распределение ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора в пользу последнего и создание единой формы предварительного расследования; вовлечение подозреваемого на стадии возбуждения уголовного дела; уточнение цели и роли участия в деле педагога и психолога; расширение субъектного состава за счет надления индивидуальным процессуальным статусом заявителя.

Ключевые слова: участники, субъектный состав, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, подозреваемый, педагог, психолог, заявитель

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Морозова О. С. Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 2. С. 263–273. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-263-273>. EDN: <https://elibrary.ru/ihspzw>

Original scientific article

Optimization of the Composition of Participants in Criminal Pre-Trial Proceedings

O. S. Morozova

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ olga283m@mail.ru

Abstract. Alongside establishing the procedure for criminal proceedings, a primary objective of criminal procedure legislation is to precisely define the legal status and procedural powers of participants in criminal procedure relations. This involves setting the boundaries of their rights and obligations. Accordingly, particular emphasis should be placed on delineating the subject matter of criminal proceedings by devising a plan to enhance their position, role, and procedural status. The aim of the study is to scrutinize legal issues concerning the exercise of procedural powers by various participants in criminal proceedings and to explore avenues for enhancing the composition of criminal pre-trial proceedings. The article delves into matters concerning the procedural role of the investigator and examines their interaction with the procedural leader and the prosecutor. Special attention is paid to the procedural status of the person in respect of whom a crime report is being checked, the problem of criminal prosecution when checking a crime report is revealed, the roles and functions of an educator and a psychologist are investigated. In addition, the author substantiates the idea of expanding the range of participants in the pre-trial stages. The methodological framework of this work encompasses principles from the general scientific method of cognition, including formal logic, generalization, analysis, and description. It also draws upon methodologies from the fields of general theory of law, criminal procedure, criminology, psychology, pedagogy, logic, and other related sciences. As a result, the following conclusions were drawn. When exploring the primary issues concerning the enhancement of participants' procedural status in pre-trial proceedings, the author proposes considering the following provisions: shifting departmental procedural oversight and prosecutorial supervision in favor of the latter and establishing a unified format for preliminary investigation; engaging the suspect at the initial stage of a criminal case; elucidating the purpose and function of involvement by educators and psychologists in the case; broadening the subject composition by granting individual participants procedural petitioner status.

Keywords: participants, subject matter, investigator, head of the investigative body, prosecutor, suspect, educator, psychologist, applicant

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Morozova O. S. Optimization of the Composition of Participants in Criminal Pre-Trial Proceedings. *Siberian Law Review*. 2024;21(2):263-273. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-2-263-273>. EDN: <https://elibrary.ru/ihspzw> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Повышение эффективности государственной функции контроля преступности и усиление гарантий прав и законных интересов личности всегда выделялись в качестве приоритетного направления законотворческой и правоприменительной деятельности в Российской Федерации.

Особое место в этом процессе занимает уголовно-процессуальное право, роль которого, наряду с определением порядка производства по уголовному делу, заключается также в точном установлении правового статуса участников уголовно-процессуальных отношений. Это в свою очередь требует четкого нормативного закрепления необходимых характеристик

субъектного состава уголовного судопроизводства через создание программы его оптимизации, что имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

В связи с этим вопросы оптимизации субъектного состава уголовного досудебного производства следует рассматривать через систему участников, которая должна основываться на целях, поставленных перед ними, их функциональном назначении и наличии у них комплекса процессуальных возможностей. В упомянутую систему входят: 1) участники – представители государства, от его имени и по его поручению ведущие уголовный процесс; 2) участники, имеющие и реализующие свой интерес в уголовном процессе, а также защищающие или представляющие их интерес; 3) участники, выполняющие вспомогательную функцию в уголовном досудебном производстве; 4) участники, процессуальный статус которых в УПК РФ не определен или определен неконкретно.

**Участники – представители
государства, от его имени
и по его поручению
ведущие уголовный процесс**

Должная эффективность деятельности следователя, основанная в том числе на уровне его процессуальной самостоятельности, во многом предопределена его взаимоотношениями с ведомственным руководителем и прокурором, а также с контролирующим предварительное расследование по уголовному делу судом. Действительно, деятельность следователя связана с ограничением конституционных прав и свобод граждан. Именно поэтому деятельность следователя при принятии им наиболее важных процессуальных решений контролируется целым комплексом возможностей со стороны руководителя следственного органа, прокуратуры и суда. Такой контроль призван устранить вероятность незаконного ограничения

прав участников уголовного судопроизводства [1, с. 152]. Иными словами, специфика деятельности следователя в ходе досудебного производства требует контроля и надзора за ее законностью и соблюдением принципов уголовного судопроизводства, чему служат ведомственный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль, направленные в первую очередь на защиту прав, свобод и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве.

Понятия «контроль» и «надзор» в теории уголовного процесса рассматриваются как близкие по значению, но и принципиально отличные в процессуальном плане категории. Предлагается выделять следующие критерии их различия: 1) временной фактор воздействия; 2) наличие ответственности у субъекта контроля за принимаемые решения в отличие от субъекта надзора; 3) надзор может быть только внешним, в то время как контроль может быть и внутренним, местным; 4) предметом прокурорского надзора может быть только законность уголовно-процессуальной деятельности, но не сама деятельность, при контроле оценке подвергаются обе составляющие: и соблюдение законности, и качество самой деятельности органов досудебного производства [1, с. 152]. С определенной степенью разумного сомнения данные критерии можно принять за основу разграничения двух анализируемых понятий.

Вместе с тем вполне очевидно, что у функций контроля и надзора единые цели: обеспечение режима законности в уголовном судопроизводстве. Более того, правовое государство предполагает многоканальную систему контроля (надзора) законности и обоснованности уголовно-процессуальной деятельности при единственном условии: необходимо определить оптимальную схему взаимоотношений органа предварительного расследования и субъектов контроля

(надзора). Кроме того, аналогичная схема должна быть разработана для эффективного соотношения судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля, при котором субъекты одной формы контроля (надзора) не дублировали бы функции и полномочия субъектов другой формы, а лишь дополняли и усиливали их.

В результате законодательных реформ с 2007 г. в отечественном уголовном процессе сформировалась полицейская модель предварительного следствия (следователь + руководитель следственного органа), которую нельзя признать эффективной и полностью гарантирующей законность и объективность досудебного производства. В связи с этим представляется необходимым в Российской Федерации сформировать (восстановить) модель прокурорского расследования, в целях чего надлежит:

– на законодательном уровне признать следователя самостоятельным органом предварительного следствия, наделенным исключительным правом выполнения данной государственной функции;

– полномочия прокурора по процессуальному руководству предварительным следствием и осуществлению надзора за исполнением законов органами, его осуществляющими, восстановить до состояния, предшествующего реформе 2007 г.;

– руководитель следственного органа должен быть ограничен в своей деятельности реализацией организационно-распорядительной функции по управлению следственным подразделением, в то время как процессуальные средства устранения выявленных нарушений (отмена незаконных и/или необоснованных решений следователя, возвращение уголовного дела следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования), а также полномочия по продлению сроков предварительного расследования,

разрешение отводов, заявленных следователю (самоотводов), должны быть сосредоточены у прокурора.

Для формирования подлинной и эффективной модели прокурорского расследования необходимо также решить еще одну проблему. Как представляется, все более принципиальным становится вопрос о соотношении двух современных форм предварительного расследования, которое, как известно, в соответствии с ч. 1 ст. 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) производится в форме предварительного следствия либо в форме дознания.

Дифференцируя порядки предварительного расследования, законодатель в ч. 3 ст. 150 УПК РФ приводит перечень преступлений, по которым, по его представлению, не требуется квалифицированного предварительного следствия, а можно обойтись сокращенным дознанием. Правоприменительная практика достаточно объективно подтверждает, что подобное деление явно искусственное и выбор режима производства зависит не от квалификации преступления, а от его конкретных обстоятельств и трудностей их установления.

Игнорирование данного вывода привело к тому, что уже в годы действия УПК РФ проблема слияния двух форм предварительного расследования – предварительного следствия и дознания – стала очевидной.

Действительно, в первые 10 лет действия УПК РФ дознание из ускоренного и упрощенного производства как самостоятельной альтернативы предварительному следствию постепенно переродилось в ординарное производство, очень сходное с квалифицированной формой предварительного расследования (например, сроки дознания практически полностью стали соответствовать срокам предварительного следствия с возможностью их продления).

При этом дифференциация форм досудебного производства имеет место лишь тогда, когда есть существенные особенности этих форм, т. е. качественные различия в организации и порядке уголовно-процессуальной деятельности¹.

Так, представляя классификацию следователей по уровню сложности расследуемых уголовных дел, С. М. Кузнецова однозначно предлагает дознание как самостоятельную форму расследования ликвидировать: предварительное расследование должно осуществляться в единственной форме – предварительного следствия с учетом вышеназванной многоуровневой специализации следователей [2, с. 83].

Действительно, предварительное следствие и альтернативное ему дознание постоянно и упорно стремятся к единому руслу производства. Может быть, этому не мешать? Учитывая, что это естественный объективный процесс, законодатель, как представляется, должен отреагировать сохранением единой формы квалифицированного расследования при наличии иных, действительно ускоренных и упрощенных форм досудебного производства.

**Участники, имеющие
и реализующие свой интерес
в уголовном процессе,
а также защищающие
или представляющие их интерес**

Наиболее проблемная, одиозная фигура, предложенная законодателем, – это, безусловно, «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», момент и механизм наделения которого статусом защищающейся от уголовного преследования стороны в УПК РФ не определены.

Анализ отдельных норм УПК РФ, хоть косвенно, но подтверждает присутствие

по воле законодателя в стадии возбуждения уголовного дела лица, подозреваемого в совершении преступления. Так, согласно ч. 2 ст. 148 УПК РФ «при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретного лица или лиц, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания обязаны рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос в отношении лица, заявившего или распространившего ложное сообщение о преступлении».

Законодатель предоставляет лицу, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении, комплекс прав, а именно: в соответствии с ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ лицо вправе давать объяснения, не свидетельствовать против себя и своих близких родственников, знать о принятых итоговых решениях и пользоваться услугами защитника [3, с. 31]. Сходными по содержанию средствами защиты обладает и подозреваемый. Так, согласно ч. 4 ст. 46 УПК РФ подозреваемый вправе знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения, давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний, пользоваться помощью защитника. Оба эти участника также обладают правом не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников (ст. 51 Конституции РФ) и правом на защиту².

Напомним, что Верховный Суд РФ еще в 2015 г. разъяснил, что правом на защиту

¹ Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 443 с.

² О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 // Рос. газ. 2015. 10 июля.

обладает в том числе и лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ³.

Таким образом, на данном этапе развития уголовно-процессуального законодательства необходимо урегулировать статус лица, в отношении которого фактически осуществляется уголовное преследование на стадии возбуждения уголовного дела. Сравнив процессуальное положение лица, в отношении которого осуществляется предварительная проверка сообщения о преступлении, с процессуальным положением подозреваемого, группа авторов приходит к достаточно обоснованному выводу о целесообразности расширения процессуального статуса подозреваемого и на стадии возбуждения уголовного дела. При этом предлагается, во-первых, считать подозреваемым лицо с момента осуществления фактических действий, направленных на его изобличение в совершении преступления до момента предъявления обвинения в установленном законом порядке, что позволило бы решить проблему периодически расширяемого перечня оснований для признания лица подозреваемым; во-вторых, ввести акт процессуального уведомления о начале уголовного преследования, с вынесением которого лицо ставилось бы в статус подозреваемого [4]. Представляется, что данные предложения требуют особого внимания.

Как известно, субъектом правоотношений является лицо, вступающее в них с намерением их возникновения и реализации своей воли [5, с. 8]. Следовательно, правоотношения, которые возникают на стадии возбуждения уголовного дела, влекут наделение участников доследственного производства определенным процессуальным

статусом. Более того, под уголовным преследованием подразумевается не только обвинительный тезис, выдвигаемый стороной обвинения, но и деятельность, направленная на установление лица, совершившего преступление [6, с. 224].

Таким образом, подозреваемый – это лицо, в отношении которого имеются вероятностные знания о причастности его к совершенному (готовящемуся) преступлению, сформированные, возможно, еще до возбуждения уголовного дела в ходе избличительной деятельности, осуществляемой (при современном построении доследственного производства) в отношении лица с неопределенным статусом [7, с. 71], *de jure* еще не являющегося подозреваемым. В связи с этим следует признать, что на стадии возбуждения уголовного дела лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении, *de facto* входит в группу участников защищаемой стороны и обладает тем же объемом прав, что и подозреваемый. Следовательно, подозреваемый должен вступать в уголовно-процессуальные отношения с момента начала проверки сообщения о преступлении в отношении него, о чем, как указывалась выше, органы предварительного следствия и дознания должны его уведомлять *ex officio*.

Как представляется, определение формы и порядка уведомления о подозрении можно связать с требованиями ст. 223¹ УПК РФ при соответствующих корректировках согласно высказанным предложениям.

Участники, выполняющие вспомогательную функцию в уголовном досудебном производстве

УПК РФ не содержит перечня лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство

³ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве ...

в качестве специалиста, однако закон регламентирует исключительно участие тех специалистов, вовлечение которых обязательно в зависимости от следственной ситуации [8]. К числу таковых благодаря анализу УПК РФ относятся: судебно-медицинский эксперт либо врач (ст.ст. 178 и 179) – при осмотре трупа, а также при освидетельствовании, если следователь не вправе провести следственное действие самостоятельно; специалист технической поддержки – при изъятии электронных носителей информации (ст. 164¹); педагог или психолог – при допросе несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого (ст. 425), потерпевшего и свидетеля (ст. 191). При этом вопрос о конкуренции участия психолога и педагога как субъектов уголовного процесса по-прежнему остается открытым [9]. Так, группа авторов констатирует разные цели в участии педагога и психолога, в связи с чем они не могут рассматриваться в качестве тождественных процессуальных фигур [10].

УПК РФ дает достаточно пространное определение понятия педагога. Согласно п. 62 ч. 1 ст. 5 УПК РФ «педагог – это педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся». Таким образом, УПК РФ дефинирует только лицо, которое может быть привлечено в качестве педагога, но абсолютно игнорирует определение его функциональной составляющей в уголовном процессе. Однако в отношении психолога отсутствует и эта информация.

Вместе с тем анализ теории и правоприменительной практики участия данных специалистов позволяет выделить цели вовлечения их в уголовное судопроизводство. Так, педагог в уголовном процессе обеспечивает правильное с педагогической точки зрения общение с несовершеннолетними следователя,

дознателя, прокурора, судьи, которые не обладают специальными педагогическими знаниями и навыками общения с лицами, не достигшими 18-летнего возраста [11, с. 122]. Основной задачей педагога выступает содействие получению полных и достоверных показаний несовершеннолетнего. Для достижения указанной цели и решения основной задачи педагогу в зависимости от ситуации нужно выполнить конкретные задачи: установить психологический контакт; создать непринужденную обстановку на допросе; обеспечить оптимальное эмоциональное состояние подростка; оказать помощь в формулировании педагогически корректных вопросов, составлении совместного плана допроса; определить его продолжительность; оказать содействие следователю в фиксации показаний [12, с. 39].

Таким образом, в основе выбора участия в уголовном досудебном производстве педагога или психолога лежит определение функциональной составляющей их профессиональной деятельности. В этих целях ст. 5 УПК РФ необходимо дополнить понятием «психолог» и изменить редакцию п. 62 этой же статьи при определении понятия педагога, используя следующие дефиниции: *«педагог – это независимый, компетентный специалист в области воспитательно-образовательной деятельности, привлекаемый к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в профессиональном общении с несовершеннолетними при получении полных и достоверных показаний»;* *«психолог – это независимый, компетентный специалист в области практической психологии, привлекаемый к участию в процессуальных действиях в порядке, определенном УПК РФ, для содействия в установлении психологического контакта с несовершеннолетним и создания для него благоприятной атмосферы проведения следственного действия».*

**Участники,
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС КОТОРЫХ
в УПК РФ НЕ ОПРЕДЕЛЕН
ИЛИ ОПРЕДЕЛЕН НЕКОНКРЕТНО**

Система участников уголовного судопроизводства определена в разделе II УПК РФ. При этом объем лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальные отношения, значительно шире. Практика правоприменения постоянно сталкивается с ситуациями, когда в уголовно-процессуальные отношения вовлекаются субъекты, правовой статус которых законодателем конкретно не обозначен.

В литературе активно обсуждается вопрос о наделении индивидуальным процессуальным статусом именно заявителя [13; 14] как наиболее часто встречающегося субъекта, от которого порой зависит начало уголовно-процессуальной деятельности.

Заслуживают внимания предложения Н. Е. Муженской и Г. В. Костылевой по дополнению текста УПК РФ новой нормой (ст. 41¹ «Заявитель») и наделению заявителя обширными правами как самостоятельного и полноценного участника уголовного судопроизводства. В качестве аргумента авторы ссылаются на то обстоятельство, что заявитель вступает в уголовно-процессуальные правоотношения с момента их возникновения, соответственно, приобретает ряд прав и обязанностей. В законе также, по их мнению, предусмотрены требования к заявителю, значит, он выступает самостоятельным участником, так как заявитель представляет свои интересы или интересы лица, в отношении которого совершено преступление, т. е. фактически обладает статусом «потерпевший» или «представитель потерпевшего» [15, с. 55].

Сходное мнение высказывает И. Г. Башинская, предлагая законодательно причислить заявителя к участникам уголовного судопроизводства, дополнив гл. 8 УПК РФ статьей «Заявитель», в кото-

рой привести его права и обязанности. По мнению автора, такое нововведение будет способствовать активному участию заявителя в доследственной проверке и отстаиванию им своих прав и законных интересов [16, с. 159].

Иное решение предлагает С. А. Грачев: заявитель – промежуточный статус, дополняемый в последующем широким арсеналом прав потерпевшего. Автор указывает на необходимость приравнять права заявителя к правам потерпевшего [17, с. 38], что отчасти сейчас и сделано: заявитель вправе подавать заявление о преступлении и знать о порядке и результатах его рассмотрения; давать объяснения; пользоваться услугами адвоката (аналогичное право есть и у потерпевшего – иметь представителя); подавать жалобы на действия (бездействие) или решения сотрудников правоохранительных органов; участвовать в следственных и иных процессуальных действиях; знакомиться с материалами проверки, завершившейся итоговым решением.

Несмотря на некоторое сходство (симметричность) прав рассматриваемого участника с потерпевшим, заявитель в последующем, на стадии предварительного расследования, может получить совсем иной, новый либо даже аналогичный процессуальный статус. Например, статус свидетеля, который наблюдал факт совершения преступления или узнал из иных источников о готовящемся или совершенном преступлении; или статус подозреваемого, если рассматривать явку с повинной как своеобразный аналог заявления о преступлении; либо статус гражданского истца, если имуществу заявителя был причинен вред; а возможно, и статус представителя несовершеннолетнего в случае подачи заявления в интересах последнего; и др.

Есть и иные точки зрения. Так, А. М. Наумов полагает опрометчивым внесение в УПК РФ отдельной статьи,

посвященной заявителю, поскольку это статус временный и неоднозначный в силу того, что заявитель – это будущий свидетель, потерпевший или подозреваемый [18].

Вместе с тем стоит учитывать, что процессуальные возможности необходимы заявителю, независимо от его перспективного процессуального статуса, именно на момент подачи заявления о преступлении, но не после возбуждения уголовного дела.

Резюмируя сказанное, отметим, что уголовно-процессуальная деятельность невозможна вне правоотношений, которые, по мнению Л. М. Володиной, выступают отношениями между государством в лице государственных органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, а также других субъектов, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, основываются на взаимных правах и обязанностях субъектов уголовного процесса [19, с. 139]. Соответственно, с момента возникновения уголовно-процессуальных отношений появляется субъект (участник) таковых и за ним закреплен индивидуальный процессуальный статус, который должен разрабатываться и разъясняться применительно к отдельным заинтересованным участникам в зависимости от характера и содержания их законных интересов и включать процессуальные права, обязанности и ответственность, соответствующие законным интересам⁴.

Таким образом, анализ ст.ст. 125, 144, 145, 146 УПК РФ показывает, что заявитель и иные лица, вовлекаемые в уголовно-процессуальные отношения на стадии возбуждения уголовного дела, вправе: знать о принятом в результате рассмотрения сообщения о преступлении решении;

приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда и принимать участие в их рассмотрении судом; участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК РФ, производимых по его ходатайству; знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении при отказе в возбуждении уголовного дела; заявлять ходатайства или отводы; пользоваться услугами адвоката в порядке ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ. Данный комплекс прав нуждается в систематизации. В связи с этим необходимо текст УПК РФ дополнить нормой, регламентирующей процессуальный статус заявителя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве реализации основных направлений оптимизации процессуального статуса участников досудебного производства необходимо учитывать следующие предложения: 1) приведение процессуального положения органов уголовного досудебного производства в оптимальное состояние возможно при распределении ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора в пользу последнего и создании единой формы предварительного расследования; 2) изменение и точечная корректировка процессуального положения отдельных участников, например, вовлечение подозреваемого на стадии возбуждения уголовного дела и уточнение цели и роли участия в деле педагога и психолога; 3) установление компромисса между необходимостью расширения субъектного состава и сохранением его в прежних рамках.

⁴ *Гладышева О. В.* Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 14–15.

Список литературы

1. Маркелова О. Н. Соотношение процессуального руководства, прокурорского надзора и судебного контроля // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 152–155. DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2019.9.36832>
2. Кузнецова С. М. Реформа предварительного расследования: перспективы развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 80–83.
3. Шалумов М. С. Адвокат в доследственной проверке: условия участия в качестве защитника // Уголовный процесс. 2018. № 6 (162). С. 26–31.
4. Деришев Ю. В., Земляничин Е. И. Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29). С. 95–100.
5. Бредихин А. Л., Байкеева С. Е. Правоотношения: к новым основаниям классификации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7, № 1. С. 5–8. DOI: <https://doi.org/10.47475/2618-8236-2022-17101>
6. Мирзоян Г. А. Понятие уголовного преследования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-1 (54). С. 222–225. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-3-1-222-225>
7. Деришев Ю. В. Реликт социалистической законности мутирует // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 6 (102). С. 71–76.
8. Семенов Е. А. Врач, педагог, психолог, переводчик и их правовое положение в уголовном процессе России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 503–508.
9. Курбатова С. М. Психологизация уголовного судопроизводства и ее негативные последствия (обзор доклада проф. В. В. Николоюка на пленарном заседании международной конференции «Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход») // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3 (19). С. 24–32. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-3-24-32>
10. Бычков А. Н. Участие педагога в российском уголовном судопроизводстве : моногр. М., 2011. 176 с.
11. Шувалова М. А. Педагог и психолог как две независимые процессуальные фигуры уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83). С. 118–123. DOI: <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-3-118-123>
12. Тетюев С. В. Зачем уголовному процессу педагог? // Российская юстиция. 2010. № 6. С. 37–41.
13. Тарасов А. А. О процессуальном статусе «заявитель о преступлении» // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 131–141.
14. Черкасова Ю. А. Процессуальные гарантии заявителя как участника уголовного судопроизводства с неопределенным уголовно-процессуальным статусом // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 197–200. DOI: <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-3-197-200>
15. Муженская Н. Е., Костылева Г. В. Заявитель – участник уголовного судопроизводства // Законность. 2012. № 7 (932). С. 52–56.
16. Башинская И. Г. О правовом положении заявителя на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 157–160.
17. Грачев С. А. Процессуальные проблемы обеспечения прав заявителя в стадии возбуждения уголовного дела // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 3 (19). С. 34–38.
18. Наумов А. М. Процессуальный статус участников доследственной проверки // Российский следователь. 2016. № 8. С. 8–12.
19. Володина Л. М. Уголовно-процессуальные правоотношения // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 1. С. 138–144.

References

1. Markelova O. N. The Ratio of the Procedural Management, Public Prosecutor's Supervision and Judicial Control. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2019;9:152-155. DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2019.9.36832> (In Russ.)
2. Kuznetsova S. M. Reform of the Preliminary Investigation: Prospects for Development. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*. 2015;2:80-83. (In Russ.)
3. Shalumov M. S. Advocate in Pre-Investigation Verification: Conditions for Participation as a Defense Counsel. *Criminal Procedure*. 2018;6:26-31. (In Russ.)
4. Derishev Yu. V., Zemlyanitsin E. I. Procedural Status of the Person Against Whom a Preliminary Verification of Reporting a Crime Is Conducted. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2014;3:95-100. (In Russ.)
5. Bredikhin A. L., Baykееva S. E. Legal Relations: to New Grounds for Classification. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2022;7(1):5-8. DOI: <https://doi.org/10.47475/2618-8236-2022-17101> (In Russ.)

6. Mirzoyan G. A. Concept of Criminal Prosecution. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;3-1:222-225. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-3-1-222-225> (In Russ.)
7. Derishev Yu. V. Relic of Socialist Legality Is Mutating. *Russian Law: Education, Practice, Research*. 2017;6:71-76. (In Russ.)
8. Semenov Ye. A. Doctor, Pedagogue, Psychologist, Translator and Their Legitimate Position in the RF Criminal Code. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;2:503-508. (In Russ.)
9. Kurbatova S. M. Psychologization of Criminal Proceedings and Its Negative Consequences (Review of the Report of Prof. V. V. Nikolyuk at the Plenary Session of the International Conference “Ensuring the Rights of Participants in Criminal Proceedings with Disabilities: a Compensatory Approach”). *Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2021;3:24-32. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-3-24-32> (In Russ.)
10. Bychkov A. N. *Involvement of Educators in Russian Criminal Proceedings*. Moscow, 2011. 176 p. (In Russ.)
11. Shuvalova M. A. Teacher and Psychologist as Two Independent Procedural Figures of Criminal Proceedings. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;3:118-123. DOI: <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-3-118-123> (In Russ.)
12. Tetyuev S. V. Why Is the Presence of an Educator Necessary in the Criminal Process? *Russian Justice*. 2010;6:37-41. (In Russ.)
13. Tarasov A. A. To the Question About the Procedural Status of the “Applicant Abouta Crime”. *Judicial Authority and Criminal Process*. 2021;1:131-141. (In Russ.)
14. Cherkasova Yu. A. Procedural Guarantees for the Complainant as a Participant in Criminal Proceedings with Uncertain Criminal Procedural Status. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;3:197-200. DOI: <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-3-197-200> (In Russ.)
15. Muzhenskaya N. E., Kostyleva G. V. An Applicant – Participant of Criminal Proceedings. *Zakonnost Journal*. 2012;7:52-56. (In Russ.)
16. Bashinskaya I. G. On the Legal Status of Applicant at the Pre-Trial Stage of Criminal Proceedings. *Society and Law*. 2014;3:157-160. (In Russ.)
17. Grachev S. A. Procedural Problems of Securing the Rights of the Declarant on the Stage of the Institution of the Action. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012;3:34-38. (In Russ.)
18. Naumov A. M. Procedural Status of Pre-Investigation Check Participants. *Russian Investigator*. 2016;8:8-12. (In Russ.)
19. Volodina L. M. Criminal Procedural Legal Relations. *Tyumen State University Herald*. 2004;1:138-144. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Сергеевна Морозова, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4886-3740>; e-mail: olga283m@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga S. Morozova, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure at the Siberian Law University (12 Korolenko, Omsk, 644010, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4886-3740>; e-mail: olga283m@mail.ru

Поступила | Received
08.04.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
19.04.2024

Принята к публикации | Accepted
02.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В целях повышения качества публикуемых материалов все присланные работы (научные статьи, сообщения, обзоры, рецензии и т. д.) проходят рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат». К рассмотрению принимаются только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Статьи принимаются на русском (или) английском языке. Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

Требования к оформлению рукописи научной статьи, направляемой в журнал

Рукопись научной статьи (далее – рукопись, статья) представляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (doc, docx, rtf). Приоритетной формой представления рукописи является заполнение формы на сайте журнала <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. Рукопись статьи для публикации с лицензионным договором в 2 экземплярах и заявкой автора может быть также направлена на электронную почту редакции (nauka@siblu.ru).

Рукопись принимается на русском и английском языках, при этом она должна соответствовать профилю журнала и отражать результаты оригинальных научных исследований.

Общий объем рукописи (всех ее структурных элементов) должен составлять от 20 до 40 страниц машинописного текста или 40–45 тыс. знаков с учетом пробелов.

При наборе текста необходимо использовать шрифт Times New Roman. Размер шрифта для основного текста рукописи – 14 пт, сноска – 12; нумерация сноска сквозная. Межстрочный интервал – полуротный. Расстановка переносов не применяется.

Перед текстом статьи указывается **УДК**.

Статья в обязательном порядке должна включать следующие **структурные элементы**:

- название статьи;
- сведения об авторах и их аффилиации;
- аннотацию;
- ключевые слова;
- финансирование (при наличии);
- введение;
- основную часть статьи, состоящую из трех и более разделов, каждый из которых должен иметь собственное наименование;
- заключение;
- благодарности (данный раздел включается по усмотрению автора);
- список литературы на русском языке;
- список литературы на английском языке (References);
- информацию об авторах.

Наименования структурных элементов статьи «Аннотация», «Ключевые слова», «Финансирование», «Введение», «Заключение», «Благодарности», «Список литературы», «References» должны быть воспроизведены в тексте статьи. Структурные элементы статьи не нумеруются.

Название статьи (не более 10 слов) должно содержать основные ключевые слова, характеризующие содержание статьи. Указывается на русском и английском языках. Располагается в левой верхней части листа.

Авторы и их аффилиация указываются в следующей строке после названия статьи с выключкой влево. Данные приводятся без сокращений, на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы (название организации, соответствующее указанному в ее уставе, город, страна), адрес электронной почты).

В обязательном порядке указываются идентификаторы (ORCID iD, Researcher ID и др.). Если таковые отсутствуют,

авторам необходимо предварительно зарегистрироваться на <https://orcid.org>.

Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Авторы могут указываться в алфавитном порядке, если их вклад в исследование равноценен.

Аннотация (объем 250–300 слов) – самостоятельный источник информации о статье, краткая характеристика работы, представляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть логичной и отражать основное содержание статьи (предмет, цель, методы и выводы исследования). Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание публикации, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения, в аннотации не приводятся. Рекомендуется составлять аннотацию в соответствии со структурой ее основной части, выбирая из каждого раздела самые важные сведения, дающие в совокупности полное представление о содержании статьи.

Аннотацию рекомендуется составлять после завершения работы над статьей. Особое внимание следует уделить качеству перевода.

Ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний) должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

Финансирование – факультативный структурный элемент, включающийся в статью при наличии финансовой поддержки исследования юридическими и физическими лицами. Здесь может содержаться указание на то, за счет каких грантов, контрактов, стипендий удалось провести исследование.

Введение должно содержать обоснование актуальности и новизны темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку исследовательской проблемы, формулирование гипотезы исследования, описание методов, которые использовались для получения результатов, указание на цели и задачи исследования.

Основная часть статьи, состоящая из трех и более разделов, включает в себя фактические результаты исследования, их интерпретацию, в том числе оценку соответствия полученных результатов гипотезе исследования, обобщение его итогов, сравнение с результатами других исследователей, предложения по практическому применению результатов исследования, а также по направлению будущих исследований.

Заключение содержит главные идеи статьи, итоги исследования без дословного воспроизведения формулировок, содержащихся в основной части статьи.

Благодарности. Данный структурный элемент включается в статью по усмотрению автора в целях выражения признательности коллегам за помощь в подготовке статьи, критические комментарии, которые позволили улучшить содержание рукописи, благодарности за поддержку исследования людям и организациям.

Список литературы должен содержать ссылки на все научные источники информации, упомянутые в тексте статьи.

Литература, используемая при написании статьи, должна отражать современное состояние вопроса, включать публикацию как в отечественных, так и в зарубежных журналах и изданиях.

Список приводится в конце статьи, выстраивается по порядку упоминания источников в тексте, а не по алфавиту, независимо от названия и языка источника, и пронумеровывается. В одном пункте перечня следует указывать только один источник информации.

Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и тщательно выверяется.

В списке литературы сведения об используемом издании должны обязательно содержать указание на издательство, общее количество страниц в используемом издании либо на конкретные страницы, где содержится соответствующий материал, если издание имеет периодический характер.

Если источник имеет DOI, то его указание является обязательным.

По тексту статьи даются отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка к источнику информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скобках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]).

Обязательные параметры списка литературы:

- не менее 10–12 источников, из них: не менее 25 % источников – зарубежные (из которых 10 % – статьи из журналов, индексируемых в Web of Science, Scopus; работы на английском, немецком, французском языках, опубликованные в периодических научных изданиях (не дополнительных выпусках), а также статьи в сборниках трудов конференций и монографии, опубликованные в издательствах, не замеченных в применении недобросовестной издательской политики);

- не более 15 % источников – монографии;

- ссылки на литературу, опубликованную ранее 2009 г., должны быть единичными, кроме исследований, отражающих исторический аспект проблемы;

- не допускается самоцитирование. В случае невозможности избежать упоминания о ранее опубликованных автором трудах следует указать лишь на то, что автор уже рассматривал данный вопрос, при этом ссылки на опубликованные труды в тексте статьи не делаются, и в списке литературы они не приводятся.

Не включаются в список литературы следующие внеучастные источники информации:

- диссертации, авторефераты диссертаций;

- учебники, учебные пособия;

- нормативные правовые акты и комментарии к ним, судебные акты;

- правила, стандарты, патентные документы;

- словари, энциклопедии, другие справочники;

- доклады, отчеты, протоколы, данные статистики;

- средства массовой информации, интернет-ресурсы.

Ссылки на перечисленные внеучастные источники информации приводятся в подстрочных сносках.

Подстрочные сноски оформляются как примечания, вынесенные из текста вниз страницы, со сквозной нумерацией в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

В списке литературы на английском языке (**References**) порядок источников должен соответствовать русскоязычному списку литературы. Ссылки на источники оформляются в формате Vancouver. После описания источника необходимо указать язык издания, например, если оно было опубликовано на русском языке – (In Russ.). Для англоязычных источников это правило не применяется. Если источник написан на латинице (на немецком, французском и проч.), он должен быть процитирован в оригинальном виде.

При переводе русскоязычных источников и источников на других кириллических языках рекомендуется проверять наличие официального опубликованного перевода.

Транслитерация производится по стандарту BSI и применяется в следующих случаях:

- для обозначения фамилии, имени, отчества (при наличии) авторов источника;

- для собственных названий издательств, например: Nauka, Yurlitinform;

- если нет информации об использовании журналом англоязычного названия (рекомендуется проверить на официальном сайте данного журнала).

При подготовке списка литературы можно обратиться к автоматическим системам подготовки списка литературы (EndNote, Mendeley, Zotero и др.)

В блоке «**Информация об авторах**» для каждого автора указываются: полные фамилия, имя, отчество (при наличии), должность, место работы и его полный юридический адрес, ученая степень, ученое звание, почетное звание, все имеющиеся идентификаторы автора, адрес электронной почты, а также контактный номер телефона, который будет использован только для связи редакции с автором и не будет публиковаться в журнале и (или) на его сайте.

Формулы, таблицы и рисунки, приводимые в статье, должны быть пронумерованы, а рисунки и таблицы также и названы, к ним должны быть отсылки в тексте статьи. В таблицах не должно быть пустых граф. Простые внутрстрочные и однострочные формулы, а также рисунки и таблицы должны быть набраны без использования специальных редакторов. Рисунки и формулы также прилагаются к статье отдельными файлами в формате JPEG с разрешением не менее 300 dpi.

Не допускаются во всех структурных элементах статьи:

- набор шрифтом «все прописные»;

- полужирное начертание;

- наличие двух и более пробелов подряд;

- знаки табуляции;

- абзацный отступ пробелами и (или) знаком табуляции;

- мягкий перенос;

- разреженный и (или) уплотненный шрифт.

В случае несоответствия статьи установленным требованиям к оформлению и (или) содержанию решением редакционной коллегии статья отклоняется, о чем автор информируется по электронной почте.

За достоверность приведенных в статье сведений ответственность несут ее авторы.

INFORMATION FOR AUTHORS

In order to improve the quality of published materials, all submitted works (scientific articles, messages, reviews, etc.) are reviewed and checked by the “Antiplagiat” system. Only original articles that have not been previously published and are not pending in other publications are accepted for consideration. The article submitted for publication should be relevant, have novelty, contain a statement of tasks (problems), a description of the main research results obtained by the Author, conclusions. Articles are accepted in Russian and/or English. Materials for publication in English are submitted by foreign Authors without translation in any part of them into Russian.

Requirements to the formatting of the scientific article submitted to the journal

The manuscript of the scientific article (hereinafter referred to as the manuscript/article) shall be submitted in electronic version, in the format supported by Microsoft Word 2007 or higher (doc, docx, rtf). The priority form of the Article submission is the filling of the form at our web-site <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. The manuscript of the article to be published with the license agreement (in duplicate) and the Author’s request enclosed may also be sent to the editorial office’s e-mail (наука@siblu.ru).

The manuscript shall be accepted in Russian and English, hereby it should comply with the Journal’s profile and highlight the results of the original scientific research.

The total volume of the article (including all the article elements) must be 20 to 40 type-written pages or 40,000–45,000 characters (blank spaces included).

For the text typing use Times New Roman font. Font size for the body of the Article – 14 pt, footnotes – 12; footnote numbering – consecutive. Line spacing – 1.5. No hyphenation.

UDC Code before the text of the Article is mandatory.

The Article must include the following **structural elements**:

- Title of the Article;
- The Authors and Their Affiliation;
- Abstract;
- Keywords;
- Funding (if any);
- Introduction;
- the body of the Article consisting of three or more sections each having its own title;
- Conclusion;
- Acknowledgements (to be included at the Author’s discretion);
- References (in Russian)
- References (in English);
- Information about Authors.

The titles of the structural elements (“Abstract”, “Keywords”, “Funding”, “Introduction”, “Conclusion”, “References”) must be stated in the text of the Article. The Article structural elements shall not be numbered.

Title of the Article (maximum 10 words) must contain the main key words. Shall be provided in Russian and English. Left-aligned in the top of the page.

The Authors and their affiliation are indicated on the line right after the title of the article (research paper), aligned to the left. The data is given without abbreviations, in Russian and English (last name, first name, patronymic (if any), place of work (name of the organization corresponding to that specified in its charter, city, country), e-mail address).

Authors must state their identifiers (ORCID iD, Researcher ID). If they have no identifiers the Authors should first sign in at: <https://orcid.org>.

The sequence of the enumeration of the Authors is based on their contribution to the work completed. If the contribution to the research is equal the Authors may be listed alphabetically.

Abstract (250–300 words) – independent source of information of the Article, brief characteristic of the Work, shall be

provided in Russian and English. The Abstract must be logical and highlight the main contents of the Article (subject, objective, methods and conclusions of the study). The data contained in the title of the Article must not be repeated in the text of the Abstract. Avoid excessive introductory phrases, like “the Author of the article reviews...”. Historical data (unless they are the main contents of the Article), description of the previously published works and commonly known provisions shall not be included into the Abstract. We recommend to make up the Abstract in accordance with the structure of the body of the Article selecting the most important data from each section to provide in aggregate the comprehensive idea of the contents of the Article.

The Abstract should be made up after the completion of the work on the Article. Special emphasis should be given to the quality of the translation.

Keywords (5–10 words or word-combinations) should highlight the specific features of the topic, object and findings of the study. The Keywords must be separated with a semi-colon.

Funding is an optional structural element included in the article if there is financial support for the study by legal entities and (or) individuals. This may contain an indication of what grants, contracts, scholarships were used to conduct the study.

Introduction shall include the substantiation of the topicality and novelty of the study, review of the literature on the study subject-matter, study problem setting, definition of the study hypothesis, description of the methods used to obtain the findings, definition of the study objectives and tasks.

The body (main part) of the Article consisting three or more sections, contains the actual findings of the study, interpretation thereof, including compliance of the findings obtained with the study hypothesis, limitations of the study and generalization of its outcomes, comparison with the findings of other researchers, proposals on the future practical application of the future studies.

Conclusion contains the main ideas of the body of the Article, outcomes of the study without verbatim repetition of the definitions included in the body of the Article.

Acknowledgements. This structural element shall be included into the Article at the Author’s discretion to express appreciation to the colleagues for the help with the Article preparation, including critical comments which enabled the manuscript improvement, gratitude for the financial support of the study by people and institutions.

References section shall contain references to all the scientific information sources mentioned in the text of the Article.

The literature used for the Article writing shall highlight the present-day state of the problem and include publications in both Russian and international journals and editions.

The Reference list is provided at the end of the Article and made up in the order the sources are referred to in the text, not alphabetically, regardless of the original title and language, the listed references shall be numbered. One list item shall include only one information source.

The *references in Russian* shall be made up in accordance with GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making” and carefully checked.

The list of references must state the publishing house, total number of pages in the edition used, or specific pages containing the relevant materials if the edition is periodical.

If the reference has a DOI it must be stated.

In the text of the Article references to the specific number of the bibliographic record from the list shall be provided in square brackets. If the reference to the information source in the text of the Article is made several times, the source number from the list shall be repeated in the square brackets (without any changes in the List of References itself). In case of direct citation the page number must be provided (for example: [1, p. 25], [1, p. 59–60]).

Mandatory parameters of the List of References:

- minimum 10–12 sources, including: minimum 25 % sources – international (out of which 10 % – articles from the journals indexed in Web of Science, Scopus; works in English, German, French published in the scientific periodicals (not supplementary issues!) as well as articles in the collections of proceedings of the conferences and monographs published in the reputable publishing houses);

- maximum 15 % sources – monographs;
- references to the literature published before 2009 must be single, except studies containing historical aspect;
- avoid self-citation. If it is impossible to mention the previously published works, just mention in the Article that the Author has already reviewed this issue, in this case no references to the published works should be included into the list of references.

The following extrascientific information sources shall not be included into the list of references:

- dissertations, author's abstracts of the dissertations;
- text books, workbooks;
- statutes and regulatory acts, judicial acts;
- rules, standards, patents;
- dictionaries, encyclopedias, other reference books;
- reports, statements, protocols, statistics data;
- mass media, the Internet resources.

References to the extrascientific information sources above shall be provided in the footnotes.

The footnotes shall be made as notes to the text provided at the bottom of the page, consecutively numbered as per GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making”.

In the “**References**” (*in English*), the order of sources should correspond to the Russian-language list of references. References to sources are made in Vancouver format. After describing the source, it is necessary to indicate the language of the publication, for example, if it is published in Russian – (In Russ.). For English-language sources, this rule does not ap-

ply. If the source is written in Latin (German, French, etc.), it must be quoted in its original form.

When translating Russian-language sources and sources in other Cyrillic languages, it is recommended to check the availability of an official published translation.

Transliteration shall be applicable in the following cases:

- to provide the surname, given name and patronymic (if applicable) of the Authors of the reference;
- for the proper names of the publishing houses, for example, Nauka, Yurlitinform;
- if the information of the use of the English title by the Journal it not available (check by the journal official web-site is recommended).

The transliteration shall be provided as per BSI standard.

To prepare the list of references automatic systems for the preparation of the list of references may be used (EndNote, Mendeley, Zotero, etc.)

In the “**Information about Authors**” section, for each Author, the following is indicated: full surname, first name, patronymic (if any), position, place of work and its full legal address, academic degree, academic title, honorary title, all available identifiers of the Author, e-mail address, as well as a contact phone number, which will be used only for communication between the Editorial office and the Author and will not be published in the journal and (or) on its website.

Formulae, figures, table. All the formulae, tables and figures must be numbered, and the figures and tables – also titled, there must be references to them in the body of the Article. The tables must not have blank columns. Simple inline and single-line formulae as well as figures and tables must be typed without using special editor software. Figures and formulae shall be attached to the Article as separate files in JPEG-format, resolution – min. 300 dpi.

In the Article elements above the following shall not be admissible:

- using Caps Lock,
- bold font,
- two or more consecutive blank spaces,
- tabulation symbols,
- paragraph indent using blank spaces and tabulation character,
- soft hyphens,
- sparse or condensed font.

If the Article does not comply with the requirements to the lineup and/or contents above the editorial board shall decline the Article and notify the Author by e-mail.

The reliability of the data used in the texts shall be the Authors' responsibility.

Научный журнал «Сибирское юридическое обозрение»

Редактор: *О. В. Арефьева*

Редактор текстов на английском языке: *С. Ж. Капкенов*

Компьютерная верстка и оформление: *Л. А. Зарубина*

Дизайн обложки: *О. Ю. Шелыхов*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 19 апреля 2019 г. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-75350

Индекс в подписном каталоге «Почта России» – ПП812

Свободная цена

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов научного журнала «Сибирское юридическое обозрение» ссылка на журнал обязательна

© Редакция научного журнала «Сибирское юридическое обозрение», 2024

Адрес издателя и редакции: ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия

Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Дата выхода в свет: 27.06.2024

Подписано в печать 10.06.2024

Тираж 200 экз.

Формат 70 x 100 / 16. Усл. печ. л. 11,54. Уч.-изд. л. 12,36.

Отпечатано в ООО «Полиграфический центр "Татьяна"»

Адрес типографии: ул. Жукова, 107, Омск, 644046, Россия

Scientific journal "Siberian Law Review"

Editor: *O. V. Arefeva*

Text editor in English: *S. Zh. Kapkenov*

Desktop publishing and design: *L. A. Zarubina*

Cover desing: *O. Yu. Shelikhov*

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) at April 19, 2019. Registration No. PI № FS 77-75350

Index in the subscription catalog "Russian Post" – PP812

Price discretion

When reprinting or reproducing by any means in whole or in part the materials of the scientific journal "Siberian Law Review" reference to it is obligatory

© The editorial board of the scientific journal "Siberian Law Review", 2024

Address of the publisher and the editorial office: 12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia

Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Release date: 27.06.2024

Signed print 10.06.2024

Circulation 200 copies.

Format 70 x 100 / 16. Cond. pr. pg. 11.54. Edit. pr. pg. 12.36.

Printed in LLC "Printing Center "Tatyana"

Printing office address: 107 Zhukova st., Omsk, 644046, Russia